

Игорь Гудерман

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM



2098227149



О
выпивке,
о Боге,
о любви

18+

Игорь Туберман

О выпивке,
о Боге,
о любви



РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г93

Дизайнер — *Антон Ходаковский*

В оформлении переплета использован портрет автора
Б.И. Жутовского

Губерман, Игорь Миронович.

Г93 О выпивке, о Боге, о любви / Игорь Губерман. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены
Шубиной, 2018. — 347, [5] с.

ISBN 978-5-17-080625-6

В этом сборнике гариков и прозы Игорь Губерман пишет «о трех феноменах, сопровождающих нашу жизнь» — «О выпивке, о Боге, о любви».

«Ну, разумеется, в устах такого циника, скептика и охальника, каким я, кажется, являюсь, три этих дивных феномена обрастают всякими деталями». (Игорь Губерман)

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-080625-6

© Губерман И.М.
© ООО «Издательство АСТ»

Очень маленькое предисловие

призвано объяснить, почему я сплёл воедино три эти частые темы моих стихов. Потому что три феномена постоянно сопровождают нашу жизнь: выпивка дарит нам душевное облегчение, идея Бога — иллюзорные надежды, а любовь — недолгое чувство счастья. Ну, разумеется, в устах такого циника, скептика и охальника, каким я, кажется, являюсь, три этих дивных феномена обрастают всякими деталями. Почитайте понемногу этот сборник — вдруг вам что-нибудь понравится, почтенный читатель? Я этому буду очень рад.

СКОЛЬ ДИВНО, ЧТО ОТ АЛКОГОЛЯ
НИСХОДЯТ К НАМ ПОКОЙ И ВОЛЯ!

Когда поднимается рюмка,
любая печаль и напасть
спадают быстрее, чем юбка
с девицы, спешащей упасть.

✱

Какая, к чёрту, простокваша,
когда живём один лишь раз
и небосвод — пустая чаша
всего испитого до нас.

✱

Напрасно врач бранит бутыль —
в ней нет ни пагубы, ни скверны,
а есть и крылья, и костыль,
и собутыльник самый верный.

✱

Понять без главного нельзя
твоей сплочённости, Россия:
своя у каждого стезя,
одна у всех анестезия.

✱

Налей нам, друг! Уже готовы
стаканы, снедь, бутылъ с прохладцей,
и наши будущие вдовы
охотно с нами веселятся.

✱

Не мучась совестью нисколько,
живу года в хмельном приятстве;
Господь всеведущ не настолько,
чтобы страдать о нашем блядстве.

✱

Не тяжелы ни будней пытки,
ни суета окрестной сволочи,
пока на свете есть напитки
и сладострастье книжной горечи.

*

Как мы гуляем наповал,
и пир вершится повсеместный!
Так Рим когда-то ликовал,
и рос Аттила, гунн безвестный.

*

Чтоб дети зря себя не тратили
ни на мечты, ни на попытки,
из всех сосцов отчизны-матери
сочатся крепкие напитки.

*

Не будь на то Господня воля,
мы б не узнали алкоголя;
а значит, пьянство — не порок,
а высшей благодати урок.

*

Известно даже недоумку,
как можно духом воспарить:
за миг до супа выпить рюмку,
а вслед за супом — повторить.

*

Когда, замкнув течение лет,
наступит Страшный суд,
на нём предстанет мой скелет,
держа пивной сосуд.

*

Вон опять идёт ко мне приятель
и несёт холодное вино;
время, кое мы роскошно тратим, —
деньги, коих нету всё равно.

*

Да, да, я был рождён в сорочке,
отлично помню я её;
но вырос и, дойдя до точки,
пропил заветное бельё.

*

Нам жить и чувствовать дано,
искать дорогу в Божье царство
и пить прозрачное вино —
от жизни лучшее лекарство.

*

Не верь тому, кто говорит,
что пьянство — это враг;
он или глупый инвалид,
или больной дурак.

*

Весь путь наш — это времяпровождение,
отмеченное пьянкой с двух сторон:
от пьянки, обещающей рождение,
до пьянки после кратких похорон.

*

Я многому научен стариками,
которые всё трезво понимают
и вялыми венозными руками
спокойно свои рюмки поднимают.

*

Седает волос моих грива,
краснеют опухлости носа,
и рот ухмыляется криво
ногам, ковыляющим косо.

✱

Пока скользит моя ладья
среди пожара и потопа,
всем инструментам бытия
я предпочёл перо и штопор.

✱

Познавши вкус покоя и скитаний,
постиг я, в чём опора и основа:
любая чаша наших испытаний
легчает при долинии спиртного.

✱

Наслаждаясь воздержанием,
жду, чтоб вечность протекла,
осязая с обожанием
плоть питейного стекла.

✱

Мы пьём и разрушаем этим печень,
кричат нам доктора в глухие уши,
но печень мы при случае подлечим,
а трезвость иссушает наши души.

*

На дне стаканов, мной опустошённых,
и рюмок, наливавшихся девицам,
такая тьма вопросов разрешённых,
что время отдохнуть и похмелиться.

*

Вчера ко мне солидность постучалась,
она по седине меня нашла,
но я читал Рабле и выпил малость,
и вновь она обиженно ушла.

*

Аскет, отшельник, дервиш, стоик,
наверно, правы — не сужу;
но тем, что пью вино густое,
я столь же Господу служу.

*

Любых религий чужды мне наряды,
но правлю и с охотой, и подряд
я все религиозные обряды,
где выпивка зачислена в обряд.

*

Людей великих изваяния
печально светятся во мраке,
когда издержки возлияния
у их подножий льют гуляки.

*

Какое счастье — рознь календарей
и мой диапазон души не узкий:
я в пятницу пью водку как еврей,
в субботу после бани пью как русский.

*

Паскаль бы многое постиг,
увидь он и услышь,
как пьяный мыслящий тростник
поёт «Шумел камыш».

*

Нет, я не знал забавы лучшей,
чем жечь табак, чуть захмелев,
меж королевствующих сучек
и ссучившихся королев.

✱

Снова я вчера напился в стельку,
нету силы воли никакой;
Бог её мне кинул в колыбельку
дрогнувшей похмельною рукой.

✱

А страшно подумать, что век погода,
свой дух освежив просвещением,
Россия, в субботу из бани придя,
кефир будет пить с отвращением.

✱

Когда друзья к бутылкам сели,
застрять в делах — такая мука,
что я лечу к заветной цели,
как штопор, пущенный из лука.

✱

Где-то в небе, для азарта
захмелясь из общей чаши,
Бог и чёрт играют в карты,
ставя на кон судьбы наши.

*

Однажды летом в январе
слона увидел я в ведре,
слон закурил, пустив дымок,
и мне сказал: «Не пей, сынок».

*

«Зачем добро хранить в копилке?
Ведь после смерти жизни нет», —
сказал мудрец пустой бутылке,
продав учёным свой скелет.

*

К родине любовь у нас в избытке
теплится у каждого в груди,
лучше мы пропьём её до нитки,
но врагу в обиду не дадим.

*

Когда однажды ночью я умру,
то близкие, надев печаль на лица,
пускай на всякий случай поутру
мне всё же поднесут опохмелиться

ДУХОВНУЮ ЖАЖДУ ЛЕГКО УТОЛИТЬ:
ДОСТАТОЧНО СЕСТЬ И НЕМНОГО НАЛИТЬ

Как поле жизни перейти,
своё мы мнение имеем:
тот змей, что Еву совратил, —
он тоже был зелёным змеем.

*

Давай, мой друг, бутылъ употребим —
прекраснее забава есть едва ли;
когда-то я фортунной был любим,
и вместе мы тогда употребляли.

*

В тюрьме я понял: Божий глас
во мне звучал зимой и летом:
налей и выпей; много раз
ты вспомнишь с радостью об этом.

*

Бутылка — непристойно хороша,
сулит потоки дерзостных суждений,
и ей навстречу светится душа,
любительница плотских наслаждений.

*

Намного проще делается всё,
когда пуста бутылка на столе;
истории шальное колесо
не пьяный ли катает по земле?

*

Вино и время не жалея,
садись не с каждым, кто знаком:
похмелье много тяжелее,
когда гуляли с мудаком.

*

Век играет гимны на трубе,
кабелем внедряется в квартиры;
в женщине, в бутылке и в себе
прячутся от века дезертиры.

✧

Когда вседневная рутина
завьёт углы, как паутина,
плесни в неё вином из кружки
и выставь хером дверь подружки.

✧

Не хлопочи из кожи вон,
ища разгадки мироздания,
а пей с подругой самогон
на пне от дерева познания.

✧

Струю вина мы дымом сушим
и начинаем чушь молоть,
чтоб утолить душою душу,
как утоляют плотью плоть.

✧

Я три услады в жизни знал,
предавшись трём любовям:
перу я с бабой изменял,
а с выпивкой — обоим.

✱

Опять приходит ночь. Я снова пьян.
Как дивно это сделано в природе,
что музыка далёких фортепьян
к желанию напиться нас приводит.

✱

День — царство зла. Но в час вечерний,
смывая зависть и коварство,
нам разливает виночерпий
добра и кротости лекарство.

✱

Когда мы пьём, бутылка честно
теплом покоя дарит нас,
и мир становится на место,
остановив безумный пляс.

✱

Я много лет себя искал
во многом множестве занятий
и вдруг нашёл: держа стакан
с подругой около кровати.

*

Люблю сидеть в уюте света,
вина, тепла и жирной утки,
где разглагольствуют эстеты,
а им внимают эстетутки.

*

Люблю в беседах элемент
судьбы миров и звёздной пыли
как тонкий аккомпанемент
к опустошению бутылки.

*

За то, что жизнь провёл в пирах,
пускай земля мне будет пухом
и, в ней покоясь, бедный прах
благоухает винным духом.

*

Прекрасно умственной отвагой
у Архимеда изречение:
«Утяжелённость пьяной влагой
приносит жизни облегчение».

✱

Весь век нам в это слабо верится,
но Гераклит сказал однажды,
что глупо смертному надеяться
одну бутылку выпить дважды.

✱

Я тем, что жив и пью вино,
свою победу торжествую:
я мыслил, следовательно, но
я существую.

✱

Люблю, с друзьями стол деля,
поймать тот миг, на миг очнувшись,
когда окрестная земля
собралась плыть, слегка качнувшись.

✱

Мы ищем истину в вине,
а не скребём перстом в затылке,
и, если нет её на дне —
она уже в другой бутылке.

✱

Главное в питье — эффект начала,
надо по нему соображать:
если после первой полегчало —
значит, можно смело продолжать.

✱

Высокое, разумное, могучее
для пьянства я имею основание:
при каждом подвернувшемся мне случае
я праздную моё существование.

✱

Я всё хочу успеть за срок земной,
живу, тоску по времени тая:
вон женщина обласкана не мной,
а вон из бочки пиво пью не я.

✱

Стало сердце покалывать скверно,
стал ходить, будто ноги по пуду;
больше пить я не буду, наверно,
но и меньше, конечно, не буду.

✱

Кипя, спеша и споря,
состарились друзья,
и пьём теперь мы с горя,
что пить уже нельзя.

✱

Чтоб сочен и весел был каждый обед,
бутылки поставь полукругом,
а чинность, и чопорность, и этикет
пуская подотрутся друг другом.

✱

Залей шуршанье лет журчаньем алкоголя,
поскольку, как давно сказал поэт,
на свете счастья нет, а есть покой и воля,
которых, к сожаленью, тоже нет.

✱

Цветок и садовник в едином лице,
я рюмке приветно киваю,
и, чтобы цветок не увял в подлеце,
себя я внутри поливаю.

✱

Когда выпили, нас никого
не пугает судьбы злополучие,
и плевать нам на всё, до чего
удаётся доплюнуть при случае.

✱

Мы вовсе не грешим, когда пируем,
забыв про все стихии за стеной,
а мудро и бестрепетно воруем
дух лёгкости у тяжести земной.

✱

Не слушая судов и пересудов,
настаиваю твёрдо на одном:
вместимость наших умственных сосудов
растёт от полоскания вином.

✱

Не тёмная меня склоняла воля
к запою после прожитого дня:
я больше получал от алкоголя,
чем пьянство отнимало у меня.

✱

У пьяниц, бражников, кутил,
в судьбе которых всё размечено,
благоприятствие светил
всегда бывает обеспечено.

✱

По многим я хожу местам,
таская дел житейских кладь,
но я всегда случаясь там,
где начинают наливать.

✱

Позабыв о душевном копании,
с нами каждый отменно здоров,
потому что целебно в компании
совдыхание винных паров.

✱

Мы так во всех полемиках орём,
как будто кипяток у нас во рту;
настаивать чем тупо на своём,
настаивать полезней на спирту.

*

Вновь душа среди белого дня
заболит, и скажу я бутылке:
эту душу сослали в меня,
и страдает она в этой ссылке.

*

Курили, пили и молчали,
чуть усмехались;
но затихали все печали
и выдыхались.

*

Я курю возле рюмки моей,
а по миру сочится с экранов
соловиное пение змей
и тигриные рыки баранов.

*

Покуда мы свои выводим трели,
нас давит и коверкает судьба,
поэтому душа — нежней свирели,
а пьёшь — как водосточная труба.

*

В одной учёной мысли ловкой
открылась мне блаженства бездна:
спиртное малой дозировкой
в любом количестве полезно.

*

Попал мой дух по мере роста
под иудейское влияние,
и я в субботу пью не просто,
а совершаю возлияние.

*

Пора уже налить под разговор,
селёдку покромсавши на куски,
а после грянет песню хриплый хор,
и грусть моя удавится с тоски.

*

В пустыне усталого духа,
как в дремлющем жерле вулкана,
всё тихо, и немо, и глухо —
до первых глотков из стакана.

*

Уже виски спалила проседь,
уже опасно пить без просыпа,
но стоит резко это бросить —
и сразу явится курносовая.

*

Прорехи жизни сам я штопал
и не жалел ни сил, ни рук;
судьба меня скрутила в штопор,
и я с тех пор бутылке друг.

*

Вся планета сейчас нам видна:
мы в гармонии неги и лени
обсуждаем за рюмкой вина
соль и суть мимолётных явлений.

*

Я рад, что вновь сижу с тобой;
сейчас бутылку мы откроем:
мы объявили пьянству бой,
но надо выпить перед боем.

*

Во что я верю, горький пьяница?
А верю я, что время наше
однажды тихо устанется
и станет каплей в Божьей чаше.

*

И жизнь моя не в тупике,
и дух ещё отзывчив к чувству,
пока стакан держу в руке
и вилкой трогаю капусту.

*

Когда по пьянке всё двоится,
опасно дальше наливать
и может лишняя девица
легко проникнуть на кровать.

*

Людей давно уже делю —
по слову, тону, жесту, взгляду —
на тех, кому я сам налью,
и тех, с кем рядом пить не сяду.

✱

Покуда наши чувства не остыли,
я чувствую живое обожание
к тому, что содержимое бутылки
меняет наших мыслей содержание.

✱

Ум — помеха для нежной души,
он её и сильней, и умней,
но душа если выпить решит,
ум немедля потворствует ей.

✱

Я изо всех душевных сил
ценю творения культуры,
хотя по пьяни оросил
немало уличной скульптуры.

✱

Куражится в мозгу моём вино
в извилинах обоих полушарий;
здоровье для того нам и дано,
чтоб мы его со вкусом разрушали.

*

В обед я рюмку водки пью под суп
и к ночи — до бровей уже налит,
а те, кто на меня имеют зуб,
гадают, почему он так болит.

*

На некоторой стадии подпития
всё видится ясней, и потому
становятся прозрачными события,
загадочные трезвому уму.

*

Сегодня только тёмный истукан,
изваянный из камня-монолита,
отвергнет предлагаемый стакан,
в который благодать уже налита.

*

Ох, я боюсь людей непьющих —
они опасные приятели:
они потом и в райских куцах
над нами будут надзиратели.

*

Пью виски, водку и вино я,
коньяк в утробу лью худую;
существование иное
я всем врагам рекомендую.

*

За то я и люблю тебя, бутылка,
что время ненадолго льётся вспять,
и разума чадящая коптилка
слегка воспламеняется опять.

*

Сноровка ослабла, похвастаться нечем,
я выпить могу очень мало за вечер,
и тяжело настолько в душе с бодуна,
как будто я на хуй послал колдуна.

*

На нас огромное влияние —
и на победы, и на бедствия —
оказывает возлияние,
включая все его последствия.

*

Блаженство витает шальное,
стихают надрыв и надлом,
когда возникает хмельное
вампиришество душ за столом.

*

От выпивки душа нежней и пористей,
и видно сквозь ледок житейской стужи,
что корни наших радостей и горестей
ветвятся изнутри, а не снаружи.

*

К искушениям холодно стоек,
воздержанье не числа бедой,
между ежевечерних попоек
обхожусь я водой и едой.

*

Ушёл наплыв похмельной грусти,
оставил душу змей зелёный;
меня родители в капусте
нашли, мне кажется, в солёной.

*

Бутылка без повода круче всего
калечит и губит мужчину:
дурак может пить ни с того ни с сего,
а умный находит причину.

*

Отнюдь я, выпив, не пою,
а учиняю праздник духа,
плета мелодию свою
душой без голоса и слуха.

*

Смотрю, садясь попить-поесть,
на пятки дней мелькающих,
у пьянства тоже много есть
последствий вытекающих.

*

А если где-то ждёт попойка
и штоф морозится большой,
то я лечу, как птица-тройка,
хотя еврейская душой.

*

Меж нас гуляет бес похмелья,
вступая с душами в игру:
он после пьяного веселья
зовёт их выпить поутру.

*

Ценю я в игре винопития —
помимо иных услаждений —
возможность подёргать мыслителя
за яйца его убеждений.

*

Живу я славно и безбедно,
поскольку мыслю государственно:
народу в целом пьянство вредно,
а каждой личности — лекарственно.

*

В цепи причин и соответствий,
несущих беды, хворь и срам,
я не нашёл дурных последствий
от питья по вечерам.

*

Забавный знаю феномен:
от генерала до портного
у нас химический обмен
устроен так, что ждёт спиртного.

*

Люблю я проследить, как возлияние,
просачиваясь в мироощущение,
оказывает веское влияние
на духа и ума раскрепощение.

*

Когда бы век я начал заново,
то к людям был бы я внимательней,
а гул и чад гулянья пьяного
любил сильнее и сознательней.

*

Душа, мягчея от вина,
вступает с миром в компромисс,
и благ любой, сидящий на,
идуший по и пьющий из.

*

Хоть пили мы, как пить не стоит,
за это вряд ли ждёт нас кара,
и только будущий историк
учует запах перегара.

*

Ко мне по ходу выпивания —
о чём бы рядом ни кричали —
приходит чувство понимания,
что дух наш соткан из печали.

*

Каким ни вырос любомудром
и даже просто будь мудрец,
а всё равно прекрасен утром
к похмельной рюмке огурец.

*

После пьянства лихие творятся дела
в ошалело бессонных ночах:
мрак женился на тьме, згу она родила,
мы сидим вчетвером при свечах.

✱

В виду кладбищенского склепа,
где замер времени поток,
вдруг понимаешь, как нелепо
не выпить лишнего глоток.

✱

В основном из житейского опыта
мною усвоено важное то,
что, пока ещё столько не допито,
глупо брать в гардеробе пальто.

✱

От вида ландшафта, пейзажа —
и речки, чтоб вилась тесьма, —
хочу сразу выпить и даже
не просто хочу, а весьма.

✱

У Бога я ни льготы, ни поблажки
ни разу не просил, терпя убытки;
за это у меня всегда во фляжке
божественные булькают напитки.

*

Ко мне явилось откровение
о смысле жизни и нирване,
но было выпить настроение,
и я забыл его по пьяни.

*

Спешу с утра опохмелиться я,
чтоб горем не была беда,
если начнётся репетиция
премьеры Страшного суда.

*

Пока не позвала к себе кровать,
которая навеки нас уложит,
на кладбище должны мы выпивать
за тех, кто выпивать уже не может.

*

Плывя со всеми к райским кущам,
я только с теми теплю связь,
кто видит вечное в текущем
и плавно пьёт, не торопясь.

✱

Растает в шуме похорон
последних слов пустая лесть,
и тихо мне шепнёт Харон:
— А фляжка где? Стаканы есть.

✱

Ближе к ночи пью горький нектар
под неспешные мысли о том,
как изрядно сегодня я стар,
но моложе, чем буду потом.

✱

Творцам, по сути, хвастать нечем:
их дар — ярмо, вериги, крест,
и то орёл клюёт им печень,
то алкоголь им печень ест.

✱

Да, был и бабник я, и пьяница,
и враг любого воздержания,
зато желающим останется
дурной пример для подражания.

*

Туманный мир иллюзий наших —
весьма пленительный пейзаж,
когда напитки в тонких чашах
перетекают в нас из чаш.

*

Рассудок мой, на книгах повреждённый,
как только ставишь выпивку ему,
несётся, как свихнувшийся Будённый,
в пространства, непостижные уму.

*

Слегка бутыль над рюмкой наклона,
я думал, наблюдая струйку влаги:
те, с кем не дообщался, ждут меня,
но пьют ли они водку там, бедняги?

*

К бутылке тянется не каждый,
кто распознал её влияние:
Бог только тех отметил жаждой,
кому целебно возлияние.

*

А к вечеру во мне клубится снова
томящее влечение невольное:
помимо притяжения земного,
такое же бывает алкогольное.

*

Забавно, что в соседней бакалее
легко найти творение ума,
от порции которого светлее
любая окружающая тьма.

*

Когда теряешь в ходе пьянства
ориентацию и речь,
к себе привлечь любовь пространства
гораздо легче, если лечь.

*

Душа моя однажды переселится
в застенчивого тихого стыдливца,
и сущая случится с ним безделица:
он будет выпивать и материться.

*

Чепуху и ахинею
сочиняя на ходу,
я от радости пьянею —
я на выпивку иду.

*

Я главным образом от жажды
страдал десятки дивных лет,
я заливал её многожды,
но утоленья нет как нет.

*

Пускай любой поёт как кочет,
учить желая и внушать,
но проклят будь, кто всеу хочет
нам нынче выпить помешать.

*

Увы, прервётся в миг урочный
моё земное бытие —
и, не закончив пир полночный,
я отойду в непитие.

*

Радость понимать и познавать
знают даже нищий и калека,
плюс ещё возможность выпивать —
тройственное счастье человека.

*

За то, что было дней в избытке,
благодарю судьбу, природу
и алкогольные напитки,
таившие живую воду.

*

Лишь тот умён, учил мудрец,
кто не от Бога ждёт посылку,
а сам находит огурец,
когда уже добыл бутылку.

*

Одну мыслишку изреку,
мне поделиться больше нечем:
не ставьте рюмку дураку,
он вам испортит целый вечер.

*

Всегда в конце удавшейся пирушки
мы чувствуем, рассудку вопреки,
что мы не у судьбы в руках игрушки,
а сами удалые игроки.

*

Резался я в карты до утра,
в шахматы играл с отвагой русской;
лучшая настольная игра —
это всё же выпивка с закуской.

*

Когда обжигается ветром лицо,
и хрусток от холода снег,
и хочется птице обратно в яйцо —
не может не пить человек.

*

Чем печень разрушать, кипя и злобствуя
на мерзости вселенских прегрешений,
разумней выпить рюмку, философствуя
о благости житейских искушений.

*

Гомон, дым и чад застолий
я не мог не полюбить,
там я слышал тьму историй
и не все успел забыть.

*

Напьюсь когда — не море по колено,
а чувство куража совсем иное:
как будто я — горящее полено,
и льётся от костра тепло земное.

*

Когда немного выпил и курю,
отдавшись погубительной привычке,
то всё, что в это время говорю, —
чирикание позавтракавшей птички.

*

Оставив надоевшую иронию,
замечу благодарственно и честно,
что рюмка возвращает нам гармонию
с реальностью, паскудной повсеместно.

*

Уроны, утраты, убытки
меня огорчают слегка,
но шепчут под вечер напитки
о фарте, что жив я пока.

*

Ещё за то люблю я пьянство,
что вижу в ходе выпивания
игру духовного пространства
с убогой клеткой проживания.

*

Души трагический надлом
и тягость жизни подневольной
легко врачуются теплом
холодной влаги алкогольной.

*

Сегодня мне работать лень,
затею праздничный обед:
отмечу рюмкой первый день
оставшихся от жизни лет.

*

За дружеской выпивкой сидя,
я думал, как думал давно:
грешно быть на Бога в обиде,
покуда нам это дано.

*

Что-то вертится прямо с утра
в голове, где разгул непогоды...
Вот! Я думал о том же вчера:
наливать надо, помня про годы.

*

Душа моя — как ангелица:
в ней боль и жалость;
хотела утром похмелиться,
но удержалась.

*

Блаженны духом лоботрясы,
и олухи царя небесного,
и те, кто, выпив, точат лясы,
не дожидаясь дня воскресного.

*

Когда меня тоска одолевает
и чахнет, закисая, дух мой резвый,
рука моя мне рюмку наливает,
а разум не глядит, мудила трезвый.

*

Я давно уже не пью с кем ни попадя,
с кем попало не делю винегрет,
чтобы не было на памяти копоти
и душе не наносился бы вред.

*

Употребление без меры —
с утра я склонен к философии —
лишает нас надежды, веры,
любви и матери их Софии.

*

Старая, твержу я жене в утешение,
что Бог оказал нам и милость, и честь,
что было большое кораблекрушение,
а мы уцелели и выпивка есть.

*

Нуждается живое существо
в неспешном захмелённом разговоре.
Без выпивки — какое торжество?
От выпивки слабее душит горе.

*

Я себе добыл покой и волю,
я живу в любви и всепрощении
и весьма обязан алкоголю
за поддержку в этом ощущении.

*

Мне часто выпить невтерпёж,
не дожидаясь вечера;
куда по смерти попадёшь —
так там и выпить нечего.

*

Жалею людей после первой же стопки,
достаточна малая малость:
от низко посаженной девичьей попки
томит меня жгучая жалость.

*

Я в любое время суток
по влеченью организма
побеждаю предрассудок
о вреде алкоголизма.

*

Когда, слова сказав убогие,
приму я смертную остуду,
меня помянут рюмкой многие,
а я уже непьющий буду.

*

Нас как бы днём работа ни ломала,
но к ночи отпущение дано;
в реальности свободы очень мало,
а в выпивке её полным-полно.

*

Горю стыдом со дня вчерашнего,
случился в разуме провал:
я долго, нудно и неряшливо
по пьяни душу раскрывал.

*

Весьма смягчить надеюсь Бога,
когда придёт моя пора:
хоть я и пил безбожно много,
но пил — во здравие добра.

*

Пускай здоровье губим,
но пьём в полночный час
за тех, кого мы любим,
и тех, кто любит нас.

*

Врач — сотрудник телесной охраны,
а душа — это нечто иное,
и промыть нам душевные раны
в состоянии только спиртное.

*

Одно из, по-моему, главных
земных достижений моих —
сейчас уже мало мне равных
в искусстве разлить на троих.

*

Мой закат утешительно светел:
каждый вечер сижу я с женой
и наследство, которое детям,
пропиваю, покуда живой.

*

А душа, летя за облака
и земной истерзанная болью,
всё-таки грустит наверняка
по земному пьяному застолью.

*

Заметил я уже немало раз
печальными и трезвыми глазами:
спиртное выливается из нас
ещё довольно часто и слезами.

*

Ведь это счастье, стариканы,
что нам по-прежнему близка
забава сесть, налья стаканы,
и ими чокнуться слегка.

*

Шла пьянка, тлели искры спора,
а я гадал в тоске обвальной —
кому кого придётся скоро
уважить рюмкой поминальной.

*

Я вовсе не безвыходно сижу,
мыслительными мучаясь попытками, —
я часто с удовольствием хожу
на встречи с алкогольными напитками.

*

На склоне лет я тем горжусь —
помимо редких горьких шуток, —
что в собутельники гожусь
почти в любое время суток.

*

Останешься с собой наедине,
чуть выпьешь — возникает ощущение,
что именно сюда сейчас ко мне
от Бога вдруг поступит сообщение.

*

Успел уже я много пережить
и рано осознал в чаду питейном,
что выпивка способна послужить
соломой при крушении идейном.

*

Я много поездил по нашей планете,
и всюду меня красота волновала:
такие пейзажи бывают на свете,
что сколько ни выпьешь, а кажется мало.

*

Душевно укрепляющая доза
продукта перегонки и брожения
полезна от печалей и мороза,
а также для взаимоуважения.

*

Свирепо властвует над нами,
благословенный и клеймённый,
то серафим с шестью крылами,
то змей зелёный.

*

Я вставить хочу эту строчку
в заветный житейский канон:
бедняга, кто пьёт в одиночку, —
умрёт в одиночестве он.

*

Любая мне мила попойка,
душе дарящая полёт;
я выпил в жизни этой столько,
что не любой переплывёт.

*

Печать печали перламутром
туманит лица
людей, не смогших сегодня утром
опохмелиться.

*

Я виски лью в мои руины,
я пил на воле и в неволе,
меня Творец лепил из глины,
замешенной на алкоголе.

О выпивке, о Боге, о любви

*

После приёма стопаря,
после повтора
душа готова, воспаря,
для разговора.

*

Товарищ мой поведал мне
о важной умственной находке,
что если истина — в вине,
то правда — в водке.

*

Люблю ежевечернее подпитие,
когда ничто блаженству не мешает
и с ангелами Божьими соитие
душа неторопливо совершает.

О БОГЕ Я ДУМАЮ ЧАСТО И МНОГО,
ПОСКОЛЬКУ НЕ ВЕРЮ В НАЛИЧИЕ БОГА

Творец со мной играет ловко,
а я над Ним слегка шучу:
по вкусу мне моя верёвка,
вот я ногами и сучу.

*

Бог молча ждёт нас. Боль в груди.
Туман. Укол. Кровать.
И жар тоски, что жил в кредит
и нечем отдавать.

*

Для райского климата райского сада,
где всё зеленеет от края до края,
тепло поступает по трубам из ада,
а топливо ада — растительность рая.

*

Года промчатся быстрой ланью,
укроет плоть суглинка пласт,
и Бог-отец могучей дланью
моей душе по жопе даст.

*

Суд земной и суд небесный —
вдруг окажутся похожи?
Как боюсь, когда воскресну,
я увидеть те же рожи!

*

Не зря учёные пред нами
являют наглое зазнайство:
Бог изучает их умами
своё безумное хозяйство.

*

Какие бы книги России сыны
создали про собственный опыт!
Но Бог, как известно, дарует штаны
тому, кто родился без жопы.

*

Я восхищён, мой друг Фома,
твоим божественным устройством:
кому Господь не дал ума,
тех наградил самодовольством.

*

А Божий гнев так часто слеп,
несправедлив так очевидно,
так беспричинен и нелеп,
что мне порой за Бога стыдно.

*

Познать наш мир — не означает ли
постичь Создателя его?
А этим вольно и нечаянно
мы посягаем на Него.

*

Жаль, натура Бога скуповата,
как торговка в мелочной палатке:
старость — бессердечная расплата
за года сердечной лихорадки.

*

По здравому, трезвому, злomu суждению
Творец навсегда завещал молчаливо
бессилие — мудрости, страсть — заблуждению
и вечную смену прилива-отлива.

*

Может быть, разумней воздержаться,
мысленно затрагивая небо?
Бог на нас не может обижаться,
ибо Он тогда бы Богом не был.

*

Бог молчит совсем не из коварства,
просто у Него своя забота:
имя Его треплется так часто,
что Его замучила икота.

*

В чистилище — дымно, и вобла, и пена;
чистилище — вроде пивной:
душа, закурив, исцеляет степенно
похмелье от жизни земной.

*

Дьявол — не убогий совратитель,
стал он искущённей за века:
нынче гуманист он и мыслитель,
речь его светла и высока.

*

Едкий дым истории угарен
авторам крутых экспериментов:
Бог ревнив, безжалостен, коварен
и не переносит конкурентов.

*

Есть власти гнев и гнев Господень.
Из них которым я повержен?
Я от обоих несвободен,
но Богу — грех, что так несдержан.

*

Сейчас не бог любви, а бог познания
питает миллионов нищий дух,
и строит себе культовые здания,
и дарит муравьям крылатость мух.

✱

Не дослужась до сытой пенсии,
я стану пить и внуков нянчить,
а также жалобными песнями
у Бога милостыню кланчить.

✱

Вот ведь чудо: чистый атеизм
в годы, когда в космос брошен мост,
стал почти такой же атавизм,
как покров из шерсти или хвост.

✱

В пылу любви ума затмение
овладевает нами всеми —
не это ль ясное знамение,
что Бог устраивает семьи?

✱

Бог очень любит вдруг напомнить,
что всякий дар — лишь поручение,
которое чтобы исполнить,
нельзя не плыть против течения.

*

Земная не постыла мне морока,
не хочется пока ни в ад, ни в рай;
я, Господи, не выполнил урока,
и Ты меня зазря не призывай.

*

Всеведущ, вездесущ и всемогущ,
окутан голубыми небесами,
Господь на нас глядит из райских кущ
и думает: разъёбывайтесь сами.

*

Хотя и сладостен азарт
по сразу двум идти дорогам,
нельзя одной колодой карт
играть и с дьяволом, и с Богом.

*

Господь посеял нас, как огород,
но в зарослях растений, Им растимых,
мы делимся на множество пород,
частично вообще несовместимых.

*

На всё происходящее гляжу
и думаю: огнём оно гори;
но слишком из себя не выхожу,
поскольку царство Божие — внутри.

*

Тюрьма была отнюдь не раем,
но часто думал я, куря,
что, как известно, Бог — не фраер,
а значит, я сижу не зря.

*

Творец, лепя людей со скуки,
бывал порою скуповат,
и что частично вышли суки,
Он сам отчасти виноват.

*

Уже с утра, ещё в кровати,
я говорю в несчётный раз,
что всех на свете виноватей —
Господь, на труд обрёкший нас.

*

Прости, Господь, за сквернословья,
пошли всех благ моим врагам,
пускай не будет нездоровья
ни их копытам, ни рогам.

*

Мудрость Бога учла заранее
пользу вечного единения:
где блаженствует змей познания,
там свирепствует червь сомнения.

*

Найдя предлог для диалога:
— Как Ты сварил такой бульон? —
спрошу я вежливо у Бога.
— По пьянке, — грустно скажет Он.

*

Дойдут, дойдут до Бога жалобы,
открыв Божественному взору,
как, не стесняясь Божьей фауны,
внизу засрали Божью флору.

*

Я, Господи, вот он. Почти не смущаясь,
совсем о немногом Тебя я прошу:
чтоб чувствовать радость, домой возвращаясь,
и вольную твёрдость, когда ухожу.

*

Я уверен, что Бог мне простит
и азарт, и блаженную лень;
ведь неважно, чего я достиг,
а важнее, что жил каждый день.

*

Моей душе привычен риск,
но в час разлуки с телом бранным
ей сам Господь предъявит иск
за смех над стадом соплеменным.

*

Творец, принимающий срочные меры,
чтоб как-то унять умножение людей,
сменил старомодность чумы и холеры
повальной заразой высоких идей.

*

Когда я в Лету каплей кану
и дух мой выпорхнет упруго,
мы с Богом выпьем по стакану
и, может быть, простим друг друга.

*

Где вся держава — вор на воре,
и ворон ворону не враг,
мечта о Боге-прокуроре
уныло пялится во мрак.

*

Мне, Господь, неудобно просить,
но коль ясен Тебе человек,
помоги мне понять и простить
моих близких, друзей и коллег.

*

В силу Божьего повеления,
чтобы мир изменялся в муках,
совесть каждого поколения
пробуждается лишь во внуках.

*

И спросит Бог: никем не ставший,
зачем ты жил? Что смех твой значит?
Я утешал рабов уставших,
отвечу я. И Бог заплачет.

*

Творец, никому не подсудный,
со скуки пустил и приветил
гигантскую пьесу абсурда,
идущую много столетий.

*

Чувствуя добычу за версту,
по незримым зрению дорогам
бесы заполняют пустоту,
в личности оставленную Богом.

*

Поскольку творенья родник
Творцом охраняется строго,
момент, когда нечто постиг, —
момент соучастия Бога.

✱

Неужели, дойдя до порога,
мы за ним не найдём ничего?
Одного лишь прошу я у Бога:
одарить меня верой в Него.

✱

Господь сей миг откроет нашу клетку
и за добро сторицею воздаст,
когда яйцо снесёт себе наседку
и на аборт поедет педераст.

✱

Создатель дал нам две руки,
бутыль, чтоб руки зря не висли,
а также ум, чтоб мудаки
воображали им, что мыслят.

✱

В каждую секунду, год и час,
всё понять готовый и простить,
Бог приходит в каждого из нас,
кто в себя готов Его впустить.

✱

У Бога нет бессонницы,
Он спал бы как убитый,
но ночью Ему молятся
бляди и бандиты.

✱

Из-под грязи и крови столетий,
всех погибельных мерзостей между,
красота позволяет заметить,
что и Бог не утратил надежду.

✱

А так ли ясен Божий глаз
в делах немедленно судимых,
когда Господь карает нас
бедой и болями любимых?

✱

Куда кругом ни погляди
в любом из канувших столетий,
Бог так смеётся над людьми,
как будто нет Его на свете.

✱

Вон злоба сочится из глаз,
вот некуда деться от лая;
а Бог — не боится ли нас,
что властвует, нас разделяя?

✱

Наш дух изменчиво подвижен
в крутых спиральностях своих;
чем выше он и к Богу ближе,
тем глубже мы в себе самих.

✱

Стечение случайных обстоятельств,
дорогу изменяющих отлого, —
одно из чрезвычайных доказательств
наличия играющего Бога.

✱

Принудить Бог не может никого,
поскольку человека произвёл,
вложив частицу духа Своего,
а с нею — и свободы произвол.

*

Покуда есть вино и хлеб
и дети льнут к отцу,
неблагодарен и нелеп
любой упрёк Творцу.

*

Бог сутулится в облачной темени,
матерится простуженным шёпотом
и стирает дыханием времени
наши дёрганья опыт за опытом.

*

Когда бы Бог в свою обитель
меня живым прибрал к рукам,
имел бы он путеводитель
и по небесным бардакам.

*

Я мироздания пирог
в патриархальном вижу духе:
над нами — власть, над нею — Бог,
над Ним — лучи, жара и мухи.

✱

Всеведущий, следит за нами Бог,
но думаю, вокруг едва взгляну,
что всё-таки и Он, конечно, мог
забыть одну отдельную страну.

✱

У Бога нету черт лица,
исходной точки и границы,
самопознание Творца
Его твореньями творится.

✱

Совесьть Бога — это странные,
и не в каждом поколении,
души, мучимые ранами
при любом чужом ранении.

✱

Лентяй, люблю я дня конец
в дыму застольных посиделок;
а не лентяй ли был Творец,
оставив столько недоделок?

*

Мы все общенья с Богом жаждем,
как жаждут грешник и монах,
а личный бог живёт при каждом —
в душе, талантах и штанах.

*

Обрызгивая кровью каждый лист,
история нам пишется не впрок,
и кажется порой, что Бог — садист
и нами утоляет свой порок.

*

Я жил как все другие люди,
а если в чём-то слишком лично,
то пусть Господь не обессудит
и даст попробовать вторично.

*

Надеюсь, что правду, едва лишь умру,
узнаю при личном свидании,
пока же мы с Богом играем в игру,
как будто Он есть в мироздании.

✱

Есть нечто вне формы и меры,
вне смысла, вне срока, вне фразы,
что острым предчувствием веры
тревожит незрячий мой разум.

✱

Послушно готов я гореть на огне,
но только в преддверье огня
Всевышний обязан отвечать мне,
горят ли, кто хуже меня.

✱

Зачем Господь, жестокий и великий,
творит пожар, побоище и тьму?
Неужто наши слёзы, кровь и крики
любезны и прельстительны Ему?

✱

Терпимость Бога в небесах —
терпенье по необходимости:
Он создал сам и терпит сам
наш нестерпимый дом терпимости.

*

Творец устроил хитро, чтоб народ
несведущим был вынужден родиться:
судьбу свою предвидя наперёд,
зародыш предпочёл бы рассосаться.

*

Помилуй, Господи, меня,
освободи из тьмы и лени,
пошли хоть капельку огня
золе остывших вождлений.

*

Душа летит в чистилище из морга,
с печалью выселяясь на чердак:
создавши мир, Бог умер от восторга,
успев лишь на земле открыть бардак.

*

Бог, собирая налоги, не слышит
стонов, текущих рекой,
плата за счастье значительно выше
платы за просто покой.

✱

Бог лежит больной, окинув глазом
дикие российские дела,
где идея вывихнула разум
и, залившись кровью, умерла.

✱

Устроил с ясным умыслом Всевышний
в нас родственное сходство со скотом:
когда народ безмолвствует излишне,
то дух его зловонствует потом.

✱

Но чья она, первейшая вина,
что жить мы не умеем без вина?
Того, кто виноградник сочинил
и ягоду блаженством начинил.

✱

Навряд ли Бог был вечно. Он возник
в какой-то первобытно древний век
и создал человека в тот же миг,
как Бога себе создал человек.

*

Бог в игре с людьми так несерьёзен,
а порой и на руку нечист,
что, похоже — не религиозен,
а возможно — даже атеист.

*

Застав Адама с Евой за объятием,
Господь весьма расстроен ими был
и труд назначил карой и проклятием,
а после об амнистии забыл.

*

При тягостном с Россией расставании
мне новая слегка открылась дверь:
я Бога уличил в существовании,
и Он не отпирается теперь.

*

Бог — истинный художник и смотреть
соскучился на нашу благодать:
Он борется с желаньем всё стереть
и заново попробовать создать.

*

Навряд ли Бог назначил срок,
чтоб род людской угас, —
что в мире делать будет Бог,
когда не станет нас?

*

Есть люди — их кошмарно много, —
чьи жизни отданы тому,
чтоб осрамить идею Бога
своим служением Ему.

*

У Бога многое невнятно
в его вселенской благодати:
Он выдаёт судьбу бесплатно,
а душу требует к расплате.

*

Богу благодарен я за ночи,
прожитые мной не хуже дней,
и за то, что с возрастом не очень
сделался я зорче и умней.

*

Устав от евреев, сажусь покурить
и думаю грустно и мрачно,
что Бог, поспеша свою книгу дарить,
народ подобрал неудачно.

*

Вчера я вдруг подумал на досуге —
нечаянно, украдкой, воровато, —
что если мы и вправду Божьи слуги,
то счастье — не подарок, а зарплата.

*

Человек человеку не враг,
но в намереньях самых благих
если молится Богу дурак —
расшибаются лбы у других.

*

Много лет я не верил ни в Бога, ни в чёрта,
но однажды подумать мне срок наступил:
мы лепились из глины различного сорта —
и не значит ли это, что кто-то лепил?

*

Взяв искру дара на ладонь
и не смиряя зов чудачества,
Бог любит кинуть свой огонь
в сосуд сомнительного качества.

*

Творец таким узлом схлестнул пути,
настолько сделал общим беспокойство,
что в каждой личной жизни ощутим
стал ветер мирового неустройства.

*

Какой бы на земле ни шёл разбой
и кровью проливалась благодать —
Ты, Господи, не бойся, я с Тобой,
за всё Тебя смогу я оправдать.

*

Наши бранные крики и хрипы
Бог не слышит, без устали слушая
только нежные стоны и всхлипы —
утешенье Его благодушия.

*

Совсем не реки постной чепухи
карающую сдерживают руку,
а просто Бог нас любит за грехи,
которыми развеивает скуку.

*

Нрав у Творца, конечно, крут,
но полон блага дух Господний,
и нас не Он обрѣк на труд,
а педагог из преисподней.

*

Увы, рассудком не постичь,
но всем дано познать в итоге,
какие чушь, фuffло и дичь
несли при жизни мы о Боге.

*

Наш век успел довольно много,
он мир прозрением потряс:
мы — зря надеялись на Бога,
а Бог — напрасно верил в нас.

*

Сметая наши судьбы, словно сор,
не думая о тех, кто обречён,
безумный гениальный режиссёр
всё время новой пьесой увлечён.

*

Я вдруг почувствовал сегодня —
и почернело небо синее, —
как тяжела рука Господня,
когда карает за уныние.

*

Печальный зритель жутких сцен,
то лживо-ханжеских, то честных,
Бог бесконечно выше стен
вокруг земных религий местных.

*

Недюжинного юмора запас
использовав на замыслы лихие,
Бог вылепил Вселенную и нас
из хаоса, абсурда и стихии.

*

Сурово относясь к деяньям грешным
(и женщины к ним падки, и мужчины),
суди, Господь, по признакам не внешним,
а взвешивай мотивы и причины.

*

Я очень рад, что мы научно
постичь не в силах мира сложность:
без Бога жить на свете скучно
и тяжелее безнадежность.

*

Я чёрной краской мир не крашу,
я для унынья слишком стар:
обогащая душу нашу,
потери — тоже Божий дар.

*

Азартно дух и плоть вершат пиры,
азартны и гордыня, и разбой,
Бог создал человека для игры
и тайно соучаствует в любой.

✱

От Бога в наших душах раздвоение,
такой была задумана игра,
и зло в душе божественно не менее
играющего белыми добра.

✱

Хотя ещё Творца не знаю лично,
но верю я, что был и есть такой:
всё сделать так смешно и так трагично
возможно лишь Божественной рукой.

✱

В безумствах мира нет загадки,
Творцу смешны мольбы и просьбы:
ведь на земле, где всё в порядке,
для жизни места не нашлось бы.

✱

Ты скорее, Господь, справедлив, чем жесток,
мне ясней это день ото дня,
и спасибо, что короток тот поводок,
на котором Ты держишь меня.

*

По замыслу Бога порядок таков,
что теплится всякая живность,
и, если уменьшить число дураков,
у них возрастает активность.

*

Лепя людей, в большое зеркало
Бог на себя смотрел из тьмы,
и так оно Его коверкало,
что в результате вышли мы.

*

Я думаю, что Бог жесток, но точен,
и в судьбах, даже самых чрезвычайных,
количество заслуженных пощёчин
не меньше, чем количество случайных.

*

У нас весьма различны свойства,
но есть одно у всех подряд:
Господь нам дал самодовольство,
чтоб мы не тратились на яд.

*

А вера в Господа моя —
сестра всем верам:
пою Творцу молитвы я
пером и хером.

*

Искра Божия не знает,
где назначено упасть ей,
и поэтому бывает
Божий дар душе в несчастье.

*

Бог шёл путём простых решений,
и, как мы что ни назови,
все виды наших отношений —
лишь разновидности любви.

*

Наш Бог, Создатель, Господин,
хотя и всеблагодой,
для слабых духом Он один,
а для других — другой.

*

Никак я не миную имя Бога,
любую замечая чрезвычайность;
случайностей со мной так было много,
что это исключает их случайность.

*

С Богом я общаюсь без нытья
и не причиняя беспокойства:
глупо на устройство бытия
жаловаться автору устройства.

*

Бог мало кого уберёт или спас —
Он копит архив наблюдений,
в потоке веков изучая на нас
пределы душевных падений.

*

Вся история нам говорит,
что Господь неустанно творит:
каждый век появляется гнида
неизвестного ранее вида.

*

С укором, Господь, не смотри,
что пью и по бабам шатаюсь,
я всё-таки, чёрт побери,
Тебя обмануть не пытаюсь.

*

Творец был мастером искусным —
создал вино и нежных дам,
но если Он способен к чувствам —
то не завидует ли нам?

*

Во мне то булькает кипение,
то прямо в порох брызжет искра;
пошли мне, Господи, терпение,
но только очень, очень быстро!

*

Мольбами воздух оглашая,
мы столько их издали вместе,
что к Богу очередь большая
из только жалоб лет на двести.

*

Душою ощутив, как мир прекрасен,
я думаю с обидой всякий раз:
у Бога столько времени в запасе —
чего ж Он так пожадничал на нас?

*

Твёрдо знал он, что нет никого
за прозрачным небес колпаком,
но вчера Бог окликнул его
и негромко назвал мудаком.

*

Для тяжкой тьмы судьбы грядущей
лепя достойную натуру,
Творец в раствор души растущей
кладёт стальную арматуру.

*

Увы, в обитель белых крыл
мы зря с надеждой пялим лица:
Бог, видя, что Он сотворил,
ничуть не хочет нам явиться.

*

Мольба слетела с губ сама:
Ты помоги, пока не поздно,
не дай, Господь, сойти с ума
и отнестись к Тебе серьёзно.

*

Судьба, фортуна, фатум, рок —
не знаю, кто над нами властен,
а равнодушный к людям Бог
осведомлён и безучастен.

*

Создатель собирает аккуратно
наш дух, как устаревшую валюту,
и видимые солнечные пятна —
те души, что вернулись к абсолюту.

*

Давай, Господь, поделим благодать:
Ты веешь в небесах, я на ногах —
давай я буду бедным помогать,
а Ты пока заботься о деньгах.

*

Творец забыл — и я виню
Его за этот грех —
внести в судьбы моей меню
финансовый успех.

*

Пылал я страстью пламенной,
встревал в междоусобие,
сидел в темнице каменной —
пошли, Господь, пособие!

*

Провалы, постиженья и подлоги
познания, текущего волнами, —
отменное свидетельство о Боге,
сочувственно смеющемся над нами.

*

Всем смертным за выслугу лет
исправно дарует Творец
далёкий бесплатный билет,
но, жалко, — в один лишь конец.

✱

Как одинокая перчатка,
живу, покуда век идёт,
я в Божьем тексте — опечатка,
и скоро Он меня найдёт.

✱

В игре творил Господь миры,
а в их числе — земной,
где смерть — условие игры
для входа в мир иной.

✱

Весь век я был занят заботой о плоти,
а дух только что запоздало проснулся,
и я ощущаю себя на излёте —
как пуля, которой Господь промахнулся

✱

Заметь, Господь, что я не охал
и не швырял проклятий камни,
когда Ты так меня мудохал,
что стыдно было за Тебя мне.

*

Из века в век растёт размах
болезней разума и духа,
и даже в Божьих закромах
какой-то гарью пахнет глухо.

*

На Страшный суд, разборки ради,
эпоху выкликнув мою,
Бог молча с нами рядом сядет
на подсудимую скамью.

*

Висит над нами всеми безотлучно
небесная чувствительная сфера,
и, как только внизу благополучно,
Бог тут же вызывает Люцифера.

*

Житейскую расхлёбывая муть,
так жалобно мы стонем и пыхтим,
что Бог нас посылает отдохнуть
быстрее, чем мы этого хотим.

*

По жизни я не зря гулял,
и зло воспел я, и добро —
Творец не зря употреблял
меня как писчее перо.

*

Создателя крутая гениальность
заметнее всего из наблюдения,
что жизни объективная реальность
даётся лишь путём грехопадения.

*

Жаль Бога мне: Святому Духу
тоскливо жить без никого,
завёл бы Он себе старуху,
но нету рёбер у Него.

*

Творец живёт не в отдалении,
а близко видя наши лица,
Он гибнет в каждом поколении
и в каждом заново рождается.

*

Льются ливни во тьме крошечной,
а в журчании — звук рыдания:
это с горечью безутешной
плачет Бог над судьбой создания.

*

Людей обычно самых лучших,
людей, огнём Творца прогретых,
я находил меж лиц заблудших,
погрязших, падших и отпетых.

*

Явил Господь жестокий произвол
и сотни поколений огорчил,
когда на свет еврея произвёл
и жить со всеми вместе поручил.

*

Пришли ко мне, покой нарушив,
раздумий тягостные муки:
а вдруг по смерти наши души
на небе мрут от смертной скуки?

Игорь Губерман

*

Вновь меня знакомые сейчас
будут наставлять, кормя котлетами;
счастье, что Творец не слышит нас:
мы б Его затрахаи советами.

*

Устав болеть от наших дел,
порой лицо отводит Бог,
и страшен жизненный удел
живущих в этот тёмный срок.

*

Я щедро тешил плоть,
но дух был верен чести,
храни его, Господь,
в сухом и тёплом месте.

*

Творец, услышав жалобы мои,
подумал, как избыть мою беду,
и стали петь о страсти соловьи
в осеннем неприкаянном саду.

У БОГА НЕТУ МАЛОЙ МАЛОСТИ:
НЕТ СОСТРАДАНИЯ И ЖАЛОСТИ

Подвержен творческой тоске,
Господь не чужд земного зелья,
и наша жизнь на волоске
висит в часы Его похмелья.

*

Творец живёт сейчас в обиде,
угрюмо видя мир насквозь —
и то, что вовсе не предвидел,
и то, что напрочь не сбылось.

*

Бог необузданно гневлив
и сам себя сдержать не может,
покуда ярости прилив
чего-нибудь не уничтожит.

*

Вся история — огромное собрание аргументов к несомненности идеи, что Творец прощает каждого заранее; это знали все великие злодеи.

*

Творец порой бывает так неправ, что сам же на себя глядит зловеще и, чтоб утихомирить буйный нрав, придумывает что-нибудь похлеще.

*

Думаю об этом без конца,
наглый неотёсанный ублюдок:
если мы — подобие Творца,
то у Бога должен быть желудок.

*

Господь на нас не смотрит потому,
что чувствует неловкость и смущение:
Творец гордится замыслом, Ему
видней, насколько плохо воплощение.

*

Бог нам подсыпал, дух варя,
и зов безумных побуждений,
и тёмный ужас дикаря,
и крутость варварских суждений.

*

Я не рассыпаюсь в заверениях
и не возношу хвалу фальшиво;
Бога я люблю в его творениях
женского покроя и пошива.

*

Предай меня, Боже, остуде,
от пыла вещать охрани,
достаточно мудрые люди
уже наболтали херни.

*

Бог печально тренькает на лире
в горести недавнего прозрения:
самая большая скверна в мире —
подлые разумные творения.

*

Чуя в человечестве опасность,
думая о судьбах мироздания,
в истину вложил Господь напрасность
поисков её и опознания.

*

Конечно, слёзы, боль и грех
всё время видеть тяжело Ему,
но Бог нас любит равно всех
и просто каждого по-своему.

*

Что нёс я ахинею, а не бред,
поймут, когда уже я замолчу,
и жалко мне порой, что Бога нет —
я столько рассказать Ему хочу!

*

Величественна и проста
в делах житейских роль Господня:
ведь лично Он отверз уста
у тех, кто выпить звал сегодня.

*

Меня пересолив и переперчив,
Господь уравновесил это так,
что стал я неразборчиво доверчив
и каждого жалею, как мудак.

*

Бог учёл в живой природе
даже духа дуновение:
если деньги на исходе,
то приходит вдохновение.

*

Господь безжалостно свиреп,
но стихотворцам, если нищи,
дарует Он вино и хлеб,
а ближе к ночи — девок ищет.

*

Как только жить нам надоест
и Бог не против,
Он ускоряет нам разъезд
души и плоти.

*

У жизни множество утех
есть за любыми поворотами,
и не прощает Бог лишь тех,
кто пренебрѣг Его щедротами.

*

Прогнозы тем лишь интересны,
что вместо них текут сюрпризы,
ведь даже Богу неизвестны
Его грядущие капризы.

*

Бог часто ищет утешения,
вращая глобус мироздания
и в душах пафос разрушения
сменяя бредом созидания.

*

Повсюду, где случалось поселиться, —
а были очень разные места, —
встречал я одинаковые лица —
их явно Бог лепил, когда устал.

*

Увы, наш дух мечтами не богат:
на небо покаянно приплестись,
поплакаться, что слаб и виноват,
и вновь на Божьих пастбищах пастись.

*

Готовясь к неизбежным тяжким карам,
я думаю о мудрости небес:
всё лучшее Творец даёт нам даром,
а прочее — подсовывает бес.

*

В игре, почти лишённой правил,
чтоб не ослабло к ней влечение,
Творец искусно предоставил
нам пыл, азарт и помрачение.

*

Вкусил я достаточно света,
чтоб кануть в навечную тьму,
я в Бога не верю, и это
прекрасно известно Ему.

*

Забавы Божьего глумления —
не боль и тяжесть испытаний,
а жуткий вид осуществления
иллюзий наших и мечтаний.

*

Тяжко жить нам как раз потому,
что возводим глаза к небесам,
а помочь может Бог лишь тому,
кто способен помочь себе сам.

*

Забавная подробность мне видна,
которую отметил бы я плюсом:
в делах земных и Бог и сатана
отменным обладают оба вкусом.

*

Умом нисколько не убогие,
но молят Бога люди многие,
трепя губами Божье имя,
как сосунки — коровье вымя.

*

В любом из нас витает Божий дух
и бродит личный бес на мягких лапах,
поэтому у сказанного вслух
бывает соответствующий запах.

*

А кроме житейских утех,
негромко напомнит мне Бог,
ещё ты в ответе за тех,
кому хоть однажды помог.

*

В одном лишь уравнивать Господь решил
и гения, и тёмного ублюдка:
в любом из нас гуляние души
зависит от исправности желудка.

*

Так как чудом Господь не гнушается,
наплевав на свои же формальности,
нечто в мире всегда совершается
вопреки очевидной реальности.

*

Я бы мог, на зависть многих,
сесть, не глянув, на ежа —
опекает Бог убогих,
у кого душа свежа.

*

Боюсь, что Божье наказание
придёт внезапно, как цунами, —
похмелье похоти познания
уже сейчас висит над нами.

*

Тихой жизни копошение
кратко в юдоли земной,
ибо жертвоприношение
Бог теперь берёт войной.

*

Не разум быть повыше мог,
но гуще — дух добра,
когда б мужчину создал Бог
из женского ребра.

*

Хоть на ответ ушли года,
не зря душа ответа жаждала:
Бог есть не всюду, не всегда,
и опекает Он не каждого.

*

Все твари зла — их жутко много —
нужны по замыслу небес,
ведь очень часто к вере в Бога
нас обращает мелкий бес.

*

Я вдруг понял — и замер от ужаса,
словногнулись и ехали стены:
зря философы преют и тужатся —
в Божьих прихотях нету системы.

*

Покуда всё течёт и длится,
свет Божий льётся неспроста
и на высокие страницы,
и на отхожие места.

*

Сценарист, режиссёр и диспетчер,
Бог жестокого полон азарта,
и, лишь выдохшись жизни под вечер,
мы свободны, как битая карта.

*

При Творце с его замашками,
как бы милостив Он не был,
мир однажды вверх тормашками
всё равно взлетит на небо.

*

На всём пути моём тернистом
давно мы с Богом собеседники;
Он весь лучится светом чистым,
но как темны Его посредники!

*

Черты похожести типичной
есть у любви, семьи, разлуки —
Творец, лишённый жизни личной,
играет нашими со скуки.

О выпивке, о Боге, о любви

:

*

Был создан мир Творцом, а значит,
и Божий дух огнём горит
не в тех, кто молится и плачет,
а в тех, кто мыслит и творит.

*

С душой у нас не всё в порядке,
подобны мы слепым и нищим,
а Бог играет с нами в прятки,
грустя, что мы Его не ищем.

*

Угрюмо думал я сегодня,
что в нашей грязи и предательстве
вся милость высшая Господня —
в Его безликом невмешательстве.

*

В одинокую дудочку дую,
слаб душою и выпить не прочь,
ни от Бога подачек не жду я,
ни Ему я не в силах помочь.

*

Проснувшись в неосознанной тревоге,
я воду пью, рассеянно курю,
и вовсе я не думаю о Боге,
но с кем-то безусловно говорю.

*

Творец упрямо гнёт эксперимент,
весь мир деля на лагерь и бардак,
и бедствует в борделе импотент,
а в лагере блаженствует мудака.

*

На то, что вышел из тюрьмы,
на то, что пью не по годам, —
у Бога я беру займы,
и оба знаем, что отдам.

*

Прислушавшись к оттенкам и нюансам,
улавливаешь Божью справедливость:
мы часто терпим горести авансом
за будущую алчную блудливость.

*

Вновь закат разметался пожаром:
это ангел на Божьем дворе
жжёт охапку дневных наших жалоб,
а ночные он жёг на заре.

*

Неужели где-то в небе
с равнодушной гениальностью
сочиняется та небыль,
что становится реальностью?

*

Давно и в разном разуверясь,
но веря в Божью широту,
ещё сыскать надеюсь ересь,
в которой веру обрету.

*

И всё течёт на самом деле
по справедливости сейчас:
мы в Бога верим еле-еле,
а Бог — совсем не верит в нас.

*

Напрасно мы то стонем бурно,
то глянем в небо и вздохнём:
Бог создал мир весьма халтурно
и со стыда забыл о нём.

*

На нас, мечтательных и хилых,
не ловит кайфа Божий глаз,
а мы никак понять не в силах,
что Он в упор не видит нас.

*

Сегодня спросили: а что бы
ты сделал от имени Бога?
Я в мире боюсь только злобы,
и я б её снизил намного.

*

Творец жесток, мы зря воображаем,
что благостна земная наша тьма,
мы многое легко переживаем,
но после — выживаем из ума.

✱

В душе моей многое стёрто,
а скепсис — остатки загваздал;
я верю и в Бога, и в чёрта,
но в чёрта — сильнее гораздо.

✱

Творцу живётся вряд ли интересно,
от нас Ему то муторно, то дурно;
а боги древних греков, как известно,
те трахались и сами очень бурно.

✱

Творец отвёл глаза напрасно,
когда мы падали во тьму;
что Бога нет, сегодня ясно
и нам не меньше, чем Ему.

✱

Подрезая на корню
жажду веры острую,
порют мутную херню
все Его апостолы.

*

Несчётных звёзд у Бога россыпи
и тьма кружащихся планет,
и для двуногой мелкой особи
у Бога сил душевных нет.

*

Повсюду нынче злобой пахнет скверно,
у Бога созревает новый план,
Его ведь консультируют, наверно,
Аттила, Чингисхан и Тамерлан.

*

Мечта — весьма двусмысленный росток,
и Бог, хотя сочувствует мечтам,
скорее милосерден, чем жесток,
давая расцвести не всем цветам.

*

В душе — лихая безнадёга,
в уме кипит пустой бульон,
а вариант поверить в Бога
давно отвергли я и Он.

*

Наш небольшой планетный шарик
давно живёт в гавне глубоком,
Бог по нему уже не шарит
своим давно уставшим оком.

*

А там и быт совсем другой —
в местах, куда Харон доставит:
то чёрт ударит кочергой,
то ангел в жопу свечку вставит.

*

Ты ничего не обещаешь,
но знаю: Ты меня простишь,
ведь на вранье, что Ты прощаешь,
основан Твой земной престиж.

*

Сыграет ангел мой на дудочке,
что мне пора пред Божье око,
и тут же я смотаю удочки,
и станет рыбкам одиноко.

✱

Нет, зубами я голодными не клацаю,
потому что, от нужды меня храня,
Бог наладил из России эмиграцию,
чтобы слушатели были у меня.

✱

Евреев выведя из рабства,
Творец покончил с чудесами,
и путь из пошлого похабства
должны отыскивать мы сами.

✱

Я стандартен, обычен, вульгарен,
без надломов в изгибах души,
и весьма я Творцу благодарен,
что на мне отдохнуть Он решил.

✱

Напичкан я различной скверной,
изрядно этим дорожа:
я ценен Богу службой верной,
собой таким Ему служа.

✱

Проворен, ловок и сметлив,
я был рачительным старателем
и выжил, капли не пролив
из рюмки, налитой Создателем.

✱

Вся жизнь моя — несвязный монолог,
где смех и грех текут одновременно,
и если не заметил это Бог,
то дьявол это видит непременно.

✱

Мучась недоверием к уму
или потому, что духом нищи, —
люди ищут Бога. Но Ему
ближе те, которые не ищут.

✱

Мы так во всём различны потому,
что Бог нас лепит в разном настроении,
а если поднесли стакан Ему —
видны следы похмелья на творении.

*

Я думаю о грязи, крови, тьме,
о Божьем к нашей боли невнимании;
я думаю о Боге: Он в уме?
И ум ли это в нашем понимании?

*

Как пастух, Господь неумолим,
но по ходу жизни очень часто
мне бывает стыдно перед Ним:
как Его наёбывает паства!

*

Настало духа возмужание;
на плоть пора накинуть вожжи;
пошли мне, Боже, воздержание!
Но, если можно, чуть попозже.

*

За всё, что делал я по жизни,
прошу я малости у Бога:
чтоб на моей нетрезвой тризне
попировал и я немного.

✱

Хотя не атеист я с неких лет,
однако и не склонен уповать:
я верую не в то, что Бога нет,
а в то, что на меня Ему плевать.

✱

Я всё время шлю, Творец, Тебе приветы
смело ставь на них забвения печать:
мне вопросы интересней, чем ответы,
и Ты вовсе не обязан отвечать.

✱

В азарте Божий мир постичь
до крайней точки и конца,
мы все несём такую дичь,
что плохо слышим смех Творца.

✱

Я с юности грехами был погублен
и Богу мерзок — долгие года,
а те, кто небесами стал возлюблен,
давно уже отправились туда.

*

Хоть я теолог небольшой,
но нервом чувствую сердечным:
Господь наш тайно слаб душой
к рабам ленивым и беспечным.

*

У Бога есть увеселения,
и люди гибнут без вины,
когда избыток населения
Он гасит заревом войны.

*

Стал часто думать я о Боге —
уже позвал, должно быть, Он,
и где-то клацает в дороге
Его костлявый почтальон.

*

Творцу такое радостно едва ли
в течение столетий унижение:
всегда людей повсюду убивали,
сначала совершив богослужение.

*

Что-то в этой жизни несурзной
весело, удачливо и дружно
вьётся столько гнуса безобразной,
что зачем-то Богу это нужно.

*

Увы, порядок этот вечен,
и распознать его несложно:
езде, где Бог бесчеловечен,
там человек жесток безбожно.

*

Накалялся до кровопролития
вечный спор, существует ли Бог,
но божественность акта соития
атеист опровергнуть не мог.

*

Мессия вида исполинского
сойдёт на горы и долины,
когда на свадьбе папы римского
раввин откусает свинины.

✱

Все мы перед Богом ходим голыми,
а пастух следит за организмами:
счастье дарит редкими уколами,
а печали — длительными клизмами.

✱

Движение по небу облаков,
какая станет баба кем беременна,
внезапную активность мудаков —
Создатель расчисляет одновременно.

✱

Играет крупно сатана,
спустившийся с небес:
часть жизни Богом нам дана,
а часть нам дарит бес.

✱

Мы часто в чаяньях заветных
нуждаемся в совете Божьем,
но знаков от Него ответных
понять не можем.

*

Мы понимали плохо смолоду,
что зря удача не является:
кто держит Господа за бороду,
тот держит дьявола за яйца.

*

Болезней тяжких испытания,
насколько я могу понять,
шлёт Бог не в целях воспитания,
а чтобы нашу прыть унять.

*

Уже слетелись к полю вороны,
чтоб завтра павших рвать подряд,
и «С нами Бог!» по обе стороны
в обоих станах говорят.

*

Бог людям сузил кругозор
для слепоты как бы отсутствия,
чтобы не мучил нас позор
и не сжигала боль сочувствия.

✱

Сегодня почему-то без конца
я думаю о жизни в райских куцах:
как жутко одиночество Творца
среди безликих ангелов поющих!

✱

Ужели это Божье изуверство
для пущей вразумлённости людей?
Ведь наши все немыслимые зверства —
издержки благороднейших идей.

✱

— Послал ему Бог испытание!
— А что с ним? — Почти ничего:
постигло его процветание,
молитесь за душу его.

✱

Всегдашнее моё недоумение —
зачем живу, случаен и безбожен, —
сменилось на уверенное мнение,
что этого Творец не знает тоже.

*

Творец давно уже учёл
всего на свете относительность,
и кто наукам не учён,
у тех острее сообразительность.

*

Среди бесчисленных волнений,
меня трепавших без конца,
всегда была печаль сомнений
в доброжелательстве Творца.

*

Увы, но взгляд куда ни кину —
везде пропорция равна:
везде Творец, готовя глину,
чуть-чуть подмешивал гавна.

*

К Богу я не лезу с панибратством,
а играть с Ним — дело непростое:
чтобы заниматься святотатством,
надо тонко чувствовать святое.

*

Я давно простился с лицемерием
и печалюсь, глядя в небосклон:
к Богу мы относимся с доверием
большим, чем заслуживает Он.

*

Хоть и есть над каждым крыша,
все они весьма непрочные,
и Творец смеётся, слыша
наши планы долгосрочные.

*

И мудро — учинять посильный пир,
хотя не время, ветрено и шумно,
а глупо — полагать, что Божий мир
задуман был гуманно и разумно.

*

Навряд какой-нибудь философ
посмел додумать до конца,
что жизнь земная — просто способ
самопознания Творца.

*

На склоне лет ужасно тянет
к душеспасительным мыслишкам:
надеюсь я, что Бог не станет
ко мне приёбываться слишком.

*

Сегодня я подумал снова:
от Бога жду я всепрощения,
а если Он не враг спиртного,
то я созрел и для общения.

*

Душе моей желаю отпущения
грехов бывшего тела злополучного,
и дай Господь ей после очищения
опять попасть в кого-нибудь нескучного.

*

В каких-то скрытых высших целях,
чтоб их достичь без промедлений,
Бог затмевает ум у целых
народов, стран и поколений.

*

Я потому грешил, как мог,
живя не постно и не пресно,
что, если сверху смотрит Бог, —
Ему должно быть интересно.

*

Я в этой мысли прав наверняка,
со мной согласны лучшие умы,
что жирный дым любого пикника
Творцу милей, чем постные псалмы.

*

Уверен я, что Бог — не дилетант,
насквозь Ему прозрачны обстоятельства,
и где-то есть жестокий прейскурант
расплаты за убийства и предательства.

*

Да, мир наш сочинён довольно скверно,
однако в отношении тюрьмы
кивать на Божий замысел неверно —
её уже придумывали мы.

*

Смотрю на Божий мир я исподлобья —
то гибельно повсюду, то опасно;
однако если мы — Его подобья,
то ждать Его сочувствия — напрасно.

*

Вчера возле камней, навеки слившихся,
где связано узлом несчётно судеб,
толпился я в густой толпе молившихся,
Его благодаря за всё, что будет.

*

Время сушит мыслящие стебли
на короткой жизненной дороге,
меньше я треплюсь теперь о ебле,
чаще начал думать я о Боге.

*

В наш мир сойдёт Мессия властно,
когда пробьёт заветный час;
к нему стремясь подобострастно,
затопчут праведники нас.

*

Напрасен хор людских прошений,
не надо слишком уповать,
ведь Бог настолько совершенен,
что может не существовать.

*

Не зря себе создали Бога двуногие —
под Богом легко и приятно.
Что Бог существует, уверены многие
и даже Он сам, вероятно.

*

Хотя легко ношу гуляки маску
и в мелкой суете живу растленной,
но часто ощущаю Божью ласку
в наплыве тишины благословенной.

*

Сплетя блаженство и проклятие,
Творец явил предусмотрительность,
и жизни светлое занятие
течёт сквозь тёмную действительность.

*

Господь, создатель мироздания,
всё знал и делал навсегда,
не знал Он только сострадания,
и в этом — главная беда.

*

Состарясь, угрюмо смотрю сквозь очки
и думаю: цыц, не пыхти;
но если и вправду мы Божьи смычки,
то Бог — музыкант не ахти.

*

Действуя на души и сердца,
чувствам и уму чиня помехи,
дьявол — тень и копия Творца,
и отсюда все его успехи.

*

Бог и мы затеяли совместно,
пьесы этой бурное течение,
и Творцу, наверно, интересно,
как мы сочиним ей заключение.

✱

Понять былое — свыше наших сил,
что славы там достойно, что — проклятия,
у Бога я об этом бы спросил,
но наши для него темны понятия.

✱

Подумал мельком я сегодня:
в толкучке жизни многолетней
на ком лежит печать Господня —
они и дьяволу заметней.

✱

Сполна Творец явил и гениальность,
и злое своеволие своё,
когда создал паршивую реальность
с хорошими людьми внутри неё.

✱

А вдруг на небе — Божий дар! —
большие горы угощения:
дают амброзию, нектар
и чуть по жопе — в знак прощения?

*

Свершается от жизни отторжение,
вослед летит пустое причитание...
Творец нам заповедал умножение,
но свято соблюдает вычитание.

*

Творец не прочь бы нам помочь,
по капле счастья всем раздать,
но и Ему уже невмочь
земное блядство обуздать.

*

Мы жаждем слышать Божий глас,
возводим очи к небесам,
а Бог чего-то ждёт от нас,
хотя чего, не знает сам.

*

Заранее у Бога я прощения
просить остерегаюсь потому,
что многие в морали упущения
грехами не покажутся Ему.

*

Философ я куда как небольшой,
однако же людей встречал я многих
и думаю, что Бог снабдил душой
не каждого из мыслящих двуногих.

*

Заметен сквозь любую декорацию
характер нашей связи с небесами:
Творец изобретает ситуацию,
а мы её расхлёбываем сами.

*

Творец в порыве милости и благодати
являет нам порой расположение:
страдания меняются на тягости,
а рабство — на всего лишь унижение.

*

Создатель беседует с нами
на сленге божественных жестов:
циклоны, торнадо, цунами
слышнее и внятнее текстов.

*

Всё, что написано пером
и Богу может быть приятно,
Харон уносит на паром
и доставляет аккуратно.

*

Версии, гипотезы, теории
спорят о минувшем заразительно,
истинную правду об истории
знает только Бог. Но приблизительно.

*

Земное благоденствие вкушая,
клубится человек толчая,
все заповеди Божьи нарушая,
но искренне хвалу Ему поя.

*

Я не мыслитель, а простак,
однако зоркий наблюдатель:
порой грехи прекрасны так,
что их одобрил бы Создатель.

*

И я б молился, веря истово,
знал, почему и что грешно,
боялся помысла нечистого...
И Богу было бы смешно.

*

Я сколько б ни шутил, но в самом деле
у Бога я в финансовой опале,
и рядом деньги как ни шелестели,
к моим рукам никак не прилипали.

*

Моя догадка, внятная уму,
кого-то приведёт, возможно, в ярость:
мы живы до сих пор лишь потому,
что Богу интересна наша старость.

*

Нет ничего на свете гаже,
чем рано руки опустить,
а если нас Господь закажет,
Он должен нас оповестить.

*

Ангелы, они же ангелицы,
голуби почтовые у Бога,
запросто умеют превратиться
в нищего у нашего порога.

*

Прошлый век обнажил нам немного
то, что смутно в сознании плавало:
стало трудно уверовать в Бога
и нельзя не уверовать в дьявола.

*

Хоть Бога я душой не принимаю,
однако в силу этого плебейства
с Него я и ответственность снимаю
за все многовековые злодеяния.

*

Как бы мы Творца ни уважали,
мелкие земные головастики,
но в Его великие скрижали
многое закралось из фантастики.

*

Людей весьма скептически любя,
я думаю, что дело в малой малости:
нас Бог лепил подобием себя —
лишёнными сочувствия и жалости.

*

Увы, нам очень мало что понятно,
поэтому и вздохи льются вечно
про то, что мудрость Бога необъятна,
однако же весьма бесчеловечна.

*

Течёт за поколеньем поколение,
творя молитвословное холуйство,
а Бог не отвергает поклонение,
но втайне обожает богохульство.

*

Не имея к Богу доступа
и ввиду Его отсутствия
крайне глупо ждать от Господа
милосердного сочувствия.

✱

По всем сегодняшним итогам
я нервом чувствую сердечным:
Господь ютится в том немногом,
что в нас осталось человеческим.

✱

Творец создал так много тварей,
своим потворствуя фантазиям,
что меркнет звёздный планетарий
перед земным разнообразием.

✱

Про Еву и Адама помнить вечно
Творец нас очень строго обязал,
простив за это нам чистосердечно,
что мы произошли от обезьян.

✱

Творец не лишён интереса,
глядит Он и думает: бля,
убойная сила прогресса
растёт на планете Земля.

Игорь Губерман

✱

Создатель выпьет рюмку лишнюю —
и струны щиплет мировые,
под эту музыку неслышную —
все наши пляски моровые.

✱

Между рождением и кончиной,
в любой из жизни день и час
необходимо быть мужчиной,
Бог это очень ценит в нас.

✱

Любимый у Творца эксперимент —
менять земной истории течение,
и лучший в этих играх инструмент —
общественное умопомрачение.

ДОРОГА В РАЙ

КРАТКОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ О ШЕСТИ ПОСЛЕДУЮЩИХ ГЛАВАХ

С душой стеснённой и трепещущей приступаю я к теме, о которую веками истачивали перья самые разнообразные умы — от отцов церкви (и не одной) до святых отшельников, об этом размышлявших в часы отдыха от ловли акрид, которыми они питались. Все их рассуждения, правда, столь же для нас проблематичны, как само питание акридами. Это ведь очень мелкие и юркие кузнечики; некий дотошный энтомолог посчитал, что для их ловли в количестве, достаточном для пропитания, отшельник должен был тратить двадцать четыре часа в сутки — делается непонятным, откуда брал он время для молитв и размышлений. Тем не менее все эти люди очень много (и веками) думали о наших грешных душах, а точнее — о грехах, сопутствующих нашему земному прозябанию. Сегодня очень интересно поговорить о том, что же именно мы нарушаем, начиная с тех заповедей, что даны были еврейскому народу на горе Синай.

Самую первую — о признании лишь единого Бога и о поклонении исключительно Ему — я обсуждать не буду. И не только потому, что это мне не по уму и не по чину, но ещё и потому, что веру почитаю делом чисто личным и интимным. Из того, что вижу я вокруг, лишь наши ортодоксы настолько изобильно — всей своей одеждой — выставляют для всеобщего обозрения свои религиозные предпочтения. Не мне их обсуждать, хотя их очень жаль в жару. А ещё кто-то замечательно заметил, что такой заядлый вид наших ортодоксов — это очень веский аргумент в пользу существования Бога, ибо ни эволюция, ни естественный отбор такого сочинить не в силах. Словом, это мы пропустим, разве что почтительно заметив удивительную штуку: чем величественней достижения науки, тем более куце и неприкаянно выглядит крикливый атеизм.

Не произносить имя Господа всуе, то есть попусту, напрасно и походя, — завет забавный именно ввиду его напрасности: мы то и дело поминаем имя Бога безо всякой к этому необходимости и даже более того — не замечая, насколько машинально мы это делаем. В русском языке это отчасти произошло с весёлым именем Пушкина («А кто платить будет? Пушкин?»).

Соблюдение субботы, предназначенной исключительно для отдыха, — завет замечательный, и лично я в субботу ничего не делаю с тем бóльшим удовольствием, что в этот день не чувствую вины

за своё стабильное безделье, растянувшееся и на все другие дни недели. Тут как раз беда у людей, истово верующих, ибо еврею невыносимо трудно целый день прожить в предписанном кругу субботних разрешений и запретов, в силу чего именно религиозные евреи в этот день обманывают Бога ещё напористей и хитроумней, чем в другие дни. Так, нельзя, например, ехать в этот день. А если дела сложились так, что ты в субботу ещё едешь в поезде? Прикажете выходить? Конечно нет. Но жена приносит тазик с водой, вы опускаете в этот тазик ноги в ботинках, и всё в порядке, потому что плыть — можно. Нельзя ничего переносить из дома в дом. А как же жить? И несколько домов окутывают ниткой — теперь это одно помещение, и дела не будут прерываться. Ухищрениям такого рода нет числа, они описаны множеством свидетелей, участников и наблюдателей. Ибо чем выше, глуше и прочней стена любого запрета, тем изящнее и многочисленней просверленные в ней дыры и лазейки.

Почитание отца и матери — нужнейшее для человечества предписание, и, чтобы ничего не сказать лишнего, я предлагаю просто вспомнить каждому (и не расстраиваться, вспомнив), как мы в молодости относились к этому завету. О чём впоследствии, добавим к нашей чести, горько сожалели.

Следующим произнесено невыполнимое: не убий. А как же вся история человечества? И даже те из нас, кто этого не делал лично, столько соуча-

ствовал (а Уголовный кодекс соучастие трактует как участие) во всём, что совершало его время, — уж лучше это упустить из обсуждения.

На горе Синай нам было сказано довольно кратко: не прелюбодействуй. О том, как это огорчило именно евреев, существует множество анекдотов. Но спустя столетия Сын Божий на горе Фавор полнее растолковал это печальное запретное предписание, сказавши так: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём». И мышеловка захлопнулась. Ибо представить себе мужчину, не смотревшего на женщин с вожделением, означает представить себе не мужчину, а женщину — да и те, бывает, смотрят на других феминок с вожделением.

Но вообще Нагорную проповедь я буду обсуждать мало, ибо призыв возлюбить ближнего своего исполнить я не мог настолько, что испытывал порою прямо противоположное чувство. Меня очень успокоил один мудрый мой приятель, вот какую мысль изрекший: «Возлюби ближнего своего, как он тебя, — и вы квиты».

«Не кради» — весьма полезное (и столь же напрасное) для человечества наставление. Ибо не сказано, что именно нельзя (ибо греховно) красть. И даже воры профессиональные — уж крайний случай! — для себя придумали отменную отмазку: мы попросту находим то, что человек ещё не потерял. А для житейских всяких краж мы с лёгкостью отыскиваем оправдание, что мы берём принад-

лежащее нам по праву, ибо оно было несправедливо отобрано у нас. Или недодано. В советской нашей жизни это было очень даже справедливо. Кто-то из мыслителей той замечательно высоконравственной эпохи даже заметил крайне точно: «Сколько у государства ни воруи, всё равно своё не вернёшь». Я убеждён, что самый честный в мире человек, если расслабится и память оживит, наверняка припомнит нечто, что слегка пригасит в нём праведное осуждение крадущих. Я же лично — даже и не стану напрягаться — грешен, и весьма. Более того: пожизненные сожаления о несовершенных поступках — даже они у меня связаны с воровством. Я как-то мог украсть, будучи у приятеля в больнице, гениальной красоты плакат. На нём была крупно нарисована прикушенная папироса со следами губной помады, а чуть ниже — упреждение в стихах:

В свой рот не бери ты
то, что брали другие рты!

И я до сих пор жалею о своей случайной щепетильности. А кто заявит вслух, что он по части присвоения чужого совершенно чист, — в него пускай и кинут камень, чтобы лучше вспоминал.

«Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». О чём это? О клевете? О злоязычии? Об осуждении — почти всегда облыжном, ибо мы не знаем всех мотивов и деталей? Я — сторонник этого запрета. Я бы добавил только: и на дальне-

го своего не произноси. Завет «Не судите» очень близок моему сердцу даже без последующего обещания — «Да не судимы будете». Что вовсе и совсем не означает, что я в силах хоть на капельку и шаг последовать категорическому наставлению Иисуса Христа: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Не дождутся эти суки моего душевного затмения. Но многолетняя жизнь в неволе подарила мне и моим сверстникам одно великолепное чувство, о котором некогда писал ещё Сенека, — презрение. А если к этому ещё прибавить жалость, то получится в итоге весь набор, который мне сполна любое заменяет осуждение, мне чуждое по химии душевной.

А сказанное далее (последнее) — практически бессмысленно, поскольку не по силам человеку это вождение в себе преодолеть и выжечь: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего». Только это мы обсудим чуть попозже.

И, как бы понимая, что греховные запреты надо как-то видоизменять и делать их конкретно ощутимыми, недремлющая человеческая мысль выработала — уже в XII веке — список из семи смертных грехов. Они такие: алчность, гнев, любострастие, чревоугодие, зависть, лень, гордыня. Ещё время от времени вползал сюда и грех уныния — за ним ма-

ячило неверие во всемогущество и милосердие Творца. А главные — те семь. Их назначение — хоть как-то обуздать все проявления нашей буйственной и чувственной природы, обозначить ей границы и ввести нашу природу в берега. Я в нескольких последующих главах собираюсь обсудить хотя бы часть этих грехов, поскольку сильно в них повинен и причастен. Мы недавно с Сашей Окунем о каждом из семи грехов сделали передачи на радио, и мысли тех, кто с нами это обсуждал, бесцеремонно позаимствую для книги.

Забавно, что ни один из этих грехов нам никак не удалось осудить категорически и безоговорочно. А в защиту греха чревоугодия Саша вообще написал панегирик из пяти или шести часовых передач. И вместо бичевания порока вышел замечательный венок советов, как именно, когда и чем разумнее и ощутимей следует нам ублажать нашу плоть едой и напитками. Я вполне его понимаю: если грех чревоугодия имеет в виду простое обжорство, то запрет его — не более чем гигиенический совет. А если, в самом деле, осуждается наслаждение едой, то это полная бессмыслица сегодня: человечество так далеко ушло по пути изысканного чревоугодия, что бесполезно и не стоит его оттуда возвращать.

Поэтому последующие шесть глав будут аккуратно и по очереди посвящены шести нашим оставшимся порокам.

ХВАЛА НЕОСПОРИМОМУ ГРЕХУ

Издавна и всюду люди осуждают гордыню. В половицах и поговорках всех народов ей воздаётся дружная хула. И не случайно у гордыни в нашем словаре такое множество синонимов: спесь, кичливость, чванство, амбиция, важность, барство, заносчивость, зазнайство, гонор, фанаберия, форс, напыщенность, надутость, — и наверняка ещё найдутся разные малосимпатичные определения этого непростого слова. Короче, мы гордыню в проявлениях её любых привычно и согласно осуждаем.

Очень зря. Мне кажется, что это осуждение — один из многих предрассудков, нас обволокнувших и пропитавших до того, что мы над этим просто не задумались ни разу. А пора бы. Что касается различных очень явных и заметных гордецов, спесивцев и чванливцев, то о них не стоит говорить — чаще всего их просто жалко: прячется всегда за этим буйным гонором какая-нибудь тайная душевная неполноценность. Поговорим лучше о гордости обычной — будничной и повседневной, бытовой и всем присущей. Ибо она нужна душе как воздух, а скорей — как витамины существования. Она спасительно целебна человеку, ибо уязвим любой из нас, а если присмотреться зорче и внимательней, то каждого из нас безумно делается жалко.

Ибо человек, венец творения и царь природы, очень тяжкую, почти невыносимую порой прожи-

вает жизнь, ему отпущенную. Эта жизнь полным-полна ушибов и обид, тревог и страхов, досад и горечи, уколов самолюбия и ударов судьбы, душевной и сердечной боли, угрызений, ущемлений, оскорблений и унижений, щелчков по носу и невидимых пощёчин, а на ранимые и чуткие душевные мозоли наступают нам почти что ежедневно. Ожидая слабины или лазейки, вьются около и прячутся внутри микробы и бактерии. Человека едят домашние и дикие насекомые, не говоря уже об унижительном бессилии перед болезнями, стихиями и идиотами при власти. А скука? А тоска? А вечная сосущая печаль о том, что всё могло быть иначе и прекрасно? Если близко присмотреться к любому человеку на любом уровне удачи и успеха — присмотреться и прислушаться настолько, чтобы уловить-понять его ежедневные переживания, — то всех без исключения (увы, включая даже негодяев) становится ужасно жалко. И меня всю жизнь не оставляет это нелепое чувство сострадания, поэтому я и задумался о пользе гордости. Она спасает нас, ложась, как пластырь, на мельчайшие и покрупней душевные раны. Она помогает нам сохранять самоуважение, а верно было спрошено когда-то: если собака себе хвост не поднимет, то кто ей поднимет? При любых поражениях или обидах к нам приходит благодетельное утешение — откуда же оно? От тихого, про себя хвастовства, от горделивого соображения, что ты морально прав или неправ, зато

в чём-то другом недавно выиграл, а то и победил. Гордыня такого рода — утешительная лесть самому себе, а собственная лесть нам — как вода и воздух. И невообразимы психологические источники этого целительного бальзама горделивости собой, а потому — душевного покоя. Всю жизнь человек, в сущности, занят посильным облегчением своей участи, и гордыня в этом непростом занятии — костыль и пружина.

Много лет назад мы оказались волей случая с приятелем в маленьком русском городе Коврове. Что-то надо было нам узнать, и нас направили к местному учителю начальной школы, показав издали его маленькую, запущенную донельзя избу. Точно такой же она оказалась и внутри. Тощий невысокий человек с измождённым сухим лицом был настолько приветлив, что мы вытащили из рюкзака бутылку.

— Спасибо, я не буду, — мягко отказался хозяин. Это было для нас так же удивительно, как если б он заговорил по-японски, и лица наши изумления не скрыли.

— Завязал я, — пояснил он, — мне судьба являлась лично.

История оказалась небанальной. Многолетний алкоголик, он постепенно пропил всё, что было в доме, уже ушла жена, уже должны были выгнать с работы, он сидел в сумерках и размышлял, где раздобыть хотя бы на стакан. В дверь постучали, и вошёл незнакомый человек городского вида. Из-

винился вежливо и столь же вежливо сказал, что помирает, так охота выпить. «У меня ничего нет», — сухо ответил хозяин, самой просьбе ничуть не удивившись. «Это неправда, — мягко ответил человек, — у вас на книжной полке за томиком Майн Рида стоит четвертинка». Учитель кинулся к полке и обнаружил там бутылку. Тут же он на полке возле печки взял два стакана, а когда обернулся к столу, человека не было. И тогда учитель понял, что к нему являлась судьба, а то и сама смерть в облики гостя: мол, если хочешь, выпивай уже со мной. И бросил пить учитель с той же секунды, а бутылку ту загадочную отдал соседу за починку печи, потому что он уже и в холоде сидел. И всё восстановилось в его жизни; вскоре возвратилась и жена.

Тут мы, естественно, оба посмотрели на очень немолодую женщину с лицом, настолько помятым жизнью, что как-то ясно становилось, что никак она не могла не вернуться доживать свои годы в привычном месте. Только внезапно она гордо выпрямила голову, помолодела до того, что стало очевидно — ей никак не больше сорока, и выговорила с дивной величавостью:

— Мы, Косоедовы, — однолюбы!

Я хочу сказать, что гордыня, штука суетная и мельтешная, казалось бы, — сплошь и рядом очень трогательная в человеке черта. Это касается любого из нас. Ибо даже то прозвание, что дали мы себе некогда сами, — *хомо сапиенс*, человек разум-

ный — это такое, если вдуматься, преувеличение, что уже в нём полным-полно смешной и неоправданной гордыни. А если присмотреться ближе к тому, что составляет предмет гордости (явной или скрываемой) у каждого из нас, то просто заливают душу волна нежности и сострадания к человечеству.

У нас с Сашей Окунем есть один общий приятель — чрезвычайного таланта (и мировой, по счастью, известности) дирижёр. Он как-то позвонил мне и сказал:

— Твой Саша Окунь — очень плохо воспитанный и тёмный человек.

— А что случилось? — огорчился я.

— Ты понимаешь, — объяснил мне дирижёр, — я ему поставил диск со своим самым лучшим исполнением (тут некое произведение им было названо), мне тогда бурно выразили восхищение не только зрители, но даже оркестранты, и что ты думаешь? Саша твой поднялся в самом интересном месте и говорит: пора, поехали на радио, нас уже ждут.

— Это ужасно странно, — попытался я защитить друга, — Сашка — невероятный меломан и все твои работы знает и обожает; не серчай, это какая-то накладка, я ему позвоню.

И позвонил.

— Зачем ты так обидел дирижёра, почему ты так невежливо поднялся в самом интересном месте? — спросил я. — Ты же меломан и ценитель, что случилось?

— Старик, — ответил Саша изумлённо, — я с наслаждением дослушал диск до полного конца. Я встал на аплодисментах!

А начинает человек гордиться с ранней младости, ещё не слишком понимая, чем стоит гордиться в первую очередь, а чем — во вторую. Как-то наша внучка Гиля пришла с гуляния в приятном возбуждении (четыре годика ей было). Оказалось, что, пока она играла на песке, мимо прошла её подруга с мамой. И подруга эта своей маме громко объяснила:

— Вон играет Гиля, у неё есть большая чёрная собака Шах.

И наша Гиля была очень польщена. А час спустя, рассказывая что-то бабушке, упомянула мимоходом, как о мелочи житейской, что у них в детском саду есть два мальчика, которые хотят скорее вырасти, чтобы на ней жениться.

Возможность выделиться, пофорсить, погарцевать в центре внимания, покрасоваться — эти суетные проявления гордыни каждому знакомы (в мечтах и помыслах — особенно), и разве можно человека осуждать (а особенно бедного и обделённого человека) за такое удовольствие и временное счастье бытия? За невинное блаженство хоть на краткое время прыгнуть выше головы своей и выше своего житейского потолка? Халиф на час — роль вожденная для множества людей, и это ухищрение гордыни стоит лишь сочувственного понимания.

В начале тридцатых годов, когда слава Михаила Зощенко была в зените, он как-то приехал отдохнуть у моря. Он держался скромно и незаметно, был для соседей по пляжу просто неким питерским Михаилом Михайловичем и подружился, греясь рядышком под солнцем, с двумя юными девушками из какого-то уральского городка. Он был им симпатичен, и однажды как-то они пригласили его вечером прийти в гости. Будет Зощенко, сказали они ему. И он пошёл. Центром компании был разбитной молодой человек южного провинциального разлива, который сыпал цитатами из рассказов Зощенко, своего авторства ничуть не скрывал, звался, естественно, Мишей и вызывал у всех собравшихся девиц обморочное восхищение. Зощенко ничуть не возмущился, молча слушал и смеялся тоже, а спустя примерно час или поболее нашёл какой-то мелочный предлог и вышел с юным жуликом на кухню.

— Я к вам не имею никаких претензий, — ласково сказал Михаил Михайлович, — играйте на здоровье. Просто я Зощенко, и мне ужасно интересно, для чего вы представляетесь мной?

Парень смутился на секунду, тут же оклемался и вполне разумно, с полной откровенностью объяснил, что сам он — парикмахер из маленького южного городка, весь год он вкалывает и месяц отпуска — великое в его жизни время. Он выдаёт себя за знаменитого писателя, которого и вправду обожает, помня чуть не наизусть («ну, вы же слы-

шали»), и пользуется вниманием и успехом у слабого и впечатлительного пола. Простите, мол, и попытайтесь меня понять.

И тут они заметили, что у двери в кухню стоит и обливается слезами одна из пригласивших Зоценко девчушек. «Что с тобой, милая?» — кинулся к ней Михаил Михайлович. И та ответила, рыдая:

— Значит, и Олеша не Олеша!

Но давайте вспомним о гордыне коллективной, ибо всякие народные, национальные зазнайство, спесь, кичливость или чванство — такие же целительные примочки на раны, наносимые историей. Тут легко мне возразить, что, например, общеизвестная английская спесь («правь, Британия, морями») имеет под собой некое историческое основание и что такое же есть основание у многих стран и народов, — я соглашусь с готовностью и, кстати, безо всякого осуждения этих стран и народов. Это ведь счастье, а не грех — гордиться собственной страной. Особенно если для этого есть почва. И достоверная притом, а не из мифов и легенд. А так как почва эта исторически различна, то и разнятся так поэтому народные гордыни. И если страна в настоящее время влачит существование убогое или зависимое, то тем более целительна душе её гордость прошлым. И для народа в целом, и для каждой личности в отдельности.

А поскольку чудовищное количество отдельных личностей еврейской национальности живёт вне Израиля, то на гордыне соплеменников моих я ос-

тановлюсь отдельно и с сочувствием. Понятно как бы всем и каждому, что с веками выросла эта гордыня в качестве душевного лекарства от бесчисленных и постоянных унижений, поношений и ограничений. Но и в самое вегетарианское для евреев время, в самой терпимой и доброжелательной стране она по-прежнему целительна и благотворна для любого. Вот, к примеру, я — Зелик Срулевич Гольц, серенький и малоодарённый человек. Я мелкий страховой агент, с трудом свожу концы с концами, жизнь моя пресна и беспросветна. Да, но я зато принадлежу к тому народу, который дал миру Библию, а, кстати, Чарли Чаплин и Альберт Эйнштейн — тоже евреи. Даже Карл Маркс был еврей, но этим сейчас вряд ли стоит гордиться. А сколько среди нас нобелевских лауреатов! Кстати, сам Нобель — не еврей? Поскольку очень вероятно, очень уж был умный человек.

Такого рода мысли-ощущения доступны каждому, как витамины в маленькой аптеке за углом, и грех ими не пользоваться, если они полезны для здоровья. И доступны они людям всех национальностей, я просто воспользовался легчайшим случаем.

В Сибири как-то замечательно сказал мне хмельной собеседник: «Вот я сижу, я пьяный-срачный, а зато святынь у меня три: родина, мать, Новиков. Новиков — это я».

И я с ним полностью согласен. Почему же надо отнимать у человека утешительную радость?

Ведь помимо того, что на оскорбительно тяжкую жизнь пожизненно обречён человек, он ещё сплошь и рядом уязвлён бывает мелочами, попросту смешными на сторонний взгляд, — к примеру, непрестижным местом рождения. Конечно, этот ранящий факт можно избыть в душе одним лишь гонором и фанфаронством. Так, в одном американском городке (зачуханной глуши с трёхмиллионным населением) я спросил, из каких в основном краёв советской империи приехали сюда мои завтрашние слушатели.

И грустный пожилой устроитель концерта мне задумчиво ответил:

— Знаете, у нас из разных мест. Но если человек одет весьма просто и приветлив, то, скорее всего, он из Питера, а если человек одет роскошно и высокомерно-снисходителен, то вероятнее, что он — из Бобруйска.

Ещё хочу сказать я мельком, что людей, начисто обуздавших свою гордость, всяких униженных и оскорблённых, смердяковых всяких потому и следует бояться, что человек своей смиренной приниженностью (то есть полным отсутствием греховной гордости) склонен пользоваться как отмычкой и разрешением на что угодно. «Уж такая я тварь», — сладострастно говорит себе человек, в котором чувство унижения — род свихнувшейся гордыни. Впрочем, это лучше прочитать у Достоевского.

И вот теперь только добрался я до главного. Я уверен, что хорошие поступки человека, сама

нравственность его — от гордости, от самолюбия, от уважения к себе как личности. Как это я, такой-то и такой-то, соглашусь на эдакую низость? Да меня потом заест совесть, что я настолько опустился.

Ибо чувство собственного достоинства и личной чести — они ведь тоже уходят корнями в гордыню.

Неохота мне нырять за примерами в канувшую как Атлантида советскую империю — только там настойчиво и неслучайно отучали нас именно от чувства собственного достоинства и личной чести («Больше всех тебе надо, лучше всех ты, что ли?»), заменяя это гордостью коллективной (держава, индустриализация, спутники, балет, поднятая целина и бесплатная медицина, которая того и стоила), а личности рекомендуя скромность и патриотизм. Гордыню коллективную с успехом тем же внедряли и в гитлеровской Германии, и до сих пор пытаются отмыться от неё немцы с чувством собственного личного достоинства, в котором и национальное играет не последнюю роль.

Чем вообще способен человек гордиться, перечислить невозможно, ибо даже редкие болезни составляют предмет кичливости страдающего от них индивида. А коллекции, которые порой на взгляд сторонний выеденного яйца не стоят, а хозяева лущатся, их показывая! Гордиться можно чем угодно — от славы предков до родинки в укромном месте. Ибо гордится человек — своей особостью, своей отдельностью среди себе подобных. У нас в лагере

блатные требовали от раздатчика, чтоб он на кашу им плеснул ложку супа, зачерпнутую сверху. И не в капле жира заключалась суть такого странного желания — ни капли не было там жира даже сверху, — а в подчёркнутости их отличия от нас, таких же эзков, только «мужиков» на лагерном жаргоне, то есть сильно ниже их по рабской иерархии.

Когда особость эту можно купить, то человек (существо смешное, потому его и жалко) не медлит ни минуты. Как-то моей родственнице жаловалась по случаю одна учительница: она вышла замуж за шофёра и жила с ним счастливо, но в семейных неминуемых раздорах никогда не упускала случая напомнить, что она — интеллигентная элита, а он — обычный работяга. И вдруг ему однажды за вполне приемлемую сумму предложили купить княжеский титул со всеми необходимыми бумагами. Он приобрёл его немедленно, и с ним теперь никак не повздоришь — чуть что не так, он говорит жене: «Молчи, простолюдинка!» — и ничего не хочет слушать.

В лагере столкнулся я с неким странным, очень редким, как мне кажется, видом гордыни. В больничке лагерной у нас был главврач — маленький и щуплый, совершенно спившийся мужичонка неопределённых средних лет. Он как-то мне сказал, густо дыхнув самогонным перегаром:

— Ты себе даже не представляешь, Губерман, какую я тебе могу устроить кошмарную жизнь, но я никогда этого не сделаю.

Чуть после я узнал, что он говорил это ещё несколькими зэкам — тем, кто ему явно был симпатичен. Тут гордость, извращённая донельзя, только очень человеческая и понятная для такого заведения, как лагерь мира, социализма и труда.

Я в поисках народной мудрости полез было в составленный Далем сборник «Пословицы и поговорки русского народа». Осуждается там гордость, только вяло и неубедительно. Одно, правда, народное речение понравилось мне библейской прямоотой: «Сатана гордился — с неба свалился; фараон гордился — в море утопился; а мы гордимся — в гавно садимся». А в других во многих удивила меня некая неоднозначность осуждения греха. Так, например, именно тут приведено предупреждение, широко известное: «Тише едешь — дальше будешь». Как бы о пользе кротости и скромности оно глаголет: мол, они только ведут к успеху. Но ведь успех и есть та почва, на которой оправданно цветёт гордыня! Что-то неладно получается насчёт греха. Или вот ещё одно осуждение: «На грош амуниции, а на рубль амбиции». Выходит, если амуниции — на рубль, то и амбиция простибельна? Нет, не сбывается надежда почерпнуть моим решето из пруда народной мудрости, придётся думать самому.

А упругая и азартная убеждённость в собственных силах (то есть гордыня в чистом виде) — разве не она двигает любым творческим замыслом? А неукротимое стремление к успеху? Ведь из не-

го и выросла цивилизация, которой мы заслуженно гордимся. Так не Творцом ли в нас заложена гордыня устремления вперед? И почему-то Он же нас карает за неё — достаточно вспомнить Вавилонскую башню.

Легко мне возразить: ведь речь идёт о степени и мере нашей фанаберии и гонора. И непомерные амбиции — грех безусловный. Может быть. Но ведь именно они движут молодыми, например, учёными, часто оправдываясь — и не только благодаря способностям (а человек и ощущает их в виде амбиций), но и в силу честолюбивого азартного напряжения этих Богом данных сил.

А буйная хвастливость, фанфаронство, спесь — они ведь вызывают в окружающих лишь жалость и недоумение. Не говоря уже о том, насколько они смешны стороннему взгляду, как любое упоение собой. А барская высокомерная напыщенность и чванство в наше время — верный знак лакейского нутра, и на других сегодня смотрят свысока только мелкие люди. Но они ведь тоже более смешат, чем раздражают, а грех — дело серьёзное, смешное грешным быть не может.

Что-то, словом, непонятное выходит: нам с очевидностью гордыня малосимпатична, а никак не получается с её облыжным и тотальным осуждением. Грех этот пагубен, но животворен и целителен.

А какое дивное следствие гордыни — наша брезгливость к подонкам, разной гнуси и мерзоте

в человеческом облики! Тут ведь не чванство, не кичливость, не надменность — я говорю о благородной человеческой брезгливости к тем людям, которые стали человеками ещё не полностью. Увы, таких довольно много. Недавно познакомился я с очень симпатичным биологом, который по работе своей много общается с самыми разными людьми. И в разговоре он несколько раз употребил странное для моего уха выражение: «И тут приходит некий организм и заявляет...» Я удивился и его об этом выражении спросил. В ответ услышал я замечательное объяснение, прямо относящееся к теме нашего греха:

— Ты понимаешь, все так говорят у нас в институте. Согласись ведь, что полным-полно людей, которые из обезьяны вышли, но человеками не стали. И поступают хуже, чем животные, потому что хомо сапиенсы, суки. Называть их, как они того заслуживают, — блядское высокомерие выходит, себе дороже. А организмы — в самый раз. Так оно у нас и повелось. Ты не согласен?

О, как я был согласен! А сейчас, на эту тему выйдя, — в особенности. Потому что те отличия человека, которые и делают его человеком: чувство собственного достоинства, чувство чести и самоуважения, — властно мешают ему быть организмом в любых житейских обстоятельствах. К тому же столько лет вгоняли нас в состояние организмов («простой советский человек»), что я с невероятным уважением стал относиться ко многим

проявлениям гордыни, в числе которых — безрассудные поступки сплошь и рядом.

И никак, никак не миновать нам двух естественных детей гордыни — тщеславия и честолюбия. С ними расправляется наотмашь и словарь Даля: «Тщеславный — кто жадно ищет славы мирской или суетной, стремится к почёту, к похвалам, требует признания мнимых достоинств своих... Честолюбивый — человек, страстный к чинам, отличиям, ко славе, похвалам и потому действующий не по нравственным убеждениям, а по сим видам».

То есть перечислены черты, достаточно низкие, чтоб убедиться в полной правоте нашей заведомой к честолюбивцам неприязни. А ещё тут же в памяти всплывают разные великие злодеи, полные тщеславия и честолюбия, во имя коих все свои деяния и совершали, — грех гордыни явен и осудим.

Но не спеши, читатель, с мелкой горделивой радостью, что мнение твоё совпало со словарной мудростью народа. Ибо народ — великий и безжалостный Прокруст в отношении ко всем и каждому, кто выделяется из ряда вон, отсюда и неправедная огульная хула двух этих жизненно необходимых человеку черт. Тщеславие и честолюбие — и крылья, и бензин тех молодых людей, которые томимы Божьим даром. Ибо вложенные в них способности (любые) требуют и понукают, жаждут быть реализованными и воплощёнными, и честолюбие — та страсть, которая им помогает осуществиться. «Если не я, то кто же?» — это ли не чис-

тый вид гордыни? Только творческой, а значит — Богоданной. Тут и словами как-то глупо растекаться, это ведь известно всем.

Однако есть тут и печальные, конечно, разновидности — когда тщеславие крупнее, чем талант. И тьма примеров этого несчастья — среди разных творческих людей. От яда и верёвки, от последнего отчаяния опять-таки спасает их гордыня: жалкие людишки, вы не поняли меня, не оценили, но придёт на смену вам другое поколение, и там я буду славен и велик. Забавную услугу в этом смысле оказала неудачникам и несчастливцам жизнь художника Ван Гога — на неё всегда теперь можно сослаться, чтоб утешение и свежую в себе уверенность найти и ощутить.

Но не минуем и клиническую патологию разрыва между способностями и тщеславием — тем более что психиатрами она давно уже и чётко обозначена. И на совсем живом примере это можно пояснить.

Я пишу это в январе две тысячи первого года. К израильским дорогам по ночам приходят снайперы, стреляя в проходящие машины. Есть убитые, и раненых полно. Фанатики-убийцы неустанно пытаются пронести взрывчатку в людные места, чтобы погибло как можно больше людей, включая женщин, стариков, детей, и часто, слишком часто им это удаётся. Их науськивают на это в мечетях, им за это платят (или оставшейся семье) — смесь тёмной ненависти с бизнесом весь-

ма результативна. В этой атмосфере мы живём, звоня всем близким при известии о новом взрыве в автобусе или на рынке, возмущаемся правительством, которое не позволяет солдатам стрелять, пока нет явно смертельной опасности. И понимаем в то же время, что нельзя стрелять в детей, которых родители выводят на улицу — как раз потому, что знают: в них стрелять не будут. И бессилие такого рода портит жизнь не меньше, чем сама повсюдная опасность. В этой ситуации крошечной появляется в Москве статья в коммунистической газете, писанная здешним журналистом Израэлем Шамиром. Тут же появляется она, естественно, и в Интернете, и теперь это доступно миллионам. В ней полно грязной и несправедливой облыжки, но на то и есть свобода печати, чтобы при отсутствии мыслей употреблять голые оскорбления. Всё было как и в большинстве статей этого слегка клинического автора, а гнилостный душок, текущий от него, порой даже забавен. Только вдруг наткнулся я на фразы, которые мне проще передать цитатно:

«...Царь иудеев, генерал Барак, преемник царя Ирода, убивает младенцев Вифлеема. По его приказу детей убивают откормленные израильские снайперы, получающие премию за каждого убитого ребёнка... Отряды убийц безнаказанно отстреливают палестинцев с вертолётa, как дичь на сафари... Отравлены подземные воды, облака газа душат стариков в домах и младенцев в чреве матери...»

Признаться, в первый день прочтения я даже обсудить это ни с кем не мог — стояло где-то ниже горла мерзостное ощущение проглоченного по оплошности куска гавна. Но после я опомнился и трезво понял, что об истоках такой подлой лжи скорее всего следует спросить у психиатра. И спросил. Психиатрии издавна и хорошо известно клиническое тщеславие. Чаще проявляется оно в патологическом вранье, однако склонно и к поступкам. Комплекс Герострата — обозначили его врачи. Тот древнегреческий маньяк, что сжёг когда-то в городе Эфесе храм — единственно затем, чтоб его имя зазвучало на устах, — не просчитался, ибо все подобные деяния теперь имеют его имя. «Жаль только вашего — как там вы его называли?» — сказал врач, — потому что вмиг забудется его статейка, в суд никто не обратится, Израиль наплюёт на эту гнусь, как и на прочие, а жгучее тщеславие останется у этого бедняги. И будет полыхать на всём немереном пространстве между малой одарённостью и острой жаждой стать известным.

И во мне тихо шевельнулось сострадание к этому мелкому больному организму. Только обсуждение той гнуси, что проистекает из гнилой гордыни, не годится в окончание главы. Поэтому поговорим лучше о гоноре, который хоть и порождает безрассудные поступки, но только благородные и подлинно мужские.

Как-то в Питере мне одна женщина рассказала такую историю. В семидесятые годы уезжавшие художники должны были платить государству за соб-

ственные работы. Эти отзвуки крепостного рабства были тем более тяжелы, что у художников на это просто не хватало денег — цены назначались такие же, как если бы музей приобретал эти полотна. Когда назвали сумму выкупа за одну картину художнику Окуню, он ответил, что пусть её тогда государство купит за эту цену. Вся комиссия дружно рассмеялась над такой наивностью. Тогда Окунь вынул бритву, твёрдой рукой художника рассёк картину на четыре части и сказал, что эти четвертинки он раздарит. Рассказавшая мне это женщина хотела у меня узнать, где остальные три кусочка, — она мечтает их купить, чтобы картина вся висела у неё. Я, к сожалению, не знал, а Саша Окунь уже просто не помнил. Мне такое проявление гордыни — как мёд по сердцу и душе.

Мы все упрямо и заносчиво творим свою судьбу, а проповеди о смирении и скромности, о тихости и кротости достигают уха только тех, кто впал в это блаженное состояние по возрасту или болезни. И тут они, естественно, гордятся своим смирением. Ещё гордятся своей кротостью и скромностью те, которым более гордиться нечем. Остальные оголтело вожделеют и гордятся тем, чего достигли. И я никого не в силах осудить. Тем более что полон сам гордыни и зазнайства. Ибо мне-то есть чем похвалиться: с ранних лет я запросто достаю языком до кончика носа. Это мало у кого получается, а с такой же лёгкостью, как у меня, — почти ни у кого.

ПРОЩЕНИЕ ЗАВИСТИ

В поэме Данте Алигьери по неприятным серым просторам чистилища бродят тоскливые тени завистников. Веки их глаз наглухо зашиты железными нитками — так они избыывают свой грех. Вообще огромная пыточная камера этой поэмы зримо выдаёт — и психоаналитик тут не нужен — мстительное и безжалостное воображение её автора. Одна из теней говорит, почуяв человека:

Так завистью пылала кровь моя,
что, если было хорошо другому,
ты видел бы, как зеленею я.

Очень интересно, что завидуем мы не уму, а удаче; мы завидуем успеху и достижению, совсем не думая о тех способностях, усилиях и упорстве, которые этот успех принесли. То есть мы завидуем результату. А неполнота информации о том, какие трудности лежали на пути, какая сметка и отвага, сила воли и готовность рисковать были проявлены, нас совершенно не волнует. Словно с неба всё это свалилось к обладателю — так почему же не свалилось на меня?

Но я, похоже, начинаю философствовать, что крайне осуждала моя бабушка («Не обобщай, и обобщён не будешь», — говорила она), и лучше обращай я к собственной, отнюдь не безупречной личности.

Поскольку я, по-моему, был завистлив с раннего детства. А чья-то хитрая выдумка, что зависть бывает светлой, чем полярно отличается от чёрной, — утешительна для тех, кто хочет обмануться на свой счёт и низменные свои чувства приподнять, чтоб с удовольствием смотреть на себя в зеркало. Я сам бы рад, но многовато лет и уже поздно. Кроме того, мне утешаться незачем: я по сю пору полагаю, что зависть — неотъемлемое человеческое качество. Более того, она — источник множества наших различных достижений: не завидуя птицам человек, навряд ли был бы изобретен самолёт. И говорить, по-моему, разумно лишь о том, чему именно и кто завидует. Вот, например, тот факт, что именно зависть (и вытекающая из неё ненависть) лежала в основе Великой Октябрьской социалистической революции, вряд ли даже спору подлежит, и не случайно дикий лозунг «Грабь награбленное!» так воодушевил после этого переворота народные массы. Только неохота мне карабкаться на высокий исторический уровень — я сел за книгу, чтоб рассказывать о жизни личной.

Поскольку я завистлив мелочно, то есть страдаю самой низкой формой этого греха. А ни таланту ничьему, ни шумной славе, ни богатству я не позавидовал ни разу в жизни. Хотя вскоре честно поясню, что мизерные блёстки перечисленного вождедел я горячо и часто. Крохотные малости рождали во мне жгучую зависть к совершен-

но мелким людям. Что поделаешь: каков Сальери, таковы и его Моцарты.

Я помню до сих пор, как мой приятель (мы учились в седьмом классе) становился в проходе между партами, опирался руками о края их, чуть подгибал ноги, еле заметно спружинивал руки и — перелетал, как обезьяна, к партам следующего ряда. Я умирал от зависти и восхищения. А полгода спустя я уже с лёгкостью делал это сам. Но не было покоя моей низменной душе: теперь смертельно я завидовал другому моему приятелю, который каждый день читал газеты. Сам я в ту пору не мог осилить даже первую полосу — зевал и отвлекался, но что хуже — забывал немедленно, о чём читал. У нас какой-то в школе был тогда назначен час, когда по очереди должны были, кто сам того хотел, читать доклад о текущей политике. Боже, с каким жадным интересом слушал я сообщения о стихийных бедствиях в странах загнивающего капитала! «Почему же я не прочитал этого сам, — угрюмо и завистливо терзался я, — ведь я бы тоже мог так рассказать». Я клялся самому себе, что с понедельника начну новую жизнь, и честно брался за газету. Но увы. И свойство это сохранил я навсегда. Газеты у нас в доме читает жена, а я по-прежнему гибну от любопытства и зависти, когда, подвыпив, начинают за любым столом говорить о политике. Полную херню обычно городят мои высоколобые начитанные собутыльники, но я вмешаться не мо-

гу — я начисто не знаю большей части того, что они где-то вычитали.

И много, много было стыдного в таком же смысле за десятилетия моей длинной и завистливой жизни. Что я сам могу быть объектом зависти, мне отродясь и в голову не приходило, потому я так и удивлялся появлению каких-то недоброжелателей или людей, странно косящихся в ответ на мою пылкую приветливость. Уверенность, что при любом успехе можно только радоваться за человека, по-идиотски сохраняется во мне. Хотя это никак не отменяет мою зависть. И любая мелкая удача там, где эту птицу мог я запросто словить и сам, волнует меня чем-то вроде ревности — уже пустой, поскольку запоздалой, но не менее от этого жгучей.

Вот очень простой пример. Я знаю два четверостишия, неведомо кому принадлежащих, — но я бы сам хотел и мог их написать! Одно такое:

Слесарь дядя Вася
меж берёз и сосен,
как жену чужую,
засосал ноль восемь.

Даже воспроизводя его сейчас, я ощущаю горечь от потери. Так, вероятно, грибники и рыбаки завидуют друг другу, поскольку этот молчаливый вскрик — «И я бы мог!» — созвучен чередующимся всплескам их удач. А вот второй стишок:

Посланный на хуй, иду по дороге,
думаю: пьяный ты скот,
ведь по этой дороге
шёл в борьбе и тревоге
боевой восемнадцатый год.

То есть завидую болезненно и остро я удаче на том поле, где она могла постигнуть и меня, но равнодушный случай повернул лицо к другому. Так Дина Рубина и по сию пору помнит, как она сначала в детстве, а потом и в розовой юности испытала жгучие уколы зависти: сперва — увидев мальчика, свободно писающего на стенку, а спустя несколько лет — увидев, что у близкой подруги уже явно развивается грудь.

В разные времена жилали мы с женой у тёщи Лидии Борисовны. Сотни раз ходил я по Лаврушинскому переулку, где стоит её дом, бродил по соседним, знал прекрасно вытрезвитель на углу Старомонетного и Толмачёвского (внизу — решётки поверх мутного стекла, а наверху — два бюста Ленина, смотрящие почему-то не вовнутрь, а в переулок). По утрам довольно часто попадался мне навстречу только что отпущенный клиент этого заведения. Оpoznать его всегда было легко — по мятой донельзя физиономии («Морда лица — почва земли», — говаривал один художник о таком состоянии) и двум стандартным фразам: «Земляк, а тут которое ближайшее метро?» и «Дай пятак, домой доехать надо».

А тёща моя встретила интеллигента! Тоже был весьма помятый, но проникновенно и изысканно сказал (в шестидесятых это было, отсюда и последующая, всем памятная цифра).

— Сударыня, — сказал он, — обстоятельства моей жизни трагически таковы, что мне необходимо два восемьдесят семь.

Поясню для юных и забывчивых: цена бутылки.

Моя тёща, пленённая вежливостью и открытостью текста, не колеблясь дала ему три рубля.

— О Господи, — воскликнул человек, — и сырок!

Поскольку плавленый сырок «Волна», как и «Дружба», стоил именно тринадцать копеек в те незабвенные и достопамятные времена.

Тут я от зависти немного отвлекусь, ибо сыркам этим я обязан пожизненным уважением к полузабытому ныне великому физиологу Павлову. У нас на курсе в институте учился некий Мишка — добродушный и весёлый здоровяк. Он жил где-то в пригороде, поэтому в институте проводил целый день, лишь поздно вечером уезжая домой поспать. И по естественной студенческой бедности питался целый день всухомятку — ел он хлеб и эти плавленые сырки. Курсе приблизительно на третьем началась у него язва желудка. Мишка пожелтел, осунулся и загрустил. Могучий организм его (врачи немного тоже помогли) сумел оправиться, болячку залечили, и временно она затихла, хотя полностью не извелась. Но сохранились где-то в закоулках его мозга имена этих злокоз-

ненных сырков — «Волна» и «Дружба» (хотя он их уже не ел, а привозил еду из дома). И стоило с тех пор Мишке услышать по радио частые в ту пору фразы типа «Всю Африку охватила волна народного гнева» или «Изо дня в день крепнет дружба советских республик», как от этих двух ключевых слов у него начинался приступ язвы. Как после этого не поверить в пресловутые условные рефлексы академика Павлова? Так я пристрастился к психологии, а Мишка избегал всех мест, где слышно радио.

Но возвращусь я к зависти и теще. Мы ходили по одним и тем же переулкам, а замечательные люди попадались только ей. В конце восьмидесятых, например (в Москве довольно было туго с продовольствием), поднималась моя теща по ступенькам магазина на Пятницкой, а навстречу выходила из дверей тётка с кошёлкой.

— Что, яйца в магазине есть? — спросила её теща, чтобы зря не заходить.

Тётка ответила печально и раздумчиво:

— Яйца есть, но мальчиковые.

Или возьмём подземный переход, ведущий к метро «Третьяковская». Там сидела старуха-нищенка возле большой консервной банки из-под огурцов, куда прохожие кидали мелочь. Тёща моя, тоже человек весьма немолодой, остановилась рядом, раскрывая сумку. Старуха глянула на неё, закрыла банку ладонью и холодно сказала:

— Пенсионеров не обслуживаем.

Везению такого рода я завидую угрюмо и нескрываемо. Почему другому улыбается фортуна что-то услышать и повстречать-увидеть ровно там, где мог бы оказаться я? Или не мог. Но всё равно я ощущаю зависть.

Замечательный артист Женя Терлецкий был когда-то режиссёром в Магнитогорском кукольном театре. Ехал в поезде он как-то, вышел в тамбур покурить, а там уже сидел на корточках, вольготно к стенке привалясь, тоже куря, некий спокойный человек. Я после лагеря таких любителей сидеть на корточках распознаю настолько, что готов частично изложить их биографию. А Женя закурил, о чём-то зимнем думая (декабрь на дворе стоял), и человек его спросил участливо:

— Чего так загрузил, земляк, или не клеится чего?

— Да в Сочи ездили мы на гастроли, плохо вышло, — с машинальной вежливостью ответил Женя. А человек вдруг густо и со вкусом засмеялся.

— Кто ж ездит в Сочи на гастроли в декабре?! — сказал он снисходительно и с полным пониманием проблемы.

Именно Жене позвонила на днях женщина и, нескрываемо волнуясь, сказала:

— Вы артист Терлецкий, и вы много лет работали в театре?

— Да, — ответил Женя, — это я.

— Вы только не будете надо мной смеяться, ладно?

— Избави Бог, — ответил Женя.

— Понимаете, — женщина продолжала нервничать, — вы ведь много лет работали в театре, вы не будете надо мной смеяться. Дело в том, что у меня есть собака, она эрдельтерьер, ей предстоит ехать на международную выставку, вы много лет работали в театре, вы не должны надо мной смеяться.

— Я вас слушаю, — проникновенно ответил Женя. — И что?

— А у неё, — сказала женщина печально, — только не смейтесь надо мной, но у неё вдруг облысела жопка. Вы не знаете, какой берётся клей, чтобы приклеить ей волосики?

Людям везёт, и это всё, что я могу сказать. Я не работал много лет в театре, и ко мне с таким не обратятся, только ведь от этого здравого соображения ничуть не меньше хочется, чтоб так прекрасно кто-нибудь однажды позвонил. Я не придуриваюсь, это говоря, я понимаю, что завидуют повсюду и везде вещам существенным и крупным: денежной удаче, шумному успеху, суперсовременной дорогой ненужности, даче в горах или обильно плодящемуся стаду. Только ведь такой горячий пламень гложет изнутри завистников, мешая жить и сна лишая, что скорее следует их пожалеть, нежели судить за их же собственную дикую душевную изжогу.

Можно завидовать дальним поездкам и интересным знакомствам, удачным фразам и хорошему настроению, лёгкой походке и звонкам приятельниц.

Такое в самом деле — как бы с неба, и печаль, что это не с тобой, понятна и неизлечима.

А ведь завидуют несчастные иные даже чужой энергии. И более того — они её порой пытаются впитать, вертясь неподалёку от человека. Я таких вампиров наблюдал и даже замечал их сладострастие: они общаются, они блаженствуют от исходящих волн чужой энергии (вкупе со знанием порой) и впитывают, впитывают, впитывают. Забавно, что носителю энергии от этого ничуть не хуже, ибо людям льстит внимание, оно лишь возбуждает их и стимулирует отдачу. Я этому виду вампиров даже некогда название нашёл: фальшивоминетчики. И мне их тоже очень жалко.

А ещё есть зависть — к той обидной лёгкости, с которой кто-то получает нечто, с тягостным усилием тобой достигнутое, либо вовсе не дающееся тебе. Нет, я вовсе не о всяких материальных удачах, я о совсем другом. Вот, например, я знал давно и достоверно (а скорее — чувствовал), насколько мы различны с разными свободными людьми, когда не совпадают наши мнения. Мы — это люди советско-российской выделки и закваски. И никакой даже модели-образа я сочинить не мог, хоть по-собачьи чувствовал, как вертится он рядом и вокруг. А тут к актёру Мише Козакову приехал из Америки какой-то приятель, запросто изложивший то, что мне никак не удавалось.

— Смотри, какая между нами разница, — сказал он Мише, выпивая. — Вот сидят такие же, как

мы, два американца. И пьют они такую же бутылку водки на двоих. И первый говорит: бутылка сделана красиво, этикетка приятная, и вообще отличная водка. А второй с ним не согласен: и бутылка ничего особенного, и банальнейшая этикетка, а водка — вообще дрянная. — Интересно, — отвечает тогда первый, — как забавно разны у нас взгляды и вкусы. И такую же бутылку водки распивают двое россиян. И так же первый хвалит всё подряд. И точно так же с ним не соглашается второй: и некрасивые бутылка с этикеткой, а про водку — вообще она гавно. Ну что, уже про первого ты догадался? Если такая водка кажется тебе гавном, говорит он, то ты сам гавно, и дам-ка я тебе сейчас по морде, чтобы не выёбывался впредь.

Какую зависть испытал я к этому неведомому человеку! Ибо его лёгкая модель равно пригодна для дискуссий наших на любую тему и в какой бы части света мы их ни вели сегодня.

И сделать ничего я не могу с моей натурой мерзкой, потому что я завидовал, бывало, даже снам. Они мне тоже снятся, только мизерные, бытовые и неинтересные — не зря я их под утро забываю. А Володе Файвишевскому, к примеру, снилось, как он едет на машине — той, что ещё Ленина возила, и сидит у него за рулём сам лично Ленин. Лысый, бодрый, только очень раздражённый — тряская и вся в колдобинах дорога. Ночь, ни зги не видно, фары слабосильные, а ехать ещё очень далеко. И Ленин говорит ему со злобой

и печалью: «Мы всё делали совершенно верно, товарищ, просто нам попался неподходящий и неправильный народ».

Ну как не позавидовать такому сну? Я и завидовал.

А Саше Окуню даже не сны, а кинофильмы сняты — так построен и развёрнут их сюжет. В Америке он где-то, едет в лифте, и лицо одного из соседей кажется ему знакомым. И на пьянке, куда ехали они, тот человек с ним оказался через стол, они беседуют, они друг другу явно симпатичны. Мимо проходя, приятель Сашкин на его вопрос недоуменно отвечает: это же Набоков. И ничуть не удивившись, как во сне это бывает, Сашка продолжает с ним общаться, обсуждая что-то незначительное, но приятное обоим, так как родом они оба — из одного города. А под конец Набоков предлагает прокатиться на санях вдоль имения его родителей под Питером. И вот они уже в санях, вокруг российские снега, а вдоль дороги — избы. Оттуда из дверей вываливают мужики, снимают картузы и, кланяясь, степенно говорят: здравствуй, Набоков. А Набоков бодро им кричит: на хуй, на хуй!

Обзавидовался я такому сну. А ещё приснилось Саше Окуню — на то он и художник — нечто во все несусветное: вдруг вверх по унитазу, крохотными лапками хватаясь ни за что, быстро-быстро вылезла его какашка, припустившись от него по полу в комнату. А Сашка кинулся за ней, но у ка-

кашки распустились маленькие крылышки, и она вольно упорхнула от него в окно. Какой фрейдист не соблазнится это толковать! Однако же сумеет вряд ли.

Будучи натурой необыкновенно творческой, Сашка ухитрился как-то посмотреть сон как раз про зависть. Он ходил по какому-то огромному залу, где выставлены были инсталляции, то есть всякие художественные сооружения его коллег, неизвестных ему. Они были в металле, дереве, пластмассе, главное же — дивные пластические идеи были там безукоризненно созвучны материалу. Сашка восхищался и завидовал так страстно, что проснулся в некоторой депрессии. И вдруг сообразил: ведь это сон, ведь это видел он какие-то свои собственные, по праву полному принадлежащие ему идеи. Тут депрессия его перешла в бурную радость — но ни единой инсталляции уже не смог он вспомнить: сон растворился без следа.

Порой завидую я лёгкости житейской, интересу к жизни, любопытству к людям — это с годами начало иссыхать во мне, — завидую случайным знаниям о чём-нибудь ненужном, ибо знаниям фундаментальным не завидовал я никогда.

Состарясь, вовсе не завидую я молодости. О, я помню это ощущение неприкаянности, страха перед загадочным огромным миром, томительной тоски непонимания, чего именно тебе хочется в этой жизни, тяжкой неуверенности в своих умственных и душевных силах. (Хуже этого — только уверен-

ность в своих умственных и душевных силах.) Скорей наоборот — я старческому безмятежному спокойствию завидовать готов, ибо никак его не обрету.

Я полистал на этот счёт любимый словарь Даля. Там объяснялось, что завидовать — это досадовать на чужую удачу, счастье и (отменное выражение) — «болеть чужим здоровьем». Очень хорошие поговорки выписал я оттуда: «Лучше быть у других в зависти, чем в жалости» и «Завистливое око видит далёко». А поговорка «Берут завидки на чужие пожитки» снова показалась мне ключом не только к Октябрьской революции, но и к потугам самых разных лидеров в сегодняшней России (есть и в Израиле такие) собрать под этим флагом всех обиженных и недополучивших. Даже нечто похожее на тост нашёл я в словаре Даля: «На погибель тому, кто завидует кому!» И не случайно (прочитал я там же) день рождения Касьяна-завистника отмечается лишь раз в четыре года, ибо зависть тесно связана с недоброжелательством (хотя, по-моему, это гораздо худший грех), а «Касьян на что ни глянет — всё вянет».

Тут непременно две истории хочу я рассказать, поскольку сам объектом зависти наверняка являюсь тоже. Даже знаю почему, и тут уместно вспомнить, что часто зависть — благодетельное, очень побуждающее чувство. Ибо если я кому завидую, то я хочу быть таким же, как он. И это часто стимулирует завистника (я потому и научился пры-

гать через парты, хотя чтение газет не одолел). Так вот — завидовал я в ранней молодости тем, кому от жизни было нужно очень мало. То есть людям типа Диогена — только я тогда о нём не знал. Я птичьей лёгкости существования завидовал (уже я вскользь упоминал об этом) — и что же? Я с годами так продвинулся по этому пути, что сам уже служу объектом зависти людей, которые без усталости хотят и жаждут, мучаются и вожделеют.

Однако я отвлекся от обещанных историй. Первая случилась в Киеве, где я по случаю Дня независимости Израиля был приглашён нашим посольством на большой приём. В огромном ресторанном зале было всё роскошно, чинно и красиво. Вдоль столов с напитками и закуской двигались мужчины в смокингах и фраках. То есть были и обычные вечерние костюмы, только мне приятнее настаивать на фраках. А как шикарны были женщины, я говорить не стану, ибо два любимых эпитета (роскошно и шикарно) я уже употребил. Поскольку был в ковбойке я и джинсах, то и пялился на прикинутых мужиков — даже знакомые там выглядели незнакомо. А на меня были похожи только две индуски в их накидках-сари — выделялись они так же, только поприличнее, чем я. В углу меланхолически пиликал специально выписанный из Израиля оркестрик, я поплёлся поздороваться, и каждый из них молча окинул меня взглядом с ног до головы. Я почувствовал себя дома и блаженно ощутил, как мне давно охота выпить. Все двигались по за-

лу (а точнее — перемещались с выдержанной плавностью), держа в левой руке тарелку (рюмка — на тарелке), а в правой — вилку. У меня же в левой руке стремительно оказалась пепельница — мне её почти насильственно всучил официант, неведомо как увидавший, куда я стряхиваю пепел, а рука правая держала сигарету. Я сообразил, как поступить. Рюмку с вилкой сунул я в нагрудный карман ковбойки, вследствие чего спокойно перемещался вдоль столов, по мере надобности вынимая рюмку с вилкой, чтобы выпить-закусить и двигаться дальше. По дороге я встречал знакомых, с ними выпивал, беседуя с присущей мне учтивостью, и сделал уже круга два, перемежая разные закуски и наметив уже лучшие места привала. Тут и подошёл ко мне какой-то человек безумной авантюристичности (если я верно понимаю это слово) и такой дипломатической по виду выделки, что хоть в кино его снимай, учтиво сообщил, что он со мной хотел бы чокнуться, и тихо мне сказал: «А я смотрю на вас и так завидую! Я уже не могу себе этого позволить».

И я ему был очень благодарен, ибо неряшество и безответственность мои он расценил как поэтическую вольность.

А теперь — о некой зависти, вульгарной и настолько непростой, что странно мне писать об этом на компьютере и среди прочих всяческих побед материального мира. Лет несколько тому назад устроена была у нас коллективная ярмарка

с продажей книг и начертанием автографов. Нас было много, пишущих людей, у каждого был столик, и на нём мы бойко торговали своей нетленной продукцией. А у меня только что вышла новая книжка, и возле моего стола люди толпились очень густо. Я надписывал книжки, балагурил со знакомыми и ни о чём не помышлял. Но вдруг... Всё время жалко мне, что я не настоящий писатель, я не в силах отыскать слова, чтобы красиво описать некую острую внезапность. Одним словом, почему-то поднял я голову (надо было бы сказать «повинуясь властному внутреннему чувству») и поймал прямой и жёсткий взгляд глаза в глаза одной из поэтесс — у нас их, слава Богу, дикое количество, и я могу писать спокойно. Глянула — и ладно; я продолжил упоённо свои нехитрые торговые занятия.

А утром обнаружил, что могу разговаривать только хриплым шёпотом — у меня как будто отнялись голосовые связки. Не болело горло, не было ангины, просто разговаривать не мог совсем. Так, еле-еле клекотал. И почему-то из ума не шёл тот ровный и прямой спокойный взгляд. Увы, я материалист, поэтому, когда приятельница мне сказала, что меня, скорее всего, сглазили, я радостно сперва заржал, но вмиг осёкся, снова вспомнив этот взгляд. Конечно, я немедленно пошёл к врачу-специалисту: у меня отнялся орган, коим я зарабатывал себе на хлеб. Давно знакомый отоларинголог, врач с прочной репутацией великого специ-

алиста, осмотрел мне горло, хмыкнул и молча стал писать рецепт. Меня сжигало любопытство.

— А скажите, доктор, — спросил я вкрадчиво и витиевато, — вы представитель очень осязаемой, вполне материалистической медицинской профессии, и как, по-вашему, возможно ли, что это меня сглазили?

— А вас таки и сглазили, — спокойно отозвался доктор. — Больше никаких причин не вижу. Но антибиотики не помешают.

Голос возвратился только дня через четыре, как не больше, и одно выступление пришлось мне отменить. А год спустя я в Питере сидел в гостях у одного художника, где кроме нас ещё паслись, жуируя и благостно журча, две классические питерские старушки. Почему-то речь зашла о разных таинственностях, и я по случаю рассказал, как меня сглазили. Ни имени, ни цеховой причастности я не упоминал, но одна из старушек мне спокойно и обыденно сказала:

— О Господи, так это же вас сглазила... — и в точности назвала имя. — За ней давненько это водится, — добавила она и, даже не спросив у меня подтверждения, продолжила какую-то историю.

Вот какая дикая энергия содержится порой в вульгарной зависти. И не исключено, что, будучи направлена вовнутрь, эта энергия способна человека подтолкнуть на дивное развитие себя в том направлении, где далеко маячит тот, кто зависть вызвал.

У поэта Саши Аронова (ему довольно много лет, но я-то его знаю ещё Сашей) был в незапамятные годы нашей юности один рассказ — о зависти как раз, а если точным быть — о кругообороте зависти в природе. Ничего точнее я не слышал никогда, и потому перескажу его, как помню, близко к тексту.

Если бы я был прозаик, начинался тот рассказ, я написал бы, как мальчик любит девочку. Но девочка не любит мальчика, она влюблена по уши в студента-первокурсника Литературного института. Он весь из себя умный и начитанный, он пишет прозу, и в одном журнале обещали его скоро напечатать. Только не сказали, когда именно, но девочку и это восхищает. А влюблённый мальчик, жгучую испытывая неприязнь и зависть к этому сопернику-удачнику, пришёл в Литературный институт, чтоб лично посмотреть, каков он из себя и чем прельстил ту девочку. И вот стоит тот мальчик во дворе, конца занятий ожидая, и от нечего делать разговаривает с симпатичным дворником, ему доверчиво открывшись неожиданно для самого себя. А студент ничего не знает о терзаниях мальчика, у него свои душевные занозы. Он сидит на лекции, не слыша ничего, и думает о том, как хорошо бы так писать, как это делает Эрих Ремарк. Чтоб так же мужественно, твёрдо и с такой же красотой характеров. А между тем Эрих Ремарк и знать не знает о терзаниях студента. Эрих Ремарк ходит по своей вилле в Швейцарии и тоскливо ду-

мает, что он, конечно, много написал и кое-что сумел сказать о женщинах, мужчинах и войне. Но как хотел бы он писать с такой же лаконичностью, как это делает Эрнест Хемингуэй! И чтоб за этой краткостью такая же таилась глубина, которую всё время ощущаешь до озноба. А между тем Эрнест Хемингуэй и знать не знает, что в Европе где-то есть прозаик, полный мучительной и острой зависти к тому, что делает Хемингуэй. Своя сейчас душевная изжога прихватила Эрнеста Хемингуэя: только что он прочитал некоего российского писателя Андрея Платонова. Сквозь все несовершенства перевода проглядывало нечто удивительное: два-три слова, связанные неожиданно и точно, раскрывали столь укромные узлы устройства мира и людей, что оставалось лишь руками развести, как это смог нащупать человек. А между тем Андрей Платонов знать не знал о восхищённой растерянности Хемингуэя. Он вышел из своей пристройки во дворе Литературного института, где он жил, работая там дворником (замечу в скобках, что легенда эта до сих пор бытует в общей памяти), и встретил мальчика, влюблённого настолько, что приятно было, хоть и больно вместе с тем, его сейчас расспрашивать о мучающей его печали. Больно потому, что, глядя на мальчика, Андрей Платонов думал грустно и завистливо, как обаятелен у молодости тот избыток вещества жизни (его любимое выражение), которое с годами испаряется бесследно и необратимо. Не дождавшись появле-

ния студента, мальчик попрощался с незнакомцем и ушёл, с собою унося свою счастливую и тягостную горечь. А Платонов с горечью и завистью смотрел ему вслед.

Потом этот сюжет повсюду стали пересказывать, он стал фольклором, безупречную очерченность от устных изложений потерял, и выдохлось благоухание придумки. Лучшего на тему зависти я не читал.

Извечно и повсюдно в человеках существует и бурлит, гуляя, это свойство. Сам Господь, по всей видимости, вложил его в нас не то с какой-то целью, не то по недосмотру (а вложенное Богом и не может быть грехом!). Во всяком случае, напутствуя евреев на горе Синай, наш Создатель говорил как раз о зависти: «Не желай жены ближнего своего, ни раба его, ни рабыни его, ни быка его, ни осла его, ничего, что есть у ближнего твоего». Позднее эти же слова с такой же безуспешностью говорил своей пастве Иисус Христос. Вообще, если вдуматься и присмотреться, многие христианские идеи — чистое и неприкрытое утешение завистников. Как обещание, к примеру, что в загробной жизни «последние станут первыми».

А если я завидую (притом до такой степени, что меня раздражает их существование) — людям чистым, бескорыстным, неподкупным и отважным? Людям святым на фоне тех, среди которых я живу как свой среди своих. Что я могу поделать с этим? Так наверняка завидовали Сахарову его коллеги.

Можно даже завидовать качеству дураков из соседней деревни — есть об этом грустная российская пословица: «У людей дураки — любо каки, а у нас дураки — вона каки!» И тогда обретает наша зависть планетарный, межгосударственный характер.

Короче говоря, совсем напрасно числится грехом то, что причиняет человеку жгучее и неизбывное страдание. А также служит стимулом для улучшения себя. Я лично как завистник был, так им останусь. И когда у нас на пьянках начинают хором петь советские или блатные песни, помирая я от зависти ко всем, кто правильно мелодию выводит. Обделил меня Господь и голосом, и слухом, только петь я обожаю всё равно и с дикой страстью это делаю. А рядом, к неизбывной зависти моей, не только с безупречностью поют, но кто-нибудь ещё гитару дивно щиплет или безошибочно стучит по клавишам. За что же их Творец так выделил, а про меня забыл? И чувство этой дьявольской несправедливости никак не назовёшь греховным.

О ВЫСОКОЙ ПОЛЬЗЕ НИЗКОЙ СТРАСТИ

Давно уже я знаю, как полезно писать книги: в это время сам ужасно много узнаёшь. Так, например, я всегда думал, что алчность — это стяжательство, накопительство, приобретение и вожделение к нему, острая страсть к приумножению того, что це-

нишь в этой жизни. То есть, короче говоря, некий могучий хватательный и поглотительный азарт. А жадность, думал я, она подобна скупости — болезненному нежеланию расстаться даже с малой частью того, что ты имеешь. Нет, нет, я понимал и чувствовал, что можно с жадностью хотеть чего-то, жадно устремляться к чему-то, но сильнее всё же в этом слове было для меня охранительное, удержательное звучание. И очень удивился я, у Даля прочитав, что жадный — это жаждущий, сильно хотящий (и не только пить, разумеется), буквально жаждный, только букву по дороге потерявший. То есть тоже алчный. Слово «жадность», таким образом, соединило неразрывно алчность со скупостью, и смертный грех включает оба эти свойства.

Я о скупости писать намерен мало, потому что это свойство мало интересно. Сам я скуп до чрезвычайности (чуть ниже объяснюсь, поскольку речь идёт не о финансах), да плюс ещё сказала как-то одна женщина, что мужика можно любить любого — даже не меняющего носки, усугубила она, только скупого невозможно полюбить. И алчен я невероятно всю жизнь, и алчность кажется мне интереснейшим и очень плодотворным нашим свойством, как бы мы ни осуждали её в людях и каким бы смертным грехом она ни числилась.

А наше многовековое заблуждение — оно ведь просто от того, что алчность неразрывно связана у нас с деньгами. Всё очень непросто даже в этой

узкой области. Когда-то я любил в ответ на мелком брошенный пустой вопрос, как мои дела, ответить так же мелком, что делаю второй миллион. Тут собеседник застывал и делал круглые глаза, а я охотно пояснял, что делал первый, ничего не вышло, и теперь я делаю второй. Эта незамысловатая шутка помогла мне понять одного моего приятеля, который миллионер и в самом деле, но не устаёт приумножать свой совершенно ему не нужный для безбедной жизни капитал (он очень скромный и непритязательный к быту человек). Я ощутил и понял вдруг, что деньги — это просто фишки, знаки его жизненного успеха, он играет, и азарт его — не накопительский, а игровой. Согласитесь, тут просвечивает алчность некоего иного рода, пушкинским скупым рыцарем тут и не пахнет.

А человек, алчный к чинам и наградам за усердие, смешон и жалок настолько, что просто глупо тратить на него и время, и бумагу. Что же касается вообще карьерной алчности, то я весьма сочувственно к ней отношусь: в ней часто выражен азарт способности, Божьего дара, который жаждет возможности себя реализовать и воплотить. Ещё и потому с большим сочувствием (и состраданием) я отношусь к подобной жажде, что заметил кто-то очень пронизательно: «Если с усердием работать восемь часов в день, то можно выбиться в начальники и работать уже двенадцать часов в день».

А если вовсе нам отвлечься от любой корысти и наживы, то чистейшим примером алчного стяжательства предстанет яростная коллекционерская страсть. Она владеет мною много лет, и я не вижу в ней греха, а то, что кто-то за моей спиной выразительно покручивает пальцем у виска, меня волнует мало. Да, это пагубная и трудно объяснимая болезнь, поскольку люди коллекционируют что ни попадя. Открытки, значки, плакаты, марки, чашки, штопоры, карандаши, спичечные и чайные этикетки, письма и телефонные карточки. Ключи, замки, цитаты, необъяснимые случаи, анекдоты, папиросные и сигаретные пачки, пуговицы, камни, афоризмы. Книжки, зажигалки, мундштуки, гравюры, всякую посуду, утварь, живопись, часы, брелки и мебель. Я даже знал коллекционера мелких надгробных памятников. И за время путешествия по жизни много в этом смысле повидал.

Помню, много лет назад большой компанией мы пили водку у одного моего приятеля, впоследствии известного поэта. В ту пору он собирал верблюдов — уж не знаю, как сейчас. Плюшевые, резиновые, целлулоидные, бронзовые, деревянные, железные; все до единого с горбами — по крайней мере одним — и с надменно вытянутыми мордами, они высокомерно смотрели со шкафа, толпились на рояле и полках, теснили бумаги на столе. Верблюдов тогда было сорок два — приятель покупал их, выменивал, воровал. В несколько знакомых семей его уже не приглашали — хозяева

входили в момент, когда он ловко и профессионально засовывал под пиджак очередной экспонат. Друзья привозили ему верблюдов из туристических поездок, отказываясь во имя дружбы от заграничных авторучек, ибо нищим было их количество валюты. Один огромный верблюд из чугуна стоял отдельно — его отлили на каком-то заводе, где приятель завывал свои стихи. («Что бы вы хотели в подарок на память о нашем предприятии?» — неосторожно спросил его директор завода. «Верблюда», — не задумываясь ответил маньяк. И верблюда отлили. «Поэт», — восторженно сказала секретарша. «Идиот», — ответил председатель профсоюза.) В квартиры, где замечены были верблюды, он посылал тайных агентов, и коллекция неуклонно пополнялась. При слове «верблюд» он вздрагивал и начинал нервничать. Было также известно, что он ухаживает одновременно за двумя девицами — владелицами уникальных верблюдов, вырезанных в Туве из камня. Но девицы понимали его замысел превратно и перед свиданием вожделенно предавались косметике.

Так вот, мы у него сидели, выпивая, и одна из женщин, посмотрев на верблюдов, сказала:

— Знаете, вспомнила смешной случай. У нас в институте заспорили два биолога о нашей замечательной эпохе, и один другому сказал, что ничем при случае не докажешь, если вдруг понадобится, что ты не верблюд. А второй промолчал, но, уходя, гордо шепнул мне, что у него в домоуправ-

лении — приятельница. Назавтра он принёс справку, где чёрным по белому и с печатью удостоверялось, что податель справки — «не верблюд, а старший научный сотрудник». Он во вчерашнем споре защищал точку зрения, что всё у нас доступно человеку, надо только знать и уметь. И выиграл, как видите. Правда, забавно?

Мы все засмеялись и загомонили, а один из гостей, солидный сорокалетний инженер, вдруг заволновался и суетливо задвигал кадыком — так собака делает глотательные движения при виде или запахе еды.

— А нельзя ли достать или приобрести эту справку? — искательно заглядывая в глаза, спросил он у рассказчицы. Было совершенно очевидно, что будь у него хвост, он бы им сейчас вильнул.

— Зачем она вам? — удивились услышавшие.

— Я собираю справки, — сказал он печально и возвышенно, — у меня их уже восемьдесят шесть, и среди них есть уникальные.

О, это был настоящий собиратель! Он не повеял обещанию и на всякий случай ушёл провожать рассказчицу о верблюжьей справке. Он уважительно держал её под руку мёртвой хваткой и обольстительно скалился широкой эмалированной улыбкой.

Я в те годы много ездил по просторам советской империи в качестве инженера-наладчика. Уже писал статейки в научно-популярные журналы, всюду находились разные интересные люди, новые

знакомые мне помогали их обнаруживать. И как-то в Красноярске (или в Кемерове? — я сейчас доподлинно не помню) посоветовали повидать известного в городе врача-коллекционера.

На нажатие кнопки откликнулся звонок где-то в глубине квартиры, слышались шаркающие шаги, подозрительное «Кто там?», бдительный расспрос, и один за другим издали железный шорох четыре засова. Сухонький старик небольшого роста по второму разу вызнал, кто меня прислал, и усадил за стол.

— Вас интересует моя коллекция книг по медицине? — снова обеспокоенно удостоверился он. Я подтвердил и показал ему свою журналистскую бумажку. Это было с очевидностью необходимо.

Четыре тысячи книг на восьми языках (сам он знал только один) и несколько тысяч газетно-журнальных вырезок. Но главная научная ценность коллекции, сказал он мне, затаённо и самодовольно улыбаясь, совсем не в книгах, а в листочках, вложенных в каждую из них. На листочке коротко написаны его мысли по поводу изложенного в книге медицинского материала. Я проглотил вопрос о том, как он читает книги на незнакомых языках, и присмотрелся к старику внимательней. Коллекцию уже многократно пытались у него украсть, сказал он (и вздрогнул), но главное, что очень часто он читает в разных журналах цитаты из написанного им на листках — без ссылки на него (и горестно вздохнул). Поэтому он с некоторых пор на всякий

случай держит эти книги и вырезки в больших мешках в подвале, а ключи носит с собой, не расставаясь. Но цитирование продолжается.

В тот же день вечером я пил водку с его сотрудниками по больнице. Да, сказали они мне, они всё знают и понимают, но старик — по-прежнему отменный врач, удивительной проницательности диагност, и мания его носит чисто домашний характер. И от них же я тогда услышал, что такое следствие собирательства — давно описанная в специальной литературе печальность. Так, был известен коллекционер старинного венецианского стекла, который много лет стоял, отказываясь сесть, а спал лишь на боку, часто и тревожно просыпаясь. Он уверял, что та часть тела, на которой сидят, сделана у него из тончайшего и хрупкого стекла, и тщательно берёт этот ценнейший экспонат его коллекции.

Повсюду есть маньяки, одержимые этим высоким видом алчности. Довольно часто это пахнет патологией. Так, один богатый американский врач совсем ещё недавно мотался по всему свету, коллекционируя фотографии смертных казней. На момент, когда о нём написали, у него уже было шесть тысяч снимков. Он уверял, что цель его научна и что некое исследование он ещё напишет. По сравнению с ним тридцать две тысячи пуговиц, собранные каким-то одержимым из Женевы, — более пристойная коллекция. А двести тысяч оловянных солдатиков, собранных неким гу-

сарским полковником в Вене? А шестнадцать тысяч спичечных коробков, как-то раз представленных в Стокгольме на выставке? А верёвки с висельников? — была и такая коллекция. Англичанин-собиратель точно знал и скрупулёзно помечал свой каждый экспонат: бунтовщики, злодеи, самоубийцы, политические преступники, даже собаки, которых некогда вешали рядом с хозяином для пущего поношения. Есть даже коллекция самых скучных в мире книг. Восемь тысяч шестьсот томов собрал один итальянец к тому дню, когда выяснилось, что в его коллекции есть книги, только что расхваленные критикой. Их автор вызвал коллекционера на дуэль. Но как-то всё уладилось, однако собиратель перестал свою коллекцию показывать, и неизвестно потому, какое у него сейчас собрание экспонатов.

Читая о немыслимом разнообразии коллекционного безумия (зубы и клочки волос известных людей, засушенные цветы с их могил вкупе с билетами на последнее выступление, куски прижитенной одежды этих же несчастных), я наткнулся на парижского корректора, который тридцать лет собирал в рукописях орфографические ошибки знаменитых литераторов своей эпохи. И немедля вспомнил с радостью, что знал такого же — только на очень советский манер — ценителя чужих ошибок. Уже много лет прошло, и я не помню имени того скорее средних лет, чем пожилого, очень высохшего, словно был точим он язвой, че-

ловека с похотливой суетливостью в движениях. Не помню, как и почему к нему попал (по-моему, он дома торговал редкими книгами), но он ко мне расположился, и я увидел множество листков, исписанных мелким бисерным почерком и аккуратно нумерованных. А устный его текст я накрепко тогда запомнил, потому что года два спустя его воспроизвёл в книжке об изучении мозга.

— Вот, прошу, тут говорится о картине Сурикова «Покорение Сибири». Казаки на ней стреляют из кремнёвых ружей, а такие появились только на сто лет позднее! Тогда были только фитильные. Промашечку дал великий русский художник, ан уже не исправишь. Или возьмите вот: революционные матросики в восемнадцатом году поднимают в кинофильме флаг с серпом и молотом. Но тогда было просто красное полотнище! К регалиям и символам надо относиться внимательно!

Мне сначала очень понравились обильные знания этого высохшего полустаричка, но что-то неприятно настораживало в его ласково-жадной интонации. А он продолжал:

— В романе Толстого «Князь Серебряный» кидают пригоршни золота, а его тогда в ходу и обращении не было, были только серебряные копейки! Но это классики, до них с поправочкой не дотянешься. А вот заметили: в фильме «Секретарь райкома» девушка преследует врага и всё время стреляет в него из нагана? А ведь в нагане всего семь

пуль, и его на бегу не перезарядишь! Что же подумает зритель о секретаре райкома, если в фильме такая неурядица?

Я ушёл от него с чувством смутной тревоги, и мои опасения были подтверждены знающими людьми: не просто собиратель этот выуживал ошибки, но и доносил об этом по инстанции. По счастью, у него была устойчивая репутация свихнувшегося, так что о последствиях никто не слышал.

Я упомянул уже о книжке, в те года написанной, а в ней я застолбил (поскольку сам же сформулировал) три основных закона, по которым протекает эта высокая маниакальная болезнь.

Закон первейший: главное в коллекции — её показывать и о ней упоминать. Конечно, мне немедленно напомнят о владельцах редкостных икон и картин, которые прячут свои сокровища в солидных банках и иных хранилищах, где сами их не видят тоже. Это никакие не коллекционеры, это собиратели денег и всего, что может быть на деньги переведено, мне о таких противно даже говорить, ибо они лишают человечество возможности видеть дивные произведения искусства, которым (что немаловажно) тоже вредно это рабство в темноте — уже давно выяснено, как портятся полотна без восхищённых и любовных взглядов. А настоящий коллекционер навязывает всем ту чушь, которую он собирает, ибо без показа и подпитки своего хвастливого тщеславия ничего не соберёшь. Я это знаю по себе, и возражения напрасны.

Закон второй и тоже основной: единственная цель коллекции — приумножение её, покуда теплится жизнь. А поскольку обозначена цель, она сама собой оправдывает средства — этот афоризм, как ясно теперь каждому, придумали не древние тираны, а тихие любвеобильные собиратели. Поэтому с такой опаской приглашают коллекционеров в те дома, где есть предметы их страсти.

И, наконец, третий — печальный, но существующий закон: чем интеллектуальней коллекция, тем реже хозяин пользуется ей. Не верите? Но посмотрите, как ежевечерне ласкает свои монеты нумизмат или поглаживает ракушки фанатик этих форм — а библиофила вы когда-нибудь заставляли за чтением? Он бегаёт по букинистам или сидит у приятелей, выманивая редкую книжку: «Только на почитать, честное слово, верну завтра».

Алчную и неутолимую манию собирательства некогда точно и пронизательно описал великий физиолог Павлов. Он ввёл понятие рефлекса цели — могучего инстинкта, от рождения присущего человеку. Рефлекс, или инстинкт цели, — это, по Павлову, «стремление к обладанию определённым раздражающим предметом, понимая и обладание, и предмет в широком смысле слова». Такое стремление к цели движет и математиком при решении сложной задачи, и геологом при обследовании новых мест, и историком при объяснении белых пятен прошлого. Инстинкт цели — постоянный спутник жизни каждого человека, могучая

побуждающая сила любого творчества и познания, любых дел и самого существования.

Павлов писал, что инстинкт цели во всех его проявлениях весьма сродни общему для всего живого пищевому инстинкту. Павлов называл его «главным хватательным рефлексом». У коллекционной страсти тоже есть ярко выраженные хватательные проявления — именно поэтому музейные экспонаты охраняются стеклом, креплениями и бдительными старушками, которые спят, но помнят: коллекционер не дремлет.

О, какие были в моё время эти старушки! Я одну из Эрмитажа помню до сих пор. Я как-то к ней раза четыре с перерывом в полчаса подходил, чтобы спросить одно и то же: как пройти к импрессионистам? И она мне царственно отвечала: «Вам Францию? За Египтом налево!»

Павлов справедливо отметил совпадение периодичности коллекционного инстинкта с пищевым: после очередного получения или захвата (пищи или экспоната) наступает временное успокоение или равнодушие. А потом оба инстинкта властно побуждают к действию. Тогда — остерегитесь те, кто может помешать! В конце прошлого (уже позапрошлого) века в Париже был убит известный коллекционер экзотических марок. Врагов у него не было, богатства — тоже. Проницательный сыщик (сам тоже собиратель) обнаружил только исчезновение из коллекции одной чрезвычайно редкой марки Гавайских островов. И тут же убийца

(коллекционер, тишайший и добрейший человек) был схвачен и избит. Он даже не особо отпирался: я без этой марки не мог жить, уныло сказал он, что мне оставалось делать?

Когда мы только начали говорить о нашем алчном и неукротимом хотении («понимая и обладание, и предмет в широком смысле слова»), в каждом шевельнулись наверняка и всякие сексуальные ассоциации. Конечно! И хрестоматийная всплывает сразу в памяти фигура Дон Жуана. Но только вот что: есть у Чапека рассказ, как некий католический аббат был вызван в некую гостиницу, чтобы дать последнее отпущение грехов умирающему Дон Жуану. Аббат настолько был поражён и огорошен, что, выйдя из комнаты, нарушил тайну исповеди, рассказав услышанное им от знаменитого прелюбодея. Оказалось, что великий бабник был всю жизнь импотентом. К женщинам его влекло неудержимо, но, добившись близости, он вынужден был эту женщину покидать, ища другую, чтобы вновь исчезнуть.

Помню, как я с восхищением рассказывал этот сюжет одному приятелю, но он был циник и мне холодно ответил, что сам Чапек сочинил эту идею просто из банальной зависти. Я наскоро унял восторг, боясь быть заподозренным в том же низком чувстве. Только и до сих пор мне слегка подозрительно чисто спортивное азартное любвеобилие. Хотя и тут не осуждаю я ничуть неутолимую и неиссякаемую жажду.

Только что в немецком городе Карлсруэ видел я коллекцию из более чем трёх тысяч водочных бутылок. Её владелец, почтенный математик по профессии, узнавши, что в России Горбачёв устроил чуть ли не сухой закон, воскликнул, что он должен спасти от забвения русскую водку, и принялся приобретать бутылки. А потом увлёкся, начал собирать все водки вообще — и ныне его коллекция занесена в Книгу рекордов Гиннеса, я лично видел диплом.

А в Барселоне — поразительный музей одной коллекции. Скульптор Фредерик Маркес был занят собирательством всю жизнь и всё отдал родному городу. Его коллекция заняла весь огромный королевский дворец. Но если на первых двух этажах — собрание произведений искусства, то на третьем — подлинный апофеоз описываемой нами страсти. Это так и называется — «Музео сентиментал», и не надо никакого перевода. Там собраны подвязки и заколки, украшения и гребни, веера и зонтики, пряжки от ремней и женских поясов, сами ремни и пояса, старые ручки и портсигары, трости и очки, бинокли, фотоаппараты, брелки для ключей и флакончики из-под косметики. Всего не перечислю я — это коллекция, в которой удивительно представлен быт нескольких эпох и поколений. Всё это бесценно — и не только потому, что ничего не стоит, а потому, что этому действительно нет цены — это кусок истории цивилизации.

Осколки старых чашек, пробки из-под выпитых в хорошей ситуации бутылок, разновидности горных, лесных и домовых эхо, записи различной тишины, стихи бездарностей, идиотические объявления, засвеченные негативы красивых видов — только человек способен собирать такие коллекции. И он усердно собирает их. Но позвольте... Тогда это поразительно напоминает — далее отрывок из книги старого российского психиатра Малиновского:

«...Взглянем на того ограниченно помешанного старика, который собрал груду камней, обломков и черепков; видите, он обдувает, чистит и сторожит их; если выходит из комнаты, то с величайшим беспокойством прячет их, озираясь во все стороны, чтобы никто не увидел; торопится возвратиться в комнату и, возвратившись, опять бежит к своей грудке камней и черепков, пересчитывает их, руки его при этом занятии трясутся; когда гуляет он, то подбирает лоскутки и обрывки тряпок, клочки бумаги, небольшие обломки фарфора, и всё это приносит с собой, и опять собирает новую грудку камней и обломков и куски тряпок...»

Перечитав это прекрасное описание, я представил себе разъярённые лица сотен тысяч коллекционеров и испуганно зажмурился. Но не спешите, не спешите бросать в автора камни: автор — тоже коллекционер, тоже маньяк-собиратель, тоже простодушно уверен в познавательной ценности и жгучей интересности его собрания. И многократно

из-за этого подмачивал свою и без того запятнанную репутацию.

Уже во многих городах различных стран туземные интеллигенты чуть отодвигались от меня, когда в ответ на их изысканный вопрос, какой музей или шедевр архитектуры предпочёл бы посетить я завтра, слышали в ответ лаконичное: «А блошинный рынок у вас есть?» Ибо на этих барахолках, где торгуют всяким мусором, я нахожу предметы моей страсти. Именно они живут у нас на разных полках, составляя странное собрание: пепельницы всех мастей, фигурки всякие из дерева, металла и керамики, колокольчики, кораблики, утратившая назначение мелкая утварь типа чайника или кадилницы, мне всё не перечислить. Я брожу по рынку не крутой охотничьей походкой, на устах моих — блаженная улыбка: сколько тут всего ненужного! И вдруг на мелочи какой-то ясно понимаю: я хочу с ней жить. И я её везу домой. И лишь жена моя, которая стирает со всего этого пыль, меня, похоже, понимает — я ни слова осуждения не слышу от неё, хотя не слышу и восторгов, распаковывая очередное счастье. А насколько делаюсь я скуп, если приходится случайно что-нибудь дарить, — это представить себе трудно. Интересно, что при этом я испытываю стыд, но он несколько не мешает мне мучиться от расставания с ненужной дребеденью. Как я злюсь и негодую, позже свой подарок видя в знакомом доме, как жалею я, что проявил неосмотрительность и расточитель-

ную, свихнутую щедрость! Только поздно, поздно, вся надежда теперь — на какую-нибудь предстоящую поездку. И смешны мне те, кто думает, что еду я за славой, за успехом, заработком или, прости Господи, за творческой возможностью повыть мои стишки публично. Я алчен и неистов в моей мусорной страсти, и, возможно, это грех, зато какую бляху для ремня (модель старинного автомобиля грузового) я привёз последний раз с гастролей по Америке! И никому её не подарю.

А если алчность — в самом деле смертный грех, то и повинен в нём не я, а только Тот, кто ниспослал мне эту гибельную страсть — совместно, кстати, с остальными пагубными склонностями.

ОСТУДИСЬ ВО ГНЕВЕ

Признаться честно, я никак не мог понять, почему такое естественное и чуть ли не ежедневное для нас состояние причислено к настолько пагубной и страшной категории, как смертный грех. Надеялись церковные мыслители, быть может, Божьим страхом как-нибудь укоротить повсюдное рукоприкладство? Только это вряд ли помогало.

У гнева довольно много синонимов — таких как возмущение, ярость, негодование, бешенство, раздражение и вообще всяческое серчание в особо крупных размерах. Всё это не проясняло картину. В словаре Даля я прочёл красивые формули-

ровки — «страстная, порывистая досада» и «запальчивый порыв», и тут же содержалось ключевое слово — «озлобление». Всё как бы стало на свои места и прояснилось: занесение гнева в смертные грехи диктовалось (по всей видимости) желанием ввести в какие-то берега и рамки вековечную человеческую злобу. Я до обсуждения крайних выплесков этого чувства ещё дойду, а пока что лучше нам поговорить о гневе общечеловеческого, как бы бытового свойства. Сам я столько раз бывал объектом гнева самых разных людей и целых коллективов (так я мягко назову блюстителей советской власти), что мне даже интересно это обсудить. Тем более что я действительно бывал виновен, а модель моего провокативного поведения была всегда одна и та же. Мне её нетрудно изложить на простенькой истории былой.

В компании у нас как-то завёлся один приятель, вздумавший построить себе дачу общественным способом: купил себе он дом в разобранном состоянии, а эти доски и брёвна складывал, по воскресеньям собираясь, наш весёлый коллектив. Как мы при этом выпивали, одновременно легко и трудно себе представить, ибо некая была запасена огромная канистра дивного армянского коньяка. Кроме того, на свежем воздухе, в пагубном и освежительном отрыве от семьи — ну, словом, были праздником эти трудовые воскресники. А собирались мы с утра на некой дачной платформе, где в ожидании электрички начинали выпивать по первой. Как-то

раз на этой же платформе оказался очень симпатичного облика старичок с огромной удочкой — он ехал на рыбалку и был полон благодушия. Я с ним заговорил о видах на клёв и о различных способах привлечения рыбы на крючок. А так как я заведомо об этом ничего не знал, то вся компания сгрудилась вокруг, нетерпеливо ожидая выяснения, к чему завёл я этот разговор. А что его завёл я неспроста, все понимали, зная пакостность моей натуры. Старичок перечислял различные наживки, я уважительно подбрёхивал ему, а, улучив момент, легко и вкрадчиво сказал, что рыба всё-таки лучше всего ловится на жёваное гавно. Через секунду я уже бежал по платформе, петляя, как опытный заяц, а меня по спине и шее охаживала гибкая удочка расшви-репевшего старичка.

Вот эта, в сущности, несложная модель навлечения на себя гнева как отдельных, повторяю, людей, так и целых коллективов сопровождала всю мою жизнь, загубленную невоздержанным языком.

Гнев, как известно, удесятеряет силы. Механизмы этого явления уже изучены наукой биохимией (огромный выброс в кровь различных активизирующих веществ) и много раз описаны в литературе. Помните, у Чапека есть замечательный рассказ о полицейском вахмистре, который допрашивает нахулиганившего парня? Увидев, как на том аж берегу реки владелец сада бьёт мальчишку, воровавшего черешню, парень ухватил огромный камень и метнул его, попавши в голову садовладельца. Ору-

жие преступления валялось тут же, и вахмистр вдруг понял, что бросок такого камня на такое расстояние был мировым рекордом по метанию. Тогда этот затейливый и любопытный полицейский дал парню камень того же веса и велел его кинуть. Камень вяло плюхнулся на середине реки.

— Что же ты? — вскричал раздосадованный вахмистр. И парень ответил ему фразой, чрезвычайно важной для нашей темы:

— Пусть он там станет, и я снова попаду, — сказал он.

Вот что делает с человеком приступ необузданного гнева. Нет числа подобным случаям. Из бедага, что эту силу проявили, убив или покалечив человека (чаще всего — близкого), и отбывают срок в российских лагерях, сделали это в девяти случаях из десяти по пьяному делу. Или по такой дремучей душевной темноте, что это обсуждать неинтересно. Хотя я знал такого одного и очень светлого парня.

Я когда в Сибири в ссылке прохлаждался, у нас в бригаде работал очень молодой Алёша — чуть за двадцать ему было, и уже он некий срок оттянул в лагере для несовершеннолетних преступников. А по сравнению с людьми, прошедшими эту «малолетку», хищные рыбы пираньи — просто мелкие караси. Но наш Алёша был парнем тишайшим и невероятного душевного доброжелательства. Я как-то не спрашивал, за что он тянет срок, — это не очень принято в такой среде, — ко мне же

относился он с почтением и чуть ли не с любовью, непрерывно задавая всякие вопросы, ибо любопытен был и явно теплились какие-то неясные способности. И как-то нас оставили вдвоём, чтоб охранять наше нехитрое рабочее имущество (кирки там были, топоры, лопаты и ломы — мы ставили столбы электросети), мы немедленно засели с ним за шахматы. Игрок он был сильнее меня намного (что нетрудно), и я то и дело брал ходы назад и перехаживал. Он милостиво соглашался всякий раз. И вот, держа уже в руках фигуру, чтобы изменить оплошно сделанный ход, я его спросил, по какой статье он чалится.

— А за убийство, Мироныч, — добродушно ответил он. — Сто вторая умышленная у меня статья. Я дружка своего замочил на глушняк.

— По пьяни, что ли? — привычно спросил я.

— Нет, мы ни капельки не пили, — сказал Алёша. — Мы с ним в шахматы играли. На стене ружьё его отца висело, вот оно меня и подвело. А он ходы обратно всё берёт и берёт. Пойдёт сначала, как осёл, а потом перехаживает. Ну, я чего-то и не выдержал.

Фигура у меня в руке заметно потяжелела. Даже не косясь на кучу нашего острого рабочего инвентаря, я вдруг почувствовал его присутствие.

— Раздумал я, Алёша, — сказал я бодро и непринуждённо, — раз пошёл, так и пошёл. Твой ход.

И мы продолжили игру, куря и обсуждая нашу жизнь. Она была прекрасна, но удивительна. Алё-

ша таял от восхищения, когда я в задумчивости повторял двестише, которое, по всей видимости, было для него первой встречей с поэзией:

Люди женятся, ебутся,
а нам не во что обуться.

Я этот стишок мурлыкал, тщательно обдумывая позицию, а ходы назад больше не брал.

Гнев, застилающий глаза и разум белой пеленой, чудовищное раздражение, как это ни смешно, нас постигает часто в мирных поначалу спорах и является, научно говоря (прошу прощения за эрудицию), кипящим следствием недостатка информации, то есть того увесистого камня, который мы швырнули бы в несогласного с нами оппонента (экий остолоп, упрямый и слепой, а ещё профессор и мыслитель!), но никак не можем этот камень отыскать. И злоба нас охватывает жуткая — вполне возможно, что объявлен был когда-то гнев смертным грехом в эпоху ожесточённых философских дискуссий на религиозные и прочие душеспасительные темы. Спорщики могли тогда так воспаляться (аргументов нет и посейчас), что надо было их заведомо хоть как-то оградить от неминуемого в ярости смертоубийства. Или потасовки, на худой конец, которая учёным людям не пристала.

То же самое — в семейных несогласиях. Ведь самое счастливое, безоблачное самое супружество никак не обходится без раздражённых споров,

и убеждены в своей полнейшей правоте обычно обе стороны. И обе — справедливо. Тут они и взрывы гнева. А Отелло с Дездемоной или Иван Грозный с бедным сыном — только случаи крайние и всем известные. А моя бабушка Люба так умела укрощать свой гнев (а видит Бог, по отношению ко мне всегда бывал он справедлив), что ежели она мне тихо говорила: «Гаринька, хороший мальчик, чтоб ты был здоров!», то я обычно понимал, какая буря клокотала в ней, и даже иногда задумывался. Правда, ненадолго.

А гневны коллектива, общества, толпы исследуются уже много лет и социологами, и психологами, даже психиатрами, поскольку очень уж известны и значительны последствия такого коллективного умоисступления. Особенно если его организуют. Часто гнев этот бывает праведным («Пусть ярость благородная вскипает, как волна, — идёт война народная, священная война»), однако же бесчисленны примеры и науськанной, искусно взбудораженной ненависти. Она невероятно сплачивает коллектив; нужна теперь лишь искра. И тогда все дружно забывают о греховности порыва, а после чувство странного как бы похмелья властно и гнетуще охватывает участников. Разумеется, не всех, а только тех, которые продвинулись чуть далее на том пути превращения в человека, что ещё проходит всё человечество.

Тут пора бы вспомнить и о гневe Божьем. Я в этих делах осведомлён довольно мало и скеп-

тически, признаться, отношусь к уверенности большинства в заведомой и несомненной праведности гнева, проявляемого изредка Творцом. Покуда в мире было многобожие, то всяческие жители Олимпа чёрт-те что выделывали и со смертными, и даже друг с другом. Мы теперь об этом снисходительно читаем в разных древних мифах и легендах. А вот Бог единый мог бы и посдержаннее быть. Я не про Содом с Гоморрой и не про всемирный потоп хочу сказать — тут дело давнее, не удержался, так бывает с каждым, — а про всякое другое, ибо гнев Господень так обилен и глобален, что в его раскаты сплошь и рядом попадают люди, не повинные ничуть, — об этом Он не знать не может.

Гнев, который усмирён, который сдержан был и взнуздан, гнев, который не был вымещен, — тот часто не уходит никуда и сладостно питает жажду мести. В пушкинской «Полтаве» замечательное есть об этом место. Ведь Мазепа изменил Петру совсем не из высоких государственных соображений, а как раз пылая затаённым гневом. На некой давней попойке Пётр в ответ на дерзкие какие-то слова схватил Мазепу за усы и потрепал, учиня позор и назидание. Мазепа же — «смирясь в бессильном гневе» — затаился и смолчал, но не забыл. «Давно горю стеснённой злобой», — объясняет он свою измену. Столько всякого об этом и таком же в мировой литературе понаписано, что я бы останавливаться более не стал, не знай я некую благо-

уханную историю о долгожданной мести. Мне её, конечно, рассказала моя тёща.

Это было много-много лет тому назад. Девочке Лиде шёл тогда десятый год, и дивно грустные стихи она писала и одни даже запомнила:

Тревога тайная на душу мне легла
тяжёлым бархатом былых воспоминаний.

А училась она в третьем классе. И однажды на ботанике её подружка закадычная Ритка Толмачёва подняла вдруг руку и предательски сказала:

— А у Лиды Толстой нет тетради по ботанике!

Тетрадки действительно не было, и учительница на изготовление её дала один лишь день. И до глубокой ночи мама Лиды ей отлаживала тетрадь по ботанике (тёща: не сама же я бы её делала!). И всё забылось, стёрлось, улеглось и обтесалось. Вы так думаете? Много лет спустя — уже они учились в институтах, было им по двадцать, и та Ритка Толмачёва привела на вечеринку Сашку Блюмфельда, за которого горела выйти замуж. На её беду, подруга вспомнила тот случай — оказалось, что одиннадцать прошедших лет лишь усугубили пожар бывшего гнева. И Сашка Блюмфельд был уведен от невесты! Мне он на фиг был не нужен, я его свела за ту обиду, вспоминает тёща сладострастно и злорадно.

Вот я сижу, перечисляю, вспоминаю, а решить так и не могу: греховен всё же гнев или естестве-

нен настолько, что и грех назвать его грехом. Опять же некая логическая связка тут сама собой напрашивается (прошу прощения за ненарошную мыслительность): во-первых, сказано давно, что если Бог решил кого-то наказать, то он лишает его разума. А во-вторых, ничто наш разум так не помрачает, как внезапно вспыхивающий гнев. По-моему, такая связка силлогизмом называется. А то, что следует, опять неоднозначно. Следует из этого, что гнев — от Бога. Но зачем Он вводит нас в такое состояние? Чтоб наказать? Чтоб искусить соблазном выместить немедленно порыв душевный? Я не знаю. Только и учёные не знают. Часть из них считает, что порыв души надо немедленно вымещать, а то различная невостребованная химия в дальнейшем организму повредит. Я где-то прочитал, что мудрые японцы выставляют в неких специально отведенных местах резиновых огромных кукол, и на них написано «Начальник», «Полицейский», «Тёща» и так далее. И кукол этих можно бить, щипать и вымещать тем самым накопившиеся чувства. Но, по-моему, только японцев это средство может утлить; у нас натуру много тяжелее обуздать, отсюда столько заявлений о побоях, на которые полиция в Израиле (милиция в России) смотрит с подобающей ухмылкой. А психологи иной научной школы полагают, что эмоции и можно, и необходимо прятать — это, дескать, и доступно человеку, и полезно обществу. Не знаю. Только не согласен я ни с этими, ни с теми. На меня когда кричат во гне-

ве — это, разумеется, неправильно (и даже грех), но я-то почему должен проглатывать обиду или раздражение — понять я не могу. А грех это или не грех — дело десятое, их у меня и без того довольно много.

С возрастом легко склониться в пользу хоть какого воздержания. А в том числе и воздержания от гнева. Так уже понижен уровень энергии и сил, что прямо хоть цитируй назидательно Плутарха: «Гневно нападая на гневливого, мы умножаем грех». Однако же бывает гнев настолько праведный, что удержать его — грех несомненный, лишь бы сил хватило. Так я подошёл к истории, которую не устаю с восторгом и почтением рассказывать любому встречному.

Со Львом Эммануиловичем Разгоном, царствие ему небесное, я был знаком ещё с шестидесятых: мы в журнал «Знание — сила» вместе хаживали, в нём сотрудничая. Я к нему всегда с большой симпатией относился, но не более того. Он старше был меня на четверть века, и его всегдашняя весёлость мне казалась стариковской наигранностью. Кроме того, я знал, что за две ходки отсидел Разгон семнадцать лет, и по своей тогдашней наглой и зелёной категоричности уверен был, что он о лагерях писать обязан, а не постные и мирные статьи и книжки об учёных. После оказалось, что такую книгу он писал, об этом знали только близкие друзья, но даже эта потрясающая книга о былом и пережитом — тоже никого и ничего не обличала,

а дышала ровной и спокойной величавостью зоркого и пронизательного летописца. Этим поражая ещё круче — просто был такой характер у этого замечательного человека. Быстро стали мы сходиться, когда я уже вернулся из Сибири (он тогда меня и удостоил первого доверия — дал почитать куски из тайной ещё книги). А в тот день, когда я праздновал свои полсотни лет, обрадовал меня Разгон безмерно. Ему предоставили первое слово, и он сказал мне:

— Игорь, я тебе желаю главного — чтоб ты пережил это блядство!

Мы, по счастью, оба это пережили, с интересом обсуждая, когда виделись, иную форму наступившего в России блядства. Мы уехали, когда Разгону было восемьдесят лет. И вышла его книга, общий вызвала восторг, он ездил в разные страны, выступал, был счастлив и всё так же весел не по возрасту. Мы выпивали то в России, то в Израиле. Похоже было, что ангел смерти попросту забыл о нём. А в это время стали появляться всякие как бы научные статьи, в которых прошлое усердно и самозабвенно бичевали кто ни попадя — особенно из тех, что мышками и червяками ранее отсиживались тихо, а то и были ярыми поборниками режима. А теперь он рухнул, и с самозабвенностью вчерашнего раба топтали эти борзописцы всё подряд. Один из них (с учёной степенью историк) написал, что некогда Глеб Бокий (знаменитый чекист, убеждённый палач и убийца,

как они все тогда) устраивал вечеринки, на которых угощал именитых гостей собственными дочерьми. А на одной из дочерей его (погибшей очень рано) был женат когда-то молодой журналист Разгон. И было это более полувека тому назад. Но ложь есть ложь. И пачкание имени умершей лишь потому, что был таков её отец, а нынче всё было дозволено, Разгон счёл подлостью. И праведное испытал негодование. А было ему в это время — девяносто лет! Будем точны — без четырёх месяцев. Подробности мне рассказал Борис Жутовский, которого по давней дружбе Лев Эммануилович попросил быть шофёром и секундантом. Они приехали в институт, где борзописец был научным сотрудником, и дождались в фойе его прихода. Лев Эммануилович спросил, откуда была взята эта ложь. Большой учёный, не сморгнув глазом, ответил, что читал это в деле Глеба Бокия. Вы лжёте, ответил Лев Разгон, я это дело тоже видел, там всего четыре страницы и никаких подробностей о частной жизни. Значит, я это где-то прочитал в другом источнике, ответил большой учёный. И получил от девяностолетнего старика две оглушительных пощёчины. После чего, мелко петляя (выстрела он, что ли, ожидал?), этот здоровый зрелый мужчина кинулся бежать в глубь институтских коридоров. А Лев Эммануилович вернулся домой, и они распили с секундантом бутылку водки. Я убеждён, что если на Божий суд будет предъявлен список сотворённого Разгоном

добра и зла, то этот смертный грех реализованного гнева будет первым среди добрых дел.

Ещё забавен дикий (ситуации не адекватный) гнев, который мы испытываем, стоя в любой очереди. Миша Туровский изумительный сочинил некогда афоризм: «Очередь подобна скорпиону — весь яд у неё в хвосте». Так вот, заметив некоего типа, который нагло только собирается ещё втереться! — мы испытываем дикий выброс в кровь адреналина. Я, признаться, думал раньше, что советская это у нас черта — от общей измочаленности организма в тех бесчисленных очередях, что довелось нам отстоять. Но нет! Такие вспышки острого и нескрываемого гнева выдают в подобной ситуации израильтяне, что бывалые советские пенсионеры переглядываются, сдержанно улыбаясь, — чистые английские лорды. Присмотревшись, можно обнаружить, что большинство этих разгневанных мужчин (и женщин — эти просто фурии в такой момент или скорей эринии — богини мести) никуда особо не торопятся. Тогда откуда таковой накал их гнева? Попранное чувство справедливости? (Точней — почти что попранное, ибо я ни разу не видал, чтобы попытка удалась.) Не знаю, право. Мне это тем более загадочно, что я, заведомо не торопящийся ничуть и никуда, испытываю это пакостное раздражение в такой же мере. Внешне я ничуть его не выдаю, однако же вскипание в себе зловещих соков с интересом и постыдно ощущаю.

Гнев несогласия, гнев оскорблённости, гнев бес-
силия... Так велико разнообразие причин, рожда-
ющих в нас вулканическое извержение эмоций,
что древнееврейский совет «Гневайся тихо» содер-
жит, может быть, увещание сперва остыть и удер-
жать вскипающую лаву, чтобы позже предоставить
волю действиям, обдуманно и здраво. Только это
очень трудно и слегка попахивает (ничего я не
могу поделать со своим душевным обонянием)
злодейством. Словно тень шекспировского Яго
возникает в поле умственного зрения. Но я давно
уже вполне научную выдвинул гипотезу, что
внутри каждого из нас есть некий наш двойник,
диктующий слова и поступки, полярные тому
прекрасному образу себя, что мы в себе лелеем
и храним. А имя я ему придумал — Альтер Яго.
И первым всплеском наших чувств обязаны мы
часто не себе, а именно ему. Поэтому всегда
разумно обождать и присмотреться, кто же имен-
но в нас возбудил. Но если поступать по разуму,
сказал мне внутренний мой голос, то в гавне по
шею насидишься, остывая. Ибо Альтер Яго тоже
не дурак.

Я набалагурил эти, в сущности, пустые рассу-
ждения, наверняка ни в чём и никого не убедив.
Но так как это не являлось моей целью, то, вероятно,
я её достиг. А раздражение, досада и негодование,
которые почти что каждый день терзают нас по
пустякам, — они, конечно, грех, но неминуемый,
а значит — не чрезмерный.

Одну великолепную историю про гнев праведный и утолненный я приберёг к концу. Её мне как-то изложил приятель, это всё случилось в сорок девятом году прошлого уже века. Тогда по всей империи отмечалось сто пятьдесят лет со дня рождения Пушкина, и все мероприятия носили обязательный характер. В частности, большая делегация различных деятелей культуры ездила по Грузии. И разработанный для них маршрут проходил через некое село, находившееся возле шоссе. Деятелей сельсовета строго настрого предупредили, чтоб они придумали какую-нибудь приятную неожиданность, поскольку шашлыки, рога с вином и танцы были всюду. А в селе том жил немолодой и тихий человек, настолько внешнею напоминавший Пушкина, что дети, видевшие портрет поэта в учебниках, частенько бегали за этим человеком и кричали: «Пушкин! Пушкин!», отчего он жутко злился, принимая это за дразнилку. Для бедняги соорудили трёхметровый постамент из кирпича (повыше, чем у памятника Пушкину в Москве, — знай наших!), и, на этом постаменте стоя, должен был он прочитать для делегации высокий стих поэта «Кавказ подо мною». Для этой цели выделено было коричневое пальто председателя и его же зелёная фетровая шляпа — чтоб её держать на отлёте, словно бронзовый Пушкин в Москве. Небольшая трудность состояла в том, что этот средних лет грузин почти не знал русского языка, а те слова и фразы, которые он знал от-

куда-то, не совпадали напрочь с пушкинским словарным запасом. Но к нему приставили учительницу, и за месяц (всё готовилось заранее) он выучил первые несколько строк. В назначенный день он по лестнице взобрался на постамент, а всё село толпилось около. Но делегация задерживалась, по телефону сообщили, что в каком-то городке по соседству никак не могут остановить народные танцы. Пушкин попросился по малой нужде (поскольку прыгать было слишком высоко), ему снова принесли лестницу, он слез, сходил за угол, но неразумно ополоснул лицо в бочке с водой, отчего потекли сделанные жжённой пробкой бакенбарды. Губы у него шевелились — он усердно повторял осточертевшие ему слова. Вдали на шоссе показались чёрные начальственные машины. Тут и обнаружилась трагедия: они не собирались останавливаться, а лишь чуть сбавили скорость, чтоб не раздавить толпившихся на шоссе сельчан. У всех на лицах выразилась жгучая обида. И в это время с высоченного постамента, словно горный орёл, легко слетел Пушкин, чуть оскользнулся, не упав, и, не выпуская из руки зелёную фетровую шляпу, побежал за набирающими ход машинами.

— Кавказ подо мною, суки позорные! — кричал он. — Один в вышине, козлы вонючие! — кричал он, путая свой и пушкинский словарь. — Стою одиноко у края стремнины, я вашу маму ебал!

И рухнул на шоссе, безнадежно пачкая праздничное пальто председателя. Однако я уверен, что

на его запачканном жжённой пробкой лице блуждала улыбка сладостно утолённого гнева. О каком же смертном грехе может идти речь в таком кристально чистом случае?

О ЛЕНИ, МАТЕРИ ПОРОКОВ

С душой, заранее стеснённой от несправедности всех моих суждений, всё-таки хочу я сразу заявить, что написать собрался похвалу и панегирик лени. Сам я — очень крупный специалист по этой части, я магистр и гроссмейстер лени, эксперт и мастак, сачок и лодырь высшей пробы (а точнее — уже пробу ставить некуда). Если бы за лень давали премии или призы, я жил бы среди грамот, кубков и медалей.

В этой книге я пишу о себе всё, что сам о себе думаю и знаю, и поэтому все те, кто думает обо мне хорошо, ужасно огорчатся. Но и те, кто думает обо мне плохо, огорчатся тоже, потому что плох я — вовсе не по ихней мерке.

Будучи бездельником обдуманно и с малолетства, я баклуши бью сознательно и с удовольствием. Я — праздный человек, но если вы услышали созвучие со словом «праздник», то тем легче мне напомнить, насколько коротка наша жизнь и как душевно важно это время праздновать, а не скорбеть или усердствовать и надрываться. С холодным и спокойным уважением я отношусь к тем людям,

что спешат и напрягаются, хотят успеть, достичь, взойти, заполучить, досрочно сделать и в большом количестве. Они того хотят, и дай им Господи. А мне это и даром ни к чему.

И все российские пословицы меня как будто лично осуждают, хотя многие вполне легко оспорить. Например, однажды и навеки сказано народом: «Не сиди сложа руки, не будет и скуки». Но у меня и так её нет. Или ещё: «Скучен день до вечера, коли делать нечего». Да ничего подобного, ничуть не скучен день, который отдан праздности и лени. Кому скучен — занимайтесь на здоровье чем угодно. Я, будучи отпетой стрекозой, ничуть не осуждаю муравья, даже совсем наоборот: я восхищён им, я его благословляю (лучше, кстати, я замёрзну и помру, чем обращусь к нему за помощью), но и себя совсем не склонен осуждать. Из глубины веков донёсся до меня сочувственный привет великого Монтеня. Мыслитель этот, врач и мэр города Бордо, он написал: «До крайности ленивый, до крайности любящий свободу, я лучше по капле отдам свою кровь, чем лишний раз ударю пальцем о палец».

Спасибо, мэтр, в вашей фразе есть одно слово, ключевое и краеугольное для всех моих душевных устремлений, и к понятию свободы я ещё не раз вернусь. Но защитительную речь построю лучше по порядку.

Посмотрите: всё, что делал человек в процессе своего развития, он делал для того, чтобы трудить-

ся меньше и легче. Изобретая рычаг и колесо, паровую машину и двигатель внутреннего сгорания, конвейер и хитроумную автоматику всех мастей и видов, человек активно и целеустремлённо увиливал от физического труда. И ясно всем, что изобрёл стиральную машину тот мужик, которому пришлось по случаю стирать бельё вручную. Но забавны и пути такого творческого озарения. Вот, например.

Какой-то незапамятный тиран из древнегреческого города Сиракузы заподозрил ювелира своего в утаивании золота, которое мошенник заменил избыточным количеством серебра. И Архимеду поручил тиран исчислить, есть ли кража. Всё дальнейшее достаточно известно человечеству: мудрец додумался, как разрешить задачу, и выскочил из ванны с криком «Эврика!». А вот зачем полез он в ванну, когда было ему поручено неотложное дело? Я отвечу: лень и связанный с ней кайф — отец и мать любого творческого размышления.

А Джеймс Уатт, который изобрёл регулировку паровой машины, был когда-то при такой машине мальчиком, который регулировал её вручную. И от чистого порыва улизнуть и увильнуть он изобрёл себе надёжную замену. Ибо пусть работает машина — она железная. Эта позднее высказанная кем-то мысль — девиз и символ нашего изобретательства.

А Исаак Ньютон? Что делал он под яблоней в рабочие часы? Но если б он сидел в лаборато-

рии, то фиг бы на него упало яблоко. И мы остались бы без знания о притяжении Земли, а то и вовсе без закона о всемирном тяготении.

Нарезав себе маленькие картонные квадратики, на каждом из которых был написан химический элемент, великий Менделеев как ни тасовал эти картонки, а система их расположения никак не получалась. Плюнул Менделеев, чертыхнулся и улёгся спать. И тут ему система элементов заявила выстроенной, как солдаты на параде. Известно всем, насколько это двинуло вперёд наше познание божественного химического хаоса.

Примерам этим нет числа. Итог подбил (не чувствуя, что притчу произносит) физик Резерфорд, когда однажды поздно вечером он заглянул в лабораторию и обнаружил там сотрудника, который с гордостью сказал ему, что допоздна работает. И Резерфорд ему в ответ на это задал гениальный свой вопрос: «А когда же вы думаете?»

Трижды благословен и почитаем труд, но праздность и расслабленность — единственный источник его надежды на облегчение.

При слове «лень» мы неизменно вспоминаем светлой памяти Илью Обломова. Хрестоматийный и великий образ абсолютного лентяя. Много лет назад мне довелось услышать очень интересную идею: что Обломов — это русский Гамлет. На знаменитый гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» — Обломов решительно и бесповоротно ответил: «Не быть», но так как жизнь сама по себе была ему

приятна, он и выбрал свой, ныне классический путь неучастия. А если ближе присмотреться к тем знакомым и приятелям, которые вокруг его дивана укоризненно шуршат, что надо жить активно, упираясь и стремясь, легко увидеть, насколько прав Обломов, что ничуть не разделяет их пустого и бессмысленного усердия. Мне-то лично симпатичен даже лодырь Захар, не стирающий пыль, поскольку всё равно она опять насядет. Ведь и впрямь опять она насядет!

А про лукавого и находчивого лентяя, бравого солдата Швейка я недавно вспомнил, по случайности прочтя в газете некие воспоминания о службе в армии какого-то мне неизвестного, явно способного молодого человека. Он очень быстро обнаружил, что главный принцип устройства солдатской службы (в мирное, разумеется, время) — это постоянная и непрерывная занятость. Никто не должен был шататься без дела — именно за этим зорко и внимательно прислеживало младшее и старшее начальство. Но лень изобретательна и хитроумна, как это ясно видно по всем достижениям человечества, и наш герой нашёл свой путь. Он обзавёлся большой доской, которую время от времени носил по территории военной базы. Изредка он её ставил около дверей столовой — когда было время отобедать, или у дверей офицерского клуба, где пил кофе. Не выпуская доску из рук, спускался он потом в подвал этого клуба, где замечательно крепко спал среди бела дня, а после

снова шёл, неся свою шершавую подругу, в дальний какой-нибудь угол, чтобы покурить неторопливо и подумать всласть о тяготах армейской жизни. У него она и ночью находилась под койкой, и приятно было засыпать, помня, что с утра он снова будет занят. И его уже на базе знали все: это тот солдат, что носит доски, и другой работы не поручали. Это счастье длилось две недели. Как-то днём, поспав в подвале, он вышел, сонно щурясь от солнечного света и держа на плече свою верную ношу, — и увидел, что все его соратники по службе, собранные срочно по тревоге, каменно стоят в строю — их базу посетил какой-то генерал. Разоблачив, его немедленно наказали: был он под конвоем отведен в сортир, где должен был от сих до сих драить пол зубной щёткой. Но как только работа была выполнена, офицер ему сказал без гнева, даже с уважением:

— Ты, парень, не по годам сметлив. Тебе в нашей общевойсковой части с такой сметкой делать нечего, мы переводим тебя в артиллерию, там все такие же сметливые.

И переведен был находчивый солдат в артиллерийский полк. Для нашей темы интересно, что в полку этом уже служил некий легендарный в армии лентяй Шмулик. Был он какой-то гениальный математик, и благодаря его расчётам этот полк выигрывал на всех армейских соревнованиях по стрельбе. Он сначала тоже был простым солдатом, но однажды выпало ему ночное дежурство по ох-

ране базы. Проверяющий офицер, не найдя солдата Шмулика на посту при въезде, обнаружил его в центре базы, где он под фонарём читал какую-то книжку. Автомат валялся в стороне, офицер его беспрепятственно поднял, направил на часового и спросил, что он читает. Часовой, не поднимая головы, ответил:

— Всё равно ты, остолоп, не поймёшь, это по математике.

— А почему именно здесь? — спросил офицер. Часовой Шмулик, не отрывая глаз от книги, надменно буркнул:

— Потому что здесь светлее.

После отбытия наказания он был переведён в артиллерию, где показывал чудеса стрелковой наводки, ибо то, что ему было интересно, делал этот лентяй отменно и безукоризненно.

В некие смутные уже века цивилизации, когда работа означала выживание, неосмотрительно сболтнул какой-то латиноязычный учитель жизни ставшее крылатым выражение: «Праздность — мать всех пороков». Нам сегодня очевидно, что не просто это не совсем так, но, более того, это совсем не так, а вовсе наоборот. Как может быть лентяй завистлив, если ему надо лишь одно — чтобы его оставили в покое? А прелюбодей-лентяй — как вы себе это представляете? Ленивый человек никак не может впасть в испепеляющий греховный гнев — это требует слишком больших затрат энергии и сил. А как бездельник может быть одновременно алчным

стяжателем? Но если ко всем смертным грехам и вытекающим из них порокам равнодушен лодырь, то выходит всё наоборот, и праздность — мать всех добродетелей, поскольку, как учат нас отцы любой церкви, добродетель — это отсутствие греховных даже помыслов и побуждений.

Вступив на узкую и скользкую тропу теологических изысканий, нельзя не вспомнить, что Господь однажды в гневе на Адама и Еву обрёл всё человечество на труд. Потом Господь забыл об этой жуткой каре, амнистию не объявил — проклятие трудом так и висит над нами. Но в таком случае бездельники и лодыри — весьма отважные и решительные личности, поскольку их отлынивание от труда — прямой и дерзкий вызов Богу, отказ от подчинения жестокой Божьей воле, наплеватьство на затянувшееся Божье наказание.

Присмотритесь со вниманием: лентяи — это, в сущности, чрезвычайно благородные люди, ибо они сознательно идут на сужение всех своих жизненных потребностей и отважно пребывают на обочине жизни, спокойно и неосудительно следя за тем, как жизнь потребительского общества кипит всеобщим вожделением, как вокруг них и рядом все бурлят и устремляются, не ослабляя ни на миг железной хватки.

А немыслимая смелость быть наедине с самим собой? Лентяй не растворяется в коллективе, ибо коллектив един в могучем трудовом порыве, а бездельник, лодырь, уклонист никак не может быть со

всеми, он себя осознанно лишает благостного чувства слиянности, сплочённости и причастности к толпе славных современников. Он одинок, и удочка — его подруга.

А если всё-таки лентяй однажды вынужден бывает потрудиться, то никто лучше его не сделает необходимую работу. Ибо, делая что-нибудь, лентяй буквально обливается потом — и не столько от усердия, но более от ужаса, что надо будет переделывать эту работу, и поэтому он безупречен в исполнении.

А как несправедлива и облыжна русская народная пословица — «Трутни горазды на плутни!» Никогда лентяй не даст себе труда подсиживать кого-нибудь и затевать интриги. Если же он хитроумен и сметлив, то все усилия его ума направлены лишь на одно — отлынить, увильнуть и закосить. А это разве плутни? Это как раз то направление, коего во все века старательно держалось человечество: избежать тяжкого труда, переложить его на механизм или послушное могучее животное.

Забавно, что великая утопия — коммунистическое будущее человечества — потому, быть может, и владела с такой силой душами и умами миллионов трудящихся, что в мифе этом содержалось обещание для всех лентяев: «От каждого — по способности, каждому — по потребности». И таким образом, каждый лодырь, который просто неспособен к регулярному труду, оказывался равен всем при дележе. Довольно низкие это сулило пер-

спективы человечеству, и подлинно высокие духом лентяи это поняли раньше многих трудящихся, в силу чего отлынивали от построения коммунизма с выдумкой и страстью.

И тут пора мне перейти к одному синониму лени, который до поры я вполне сознательно замалчивал. Я говорю о тунеядстве. Советская империя и в этом была страной уникальной: здесь за тунеядство присуждали лагерный срок. Пусть небольшой — всего два года, только эти годы рабства в лагерях принудительного труда на всю оставшуюся жизнь прививали человеку стойкое и злобное отвращение к труду. И это сплошь и рядом были вовсе не опустившиеся алкоголики — довольно часто это были люди, просто потерявшие иллюзии, прозревшие намного раньше остальных. В народе, что печально, к этому унижению божественного человеческого права распорядиться собой скорее относились с одобрением, чем с осуждением. Тут сказывалась подсознательная зависть покорных и трудящихся к тому, кто «эва, что себе позволяет, в то время как другие...». А как в империи отлынивали от работы, числясь на ней, отменно помнят миллионы энтузиастов.

Ибо все люди ленивы — но настолько, насколько могут и смеют себе это позволить. И сегодня на обочинах дороги, по которой, яростно хрипя, несётся всяческий прогресс, живёт несметное количество людей, из общего одушевления ушедших. Многие из них вызывают моё искреннее уважение.

А лично я — уже неисправим, о чём несколько не жалею. И главу-то эту я писал бы лёжа, но компьютер требует сидения. Это моя единственная уступка. И пусть кинет в меня камень осуждения каждый, кому не лень. Однако же уверен я — никто не кинет. Ибо, как наверняка сказал бы (дай он себе труд подумать) видный классик марксизма-ленинизма Фридрих Энгельс: «Лень — это способ существования белковых тел».

ИНОГО Я НЕ МЫСЛЮ РАЗГОВОРА

(Этюды любострастия)

Школу я заканчивал в пятьдесят третьем году, последнем году раздельного обучения. Это была вполне обычная для того времени школа. На ней даже было написано «Средняя школа» — средняя, а не что-нибудь особенное. И я много лет ходил в эту школу, готовясь для самообразования. Но уже повеяло в воздухе какими-то смутными переменами, и поэтому наша мужская школа принялась дружить с женской из нашего же района. Выразилось это в еженедельном устройстве общих комсомольских собраний наших двух десятых классов. Тут я мог бы сильно преуспеть, ибо довольно часто программа этих уродливых и неловких сборищ состояла из двух пунктов: первый — обсуждение дисциплины Губермана, и второй — танцы. До начала каждого такого собрания я успевал добежать

до дома и повязать на свою заношенную рубашку отцовский галстук — дивно он, должно быть, смотрелся под лыжным костюмом из какой-то забытой миром толстой фланели — ничего иного у меня не было. Мог бы (мне даже завидовали), но не преуспел, так как болтать напропалую и участвовать во всех затеях было мне естественно и просто, но, завидев рядом существо с косичками (а причёски им ещё тогда не дозволялись), я немел и тушевался напрочь. Кроме того, нас как-то распределили по парам, которые якобы соревновались в учёбе — очевидно, подразумевалось, что мы будем прогуливаться, обмениваясь мыслями о занятиях по различным предметам. Нескольким нашим однокашникам сильно повезло, о чём они и принялись вскоре тихо повествовать друг другу в сортире, где тайком курили и где сам собой возник мужской клуб. А мне досталось тихое и такое же прыщавое, как я в ту пору, существо безо всяких привлекательных примет своего пола. Я ему был столь же чужд и странен, как оно мне, и обоюдная неловкость от взаимного отталкивания-притяжения могла бы нас даже сблизить, но не случилось. Вот таким уродом я и вырос. Если к этому ещё добавить, что в крохотной уборной нашей коммунальной квартиры (потолки высокие, тусклая лампочка под самым потолком) я к той поре уже прочитал несколько томиков запрещённого мне мамой Мопассана (а не запретила бы — не стал бы), то легко себе представить, что за сны мне сни-

лись и какие обуревали меня помыслы и фантазии. Нет, я не уподоблю эту ситуацию монашескому искусу, ибо у монахов были вера и молитва (хочется думать), а у меня — лишь безнадежное вожделение. Мерзкие и тяжкие сохранились у меня воспоминания об этом времени, и прекрасная (по общему заблуждению) пора возмужания крепко у меня подпорчена и даже изгажена той ненормальностью, что выдумало время. Как выразился один лектор той поры: «Вы ведь, ребята, об одном мечтаете — как завести комсомолку в тёмный парк и поступить с ней легкомысленно».

Остро вспомнил я то время полвека спустя, оказавшись на прямо противоположном полюсе этой сферы человеческой жизни — в Амстердаме, в районе красных фонарей, на эротическом шоу «Живая любовь». Программу не могу не изложить, ибо она уж очень-очень отличалась от совместных комсомольских собраний в нашей школе.

В полутёмном уютном зале сидело человек двести. Начиная с семи часов, действие это шло нон-стоп, человек приходил на час и уходил, когда обнаруживал повтор, так что любители могли сидеть сколь угодно. Мы пришли к некоему началу, по всей видимости, ибо девица чудных форм, проворно раздевшись в такт нехитрой музыке, танцевала, сладострастно обвивая собой некий фаллический светящийся столб. Всего их было два, они были явно символами мужского начала, внутри них струился световой поток, и девица поровну разде-

лила между ними свою сценическую страсть. Вторая плясунья раздевалась на вертящемся кругу и принялась изображать любовную гимнастику в одиночку. Что-то время от времени поблескивало в её черноволосом треугольнике, а что фокус состоял именно в этом, выяснилось, когда она медленно и плавно вытянула у себя из влагалища метровую — не менее того — цепочку (вроде мусульманских чёток) из зелёных шариков размером с грецкий орех.

Тут я просто не могу не сделать некое филологическое отступление, посетовав на бедность русского языка по части названия самых интимных частей нашего тела. Я не люблю слово «влагалище», но иного, к сожалению (не считая неформальной лексики), просто нет. В романах Миллера, свихнувших воображение уже доброго десятка русских писателей, то и дело употребляется слово «вагина» — оно мне нравится не больше. Кроме того, Миллер пользуется им так часто, что невольно возникает некий чисто трамвайный образ вагиновожатого, что действует нехорошо на уважение к писателю. Увы, иного слова нет, и да простят меня все гинекологи, что мне употреблять и далее придётся слово из их рабочего словаря.

Итак, прелестная плясунья вытащила эту жуткую зелёную гирлянду и победно помахала ей, показывая публике, после чего стремительно упрятала во рту. Всё это совершалось плавно и под музыку.

Я время от времени чуть оборачивался в задние ряды, чтобы хоть мельком посмотреть на лица зрителей — они были недвижны и бесстрастны. Разве что у японцев (или китайцев?) блестели на лице капельки пота. Увлечённость наших мужчин (там было с половиною нашей туристской группы) выдавала только снисходительная улыбка. В конце каждого номера, впрочем, зал дружно и нестройно аплодировал. А лично я изо всех сил бил в ладоши, чем шокировал, по-моему, своих спутниц, но мне и вправду было очень интересно, а я — зритель, не лишённый чувства благодарности.

Номер, что пошёл затем, достоин был бы цирка — при условии, конечно, что туда бы не ходили дети. Медленно разоблачившись, тонкая и гибкая танцовщица вежливо уселась лицом к залу, аккуратно вставила себе свечу в это же заветное место, зажгла её, нашарив сбоку спички, после чего принялась исполнять на круге виртуозные акробатические пируэты. Свеча не выпадала и не гасла. Почему-то этот гибкий живой подсвечник произвёл на меня самое сильное впечатление — я извертелся по сторонам, ища сочувствия своему восторгу. Все, однако, были так невозмутимы, словно наблюдали это каждый день или умели делать сами. В стоимость билета, кстати, входили два бокала (вино или коньяк на доньшке), а у меня (я опытный турист) было с собой во фляжке, что эстетической чувствительности всегда способствует.

Когда назавтра я с упоением пересказывал виденное другу Саше (он не пошёл, поскольку видел это некогда и вообще пижон), то он в ответ мне снисходительно сообщил, насколько это детские игры по сравнению с Тайванем (или Индонезией), где танцовщица заправляет себе шарик от пинг-понга, после чего выстреливает шариком в мишень — и попадает. Ему это рассказывала дочка.

И пошла живая любовь. Три пары поочерёдно делали под музыку на вертящемся кругу то, что веками люди делали интимно и сокрыто от постороннего глаза. Слегка потанцевав, они раздевались, трогательно имитируя вожделение, после чего партнёрша ртом помогала мужику прийти в рабочее состояние (у одного это никак не получалось, и она помучилась с ним довольно долго, а он ёрзал виновато, но не прекращал подтанцовывать), и он в неё медлительно вставлялся. Они изображали страсть в различных позах — большей частью обиходных и общепринятых, поскольку изощрённость «Камасутры» не входила, очевидно, в планы режиссёра. Актёрские изыски мимики, которые так любим мы в кино, в обязанность им тоже не вменялись, поэтому совокуплялись они с лицами бесстрастными и отчуждёнными — как манекены. Только одна из них пригласила, видимо, в зал своих приятелей или соседей — они ютились где-то на галёрке, — и она, когда партнёр поставил её на четыре точки, время от времени вскидывала голову, проверяя, видят ли знакомые её сце-

нический успех. Я мысленно прикинул, что за ночь каждая пара делает это раз десять-одиннадцать (поскольку каждый час), и так же мысленно вздохнул о тяжести актёрского труда моих коллег.

Потом пошёл повтор, опять смотреть, как трахается бедная женщина со светящимся фаллическим столбом, было уже грустно, и мы все потянулись на улицу. Несколько туристов из нашей группы, смотревшие шоу с особенно снисходительными и скупающими лицами, остались на второй сеанс. Мы обсуждали виденное вяло, каждый думал о своём, а пожилая наша спутница сказала то как раз, о чём размышлял и я: увидь я это в молодости, медленно сказала она, я прожила бы свою жизнь во многом по-иному. А жена моя любимая Тата была полна такого омерзения, что я старался не смотреть в её сторону (она и в клуб заведомо отказывалась идти, мы её просто уговорили), а когда мы пришли уже в гостиницу и она высказала мне всё, что ощущала, я не выдержал и робко её спросил:

— Ты со мной теперь никогда уже не будешь?

— Думаю, что нет, — грустно ответила жена.

Вот между этими двумя полюсами (Москва пятьдесят третьего и Амстердам двухтысячного) укладывается всё, что слышал я от разных приятелей, переживал сам и с кем-то обсуждал. Мозаика историй про любовь (точней, о странностях любви) всплывает в моей памяти отрывисто и хаотично.

Был я некогда возмутительно молод и срывал, где ни попадя, цветы удовольствия. Только-только

мне исполнилось двадцать пять, работал я инженером-электриком и был послан в Ленинград в командировку. Кинул чемодан я в однокомнатной квартире своего друга (о гостинице в те светлые годы мечтать было нечего), а вечером пошёл к одной приятельнице, помня о бесчисленном количестве её знакомых и надеясь, что судьба в её лице пошлёт ночлег. Попал я на прощальную пьянку. Уезжала она в отпуск, её шумно провожали, я стремительно включился в общий трёп, забыв почти о цели своего прихода, а спустя примерно час она меня позвала в коридор и нечто дивное мне сообщила жарким шопотом:

— Ты чистый Казанова, — сообщила мне она, — тихоней прикидываешься, а колешь девичьи сердца, как блюдечки.

Она была филологом, а от занятий каждый день техническими переводами лечилась вычурностью устной речи, так что я пока не удивился.

— Ты на ту блондинку, что сидит от тебя наискосок, почти ни разу и не глянул, а она на тебя глаз положила. Я в двенадцать уезжаю, можете здесь оба оставаться. Ну, ты счастлив?

Я хотел изобразить лицо бывалого мужчины, но оно меня не слушалось. Мы вернулись в комнату, блондинка в мою сторону даже не глянула, и я к ней тоже не подсел, но, когда все ушли, она осталась. Была она знакомой знакомых моей приятельницы, а сюда приехала (врач-рентгенолог) на какие-то курсы повышения квалификации. Тут

я прыснул и сказал, что попала она точно по адресу, — она зарделась, но не удержалась от смеха, и ледок от необычной ситуации растаял на глазах. Мы прожили дня три или четыре в огромной и насквозь пустой коммунальной питерской квартире (все куда-то расползлись на лето), и нам было очень хорошо. А ночью мы, не одеваясь, ходили на кухню и варили себе кофе в огромной оловянной кружке — из таких пили солдаты в кинофильмах моей юности. Я в те годы был заядлый кофейник: знал сорта, сам молот зёрна, потому-то и запало в память необычное название купленного на ближайшем углу кофе — «Плантейшен». Я в Москве не знал такого. Но о том как раз и речь.

Расстались мы, как и сошлись, — спокойно и взаимно благодарно, даже адресами, как мне помнится, не обменялись. Образ двух весенних птичек, слетевшихся на общей ветке, как нельзя точнее передал бы ту ситуацию. И большее, пожалуй, удивление, чем от доставшихся трёх ночей случайной близости, осталось у меня от вкуса кофе, который я в Москве не видел ни разу, хоть ходил специально в тот известный некогда кофейно-чайный магазин на Кировской (теперь Мясницкой, как известно). Я спрашивал его в том магазине, продавцы недоумённо пожимали плечами, вскоре я о нём забыл — в такие годы жизнь мелькает очень быстро. А спустя лет пять (не менее) попал я снова в Питер, шёл — почти бежал — на киностудию (опаздывал к редактору) и остановлен был густым кофейным

запахом из магазина на углу возле Московского вокзала. На витрине прилавка я среди других обнаружил кофе «Плантейшен». Я его, по-моему, килограмм сразу купил, а горстку попросил мне помолоть. И позвонил редактору — он жил недалеко от студии и из дому ещё не выходил.

— Старик, — сказал я ему, — давай свидимся у тебя дома. Мы сейчас будем пить кофе, лучше которого ты не пил в жизни. И я тоже не пил лучшего, поверь старому кофейнику.

— Голос у тебя скорей похож на старого чайника, — ответил многоопытный редактор. — Что-нибудь случилось? Я тебя жду.

И я приехал. Мы немедленно сварили кофе. И мне стало жутко грустно, ибо кофе был обычен, как обшарпанные стены кухни, где мы сидели. Я рассказал хозяину свою историю, и он, бывалый сукин сын, со снисходительной усмешкой выслушал меня. Потом он подошёл к телефону, позвонил кому-то — я насторожился, чтоб обидеться, но он звонил какому-то знакомому гурману. А вернувшись, объяснил мне, что обычный кофе самого распространённого сорта — арабика — у них в Питере наименован почему-то как «Плантейшен», и моя восторженная память связана отнюдь не с кофе, что ничуть не умаляет моих вкусовых свойств. А я сидел, печалюсь и размышляя, думал я о странностях любви, и редактору довольно быстро стало ясно, что за бутылкой следует бежать ему. Что он и сделал.

История вторая — о другом. В одном немецком городке я встречен был местным устройтелем концерта, мы пошли пить пиво и довольно быстро ощутили нашу общность в этой жизни, ощутили те взаимные приязнь и интерес друг к другу, что зовутся почему-то химией на сегодняшнем интеллигентном жаргоне. На предложение моё поговорить о странностях любви он реагировал с восторгом и пересказал недавний разговор свой со старинной приятельницей, встреченной случайно в его городе. Они зашли куда-то выпить, и она сказала:

— Ты, наверно, ходишь трахаться в бордель, у вас их тут полным-полно, все мужики рассказывают, как вернутся.

— Нет, — ответил он задумчиво, — ты знаешь, я за деньги не могу. И не потому, что денег нету или жалко; просто не могу — и всё тут.

— Ой, тогда приезжай к нам в Россию, — воскликнула она, — у нас ещё по-прежнему бесплатно сколько хочешь.

— Нет, — ответил он печально, — я уже и так, как в молодости, не могу, как кошки — сошлись и разбежались.

— А как же ты да можешь? — спросила она недоумённо.

— Знаешь, — сказал он честно, — я уже могу только по любви.

— Бедный! — искренне выдохнула она, — Значит, ты уже совсем не трахаешься!

А монолог одного вьетнамца в памяти моей хранится много лет — он некогда учился с моим другом в одном институте. Поначалу он учился где-то в Италии, потом во Франции, а после у родителей иссякли деньги, и приехал он учиться в государство, обучавшее бесплатно, то есть в щедрую советскую империю. А говорил он, отвечая на расспросы, с дивной лаконичностью:

— Очень хорошая женщина — молодая итальянская женщина. Очень много страсти надо молодая итальянская женщина. Очень тоже хорошая женщина — молодая французская женщина. Очень много денег надо молодая французская женщина. Самая хорошая женщина — молодая русская женщина. Ничего не надо молодая русская женщина!

Малодостоверную историю о космонавте Армстронге излагали мне с поминутной клятвой, что подлинная. Он ведь, как известно, первым побывал на Луне, там же произнёс перед камерой свои знаменитые слова, что маленький его шаг по Луне есть на самом деле огромный шаг всего человечества, и это всё, что я о нём знаю. А оказывается, чуть отвернувшись в сторону и улыбнувшись, произнёс он ещё слова загадочные — будто бы сказал он: «Гуд лак, мистер Хатсон». То есть пожелал удачи некоему неизвестному лицу (фамилию могу я путать, суть не в ней). И будто бы с тех пор, как ни терзали его журналисты и другие любопытные, Армстронг молчал, как советский партизан на

допросе. Но прошло время, он решил, что уже можно, и рассказал. Его соседом (у них были рядом дома) некогда был человек с упомянутой выше фамилией. Они, как водится у американцев, совершенно не общались друг с другом, лишь раскланивались, изредка встречаясь, только как-то утром вывели машины из гаражей одновременно и вместо формального всегдашнего «Как дела?» сошлись и незаметно разговорились. Так открыто и настолько хорошо разговорились, что сосед — абсолютно вопреки американской традиции замкнутости дел семейных — вдруг посетовал Армстронгу на некую неполноту своей семейной жизни. То есть как бы всё там обстояло хорошо, однако же его жена давно уже и наотрез отказывала ему в оральном сексе. И будет от меня тебе оральный секс, в запале говорила она ему в ответ на упрёки, не раньше, чем нога человека ступит на Луну. А через какое-то время космонавт Армстронг ступил на Луну. Каково же было самообладание этого человека, если он и там внезапно вспомнил о соседе-бедолаге!

С этой историей содержательно рифмуется случай моего восхищённого изумления перед человеческим талантом. У нас тут в Иерусалиме жил симпатичный мужик Саша Елин. Я говорю это в прошедшем времени, поскольку он теперь в Россию возвратился. Многих уехавших евреев туда тянет, как известно, не слабее, чем козла — в огород, а преступника — на место преступления. Саша когда-то

сочинил великолепное одностиише «Скажи отцу, чтоб впредь предохранялся». Многие теперь приписывают его себе, но я-то знаю подлинного автора. И вот мы как-то ехали в машине, и я Саше этому сказал:

— Старина, я знаю, что вы пишете стихи, и вы настолько благородны, что ни разу мне об этом не сказали. А давайте-ка проверим вашу рифмовательную жилу. У меня две строчки есть, а ещё две я к ним никак не сочиню. Попробуйте?

И я прочёл ему две никчемных строчки, развивать которые довольно было тяжело, ибо в них ни мысли, ни завязки темы не было:

На седьмом десятке лет
деду сделали минет.

Но Саша вызов принял. Он минут, наверно, двадцать помолчал, раздумчиво сопя, а после гениально продолжил:

Дай вам Господи, отцы,
как тот дед, отдать концы.

А теперь меня сквозь время и пространство переносит память в Башкирию, где после института я работал машинистом электровоза. В обратном пункте (это место, где кончается маршрут бригады и где мы, немного отдохнув, принимали встречный состав, чтобы вести его обратно), в го-

родке Абдулино, был так называемый бригадный дом, где можно было душ принять, поесть и отоспаться. Там работала буфетчицей огромная расплывшаяся баба с мятым и давно уже непривлекательным лицом (ещё немало безобразили это лицо следы от оспы), с визгливым истеричным голосом и мерзейшими повадками советской продавщицы со стажем. К этой бабе наши машинисты в очередь стояли, чтобы переспать, не раз и мне с восторгом говоря, что это нечто умопомрачительное и дурак я полный, что так морщусь. Я тогда стал исподволь поодиночке их расспрашивать, и только из третьего или четвёртого рассказа смутно высунулась истина и подоплёка общего восторга и влечения. Вернее, я её не сразу опознал. И в ужас я тогда пришёл по молодости лет. Оказалось, что таинственной изюминкой в этой кошмарной с виду и немолодой женщине была некая особенность её постельного поведения: дурным и громким голосом во время траханья она безостановочно кричала одно слово. «Зарежу!» — кричала она каждому мужику. И они получали от этого аккомпанемента странное и сильное удовольствие. Это было, по всей видимости, нечто вроде острой приправы к их обыденно усталой семейной жизни, где давно уже секс превратился в забаву бытовую и рутинную, вроде будничной гигиены тела.

Надо бы вспомнить что-либо высокое, а потому здесь будет кстати некая история о мужском благородстве. Я человека этого уже не застал, он

дружил с Сашей Окунем — от Саши и история. Шломо Вебер был еврей из Литвы, совсем юношей ушёл на фронт, а в Вильнюс свой когда вернулся — обнаружил, что всех его родных и девочку, в которую он был влюблён, перебили литовцы ещё до вступления немцев в город. Больше он там жить не мог. Он переехал при первой же возможности в Израиль, стал работать в Иерусалиме на радио, а всё свободное время проводил в путешествиях: спал он с женщинами во многом множестве стран. Это увлечение занимало его целиком, больше он ничем в жизни не интересовался и ни о чём ином не разговаривал.

— И какая же у тебя была самая лучшая? — естественно, спросил однажды Сашка.

— О, самая лучшая была у меня в Эфиопии! — с уверенностью отвечивал Шломо.

— Чёрная? — плотядно изумился Сашка.

— Что вдруг? — сказал Шломо. — Секретарша директора нашей авиакомпании.

И вспомнил, кстати, что была у него однажды и девица из России.

— Судьба как-то занесла меня в Индию, — поведал он. — Там были соревнования волейболисток со всего мира. И я с одной девчушкой из России там случайно познакомился. Большая, с изумительной фигурой, дивное лицо, глаза лучистые, коса до попы, ей она играть мешала, но она не стриглась — полное счастье. Мы с ней полностью нашли общий язык, по городу бродили, где-то вы-

пивали в забегаловках, хотя они и числились как рестораны, обсуждали всё на свете...

— А постель, постель-то? — нетерпеливо спросил Саша. — Как она была в постели?

И сказал Шломо в ответ редкостного благородства фразу:

— А постели не было, я её и пальцем не тронул. Она вся такая юная была, а я смотри, какой уже потрёпанный, — я боялся уронить честь своего народа.

Но пора мне вспомнить о сибирской ссылке — я себя однажды там таким почувствовал фраером и лохом, что приятно рассказать об этой даме. Не могу пожаловаться, что мне там не хватало общения, — мы и с женой каждый вечер выпивали, обсуждая всё на свете, на работе сплошь и рядом попадались уголовники, от которых я не мог отлипнуть, любопытствуя, и местные порой рассказывали за бутылкой всякое про раскулаченных родителей, когда-то чудом выживших в этих краях, а летом навещали нас друзья и родственники. Но всё-таки раскидистого трёпа за всю масть и всю культуру, как бывало на полночной кухне у меня или друзей, мне, очевидно, не хватало. Потому что, когда в нашей каморке для дежурных электриков появилась некая малярша-штукатурша, с ходу меня спросив то ли про Камю, то ли про Сартра, я взорлил, как полковая лошадь от военной музыки. Каторжной работой этой — штукатурить необъятные поверхности большого здания, а по-

сле красить их — занимались исключительно женщины. Расплывшиеся от целодневной физической нагрузки, наглухо одетые (холодная сырость и неотвратимые брызги раствора) в ватники, заляпанные краской и цементом, такие же брюки (в ещё более кошмарном виде) и косынки до бровей, на женщин походили они мало. Ругань их была тяжёлой, неуёмной, походила более на вздох угнетённой твари (как писал Карл Маркс о назначении религии) — короче, равноправие женщины достигло тут, как и многое другое в империи, предельного и дикого воплощения. И та, что заглянула, чтобы поболтать со мной о ком-нибудь из жизни не отсюда, от коллег своих ничуть не отличалась. Некогда закончив театральное училище в Ташкенте, вышла она замуж за какого-то местного человека, а когда поняла, что он законченный и безнадёжный наркоман, уже родились двое. Подалась она в Сибирь на заработки, выживая вот такой ценой, чтобы поднять детей. Ей было меньше тридцати, и голос молодой, а на лице уже обосновалась тень той жизни, что досталась ей в богатой заработками Сибири. Что ни день, она заглядывала к нам, и Станиславский был бы счастлив, слыша, как мы говорили о его системе (до сих пор я ничего о ней не знаю, но разговор поддерживал легко). А от Лопе де Вега до Набокова гуляли мы привольно, как вор на отдыхе — по вокзальному буфету (феня у всех этих штукатурш была отменная — годами они работали бок о бок со шпаной,

пришедшей из тюрьмы). Она ждала моих дежурств и приходила ближе к обеду, чтобы лишних было четверть часа. Как только она входила, мои напарники вставали и растворялись где-то в здании. Я их тактичность искренне воспринимал как нежелание участвовать в чужой и невнятной разумению беседе. Так недели две прошло, и как-то посреди её горячечно-любовных слов о Бунине в дверь осторожно заглянул мой приятель, полчаса назад ушедший с её появлением, а тут возникший. Надо было срочно менять воздухопроводки, которые сушили стены. Собеседница моя немедленно ушла, жарко договаривая что-то о Бунине, а мой приятель на меня смотрел как-то глумливо, чуть ли не презрительно, и я его, естественно, спросил, в чём дело.

— Ты чудак на букву «м», Мироныч, — пояснил мне приятель. — Ты сидишь, курлычешь и курлычешь, а ведь ей не Бунин нужен, а ебунин. Мы зазря, что ли, уходим? За тебя обидно. Ведь не глупый с виду человек.

До сих пор не в силах объяснить я — даже сам себе, — отчего залился краской стыда и грусти. И забавно, что, подслушав словно этот разговор, ко мне она уже не приходила. Здравовалась, не отводя глаза, порою улыбалась, но закончились, как их отрезало, высокие беседы о культуре. Если честно говорить, мне ещё долго была обидна очевидная правота моего приятеля. Я клекотал, как образованный осёл, истосковавшийся по интелли-

гентскому трёпу, а меня клеили на предмет вульгарного употребления.

Глава эта была бы неполна без краткого упоминания о том кошмаре, что когда-то пережил мой приятель. Бывалый многоопытный ходок, однажды познакомился он с юной дамой, занимавшейся балетом и всяческими изошрёнными танцами. Довольно быстро сговорив её на тайное свидание, привёл куда-то, куда всех, налил по рюмке — раздеваться они начали одновременно. Всё было привычно и легко. Она уселась на него с завидным проворством, он тоже любил эту позу, им обоим оказалось сразу очень хорошо. И тут, — рассказывая это (слышал раза три), приятель мой зажмуривал глаза, переживая заново, — она запела. Оперную арию. Во весь голос. Продолжая совершать все нужные движения, но ещё и чуть раскачивая головой в гармонии с вокалом. Ужас, обуявший моего приятеля (а видывал он всякое и разное), словами был явно непередаваем — он возводил глаза к небу, взмахивал руками и пошевеливал пальцами, словно музицировал на пианино или лихорадочно пытался нащупать что-то в полной темноте. А мысли — он рассказывал о них — очень забавные текли и очень поучительные: если не стану импотентом, думал он, то больше никогда не буду изменять жене.

Конечно же, о странностях любви писать серьёзно — глупо и неосмотрительно, ибо веками тысячи различнейших людей описывали это дивное

состояние со всеми присущими ему нюансами и тонкостями изъявлений. А впрямь со всеми ли? И ярая надежда что-то высказать, отъявленно своё, вновь и вновь ведёт перо моих коллег. И часть из них (счастливые люди) уверена в успехе. Я бы в наидание нам всем печатал всюду вечную, по-моему, нетленную историю о том поэте-идиоте (он уже покойник, так что имя ни к чему), который как-то запоздал к обеду в Доме творчества, а на вопрос, чем он был занят, ответил лаконично и величественно:

— Писал сонет о любви.

И, помолчав, добавил:

— Закрыв тему.

Хоть помню я пример этого счастливого человека, удержаться не могу. И наплевать мне, если то, что я хочу сказать, уже десятки или сотни раз написано в не читанных мной книгах. Нечто есть, так остро пережившееся лично мной (да и поныне мне знакомое), что нестерпимо хочется сказать всерьёз и вслух. Ибо одна из ярких странностей нашего чувства состоит в том, что любовь — это постоянный и неизбывный страх. Нет, нет, не потерять любимую — об этом знают все, — я говорю о страхе обидеть. Нечаянной шуткой, неловким словом или даже взглядом — я уж не говорю о поступках. И забавно мне, что этот страх тянется не годами, а десятилетиями. Страх этот часто раздражает, но такой он непрременный спутник всякой близости и преданности, что любовь в этом

смысле — самая изнурительная из благодатей, нам дарованных природой.

Ну, а коль упомянули мы боязнь потери, то ещё одну историю я не могу не вспомнить. В шестьдесят каком-то плыл я по Енисею из Красноярска в Дудинку, был я журналист, и капитану мелкого пароходика было со мной пить столь же лестно, как и мне с ним. А когда мы проходили (день на третий с отплытия) пару маленьких поросших лесом островков — я их названия помню и посейчас — Кораблик и Барочка, то повестнул мне капитан, что года три назад он увозил отсюда на судебно-медицинскую (точней — психиатрическую) экспертизу местного бакенщика.

— Понимаешь, — говорил мне капитан, — этот мужик в Гражданскую войну пристал к какому-то отряду, уж не знаю — белых или красных, только драпали они в тайгу, и заблудились там, и стали подголодывать — охота, видно, их не выручала или стрелять боялись, чтоб не обнаружиться. Короче говоря, кого-то они съели из своих. И стали как бы людоедами. А скольких они съели, я не знаю, но мужик этот — он вкус человечины запомнил на всю жизнь: рассказывали мне, что так бывает. После он сюда в деревню возвратился, оженил его родители, порыбачил он немного и на эти островки определился. Бакенщиком он работал много лет, и не упомнит уже никто, сколько именно. И баба его там же с ним. Потом и дочка завелась.

История текла неторопливо, суть её мне проще вкратце изложить, поскольку капитан ударился в психологические изыски. Бакенщик, как оказалось, всё никак не мог забыть вкус человечины. И принял он изводить самые передовые советские кадры: отловил геолога заезжего, а после — картографа из Красноярска. Их искали, но такая версия, как бакенщик-убийца, никому и в голову не забредала. А делился ли с женой он — неизвестно, потому что вскоре наступил с передовыми кадрами перебой, и бакенщик зарезал и жену, и дочь. А может быть, они что-то обнаружили, и он поэтому их ликвидировал. Жену он засолил.

И в этом месте капитан, человек тонкий и политесный, глянул мне усмешливо в тарелку и потом в глаза посмотрел. Закусывали мы толстыми ломтями жареной свинины. Я напрягся, и кусок у меня в горле не застрял. Мы чокнулись и вкусно выпили.

На лодке сплавал бакенщик в деревню, заявил в милицию о пропаже, по реке спасатели их поискали сетью и баграми — бесполезно. А немного погодя нагрянули на остров с обыском, и всё так явно обнаружилось, что бакенщик не стал отпираться, дал чистосердечные показания и был отправлен на психиатрическую экспертизу. Больше капитан ничего не знал, в деревне тоже все поговорили и забыли.

Для чего и почему я вспомнил тут эту кошмарную историю? Чтоб изложить вам капитанские слова в её конце. Он закурил и подмигнул мне:

— Ты смекаешь, как его разоблачили и почему заподозрили?

И тут я спохватился, что и правда не смекаю.

— А что бабу он свою искать поехал, — объяснил мне капитан. — Кто ж это станет искать пропавшую бабу? Нет её, и слава тебе, Господи. А он поехал. Ты теперь смекаешь?

— Вроде да, — ответил я смущённо. Был я молод, романтичен и не из этих, слава богу, краёв.

Эта история из памяти моей ушла бы навсегда, но двадцать лет спустя всплыла отчётливо и ярко. Снова я в Сибири был, но в качестве уже не журналиста, а ссыльного вчерашнего зэка. И такие были все мои коллеги. А историю про бакенщика вспомнил я в Сибири по вполне аналогичному поводу. Приятель мой Семёныч, тихий немолодой человек с отчётливой интеллигентинкой в повадках, досиживал свой срок за убийство жены. Его статью я знал доподлинно, ибо Семёныч этого не только не таил, но более того — был у него некий номер, который он разыгрывал с любым зашедшим в нашу бытовку свежим слушателем. Мы чифирили или выпивали, а когда закуривали все и блаженно посапывали, доставал Семёныч как бы ненароком фотографию своей жены покойной и рассказывал, не торопясь, какая она была ладная и умная, его любила и фигуристой была, как хорошо она готовила и дом в порядке содержала. Слушатель плавно вёлся на этой удочке и в конце концов не мог не спросить, а что же, мол, Семёныч, ты её тогда

пришел на глушняк? И наступал момент истины — Семёныч только этого вопроса и ждал, и мы его все ждали, замирая. Ибо тоном, какой ни одному великому артисту в самых дивных снах не снился, отвечал Семёныч медленно и лаконично:

— Надоела!

Давно уже пылится в моей записной книжке замечательный факт о нашей эмиграции: заполняя в Америке какую-то въездную анкету, многие спотыкались на графе, какого они пола. Английское слово, означающее пол, читается вполне понятно для русского разума, как бы даже не нуждаясь в переводе: секс. И, сразу суть ухватывая, многие из наших отвечали: два раза в неделю. Или три. Или один, тут важно единомыслие ответов. Записал я это, посмеялся и забыл, однако же история спустя год получила дивное продолжение.

Одна американская чиновница, подучив русский язык, вознамерилась попробовать его на одном из приезжих — высоком молодом красавце откуда-то из-под Баку.

— Вы графу «пол» заполнили неправильно, — сказала чиновница, волнуясь. — Тут надо писать не сколько раз в неделю, а мужчина или женщина.

— Это для меня безразлично, — ответил молодой красавец.

Много раз задумывался я, нельзя ли как-нибудь измерить накал любовного влечения. Даже расспрашивал учёных, но поскольку они были мои сверстники, то принимались пакостно улыбаться и несли

такое, что я чувствовал себя святым отшельником, по нечаянности зашедшим в бордель. Но смутно чувствовал, что есть какая-то незримая, но субъективно ощутимая мера душевных, что ли, затрат, которая порой мешает, например, кинуться в самую прельстительную любовную авантюру. И однажды как-то убедился, что такая мера существует. У меня приятель есть, давно уже освоивший эстраду и большой имеющий успех у слабого и впечатлительного пола. На одной из пьянок после концерта явно была склонна облагодетельствовать его одна юная девица: издали она кокетничала с ним и всё пыталась пересесть поближе. А когда ей это удалось, то деловито наклонилась она к уху приятеля и пылким шёпотом его оповестила, что попозже чуть она придёт к нему в гостиничный номер. То ли у приятеля какие-то другие были планы, то ли этот яркий пламень страсти не хотел он разделить, но только ум его лихорадочно заметался в поисках необходимого отказа. С ним такое было редко, но формулировку он сыскал блестящую и быстро.

— Девонька, — сказал он ласково и тихо, — я был бы счастлив, но есть одна загвоздка. Понимаешь, я уже немолод, и пошаливает сердце... Словом, если я умру, ты сможешь меня быстренько одеть?

Пылкая девица тихо ойкнула, её как ветром сдуло. Больше она даже не смотрела в его сторону.

Так убедился я в своей догадке давней, что у любово-страстия есть некие предельные границы. Это в смысле потолка. А в смысле расширения количе-

ства? Тут, по-моему, их нет. И я не о царе там Соломоне говорю с его якобы восьмьюстами наложницами и не о султанах всяких с их гаремами — тут дело давнее, а значит, тёмное, мне интересней современники мои. Я как-то в Питере сидел у своего приятеля — весьма известного поэта и отчаянного, забубённого ходока. Сидели мы в его большой, хоть и двухкомнатной всего, квартире, где высоченные старинные потолки создавали ощущение простора и пространства. Стены снизу доверху были увешаны картинами и гравюрами, нам было хорошо и пьяно.

— Слушай, — я спросил у него тихо, ибо жена его за чем-то вышла на кухню. — Если все эти картины снять и вместо них от потолка до пола повесить фотографии твоих баб — они поместятся?

Поэт с сомнением, как бы впервые, огляделся вокруг и неуверенно сказал:

— Ну, если паспортные.

Ещё к неисчерпаемой теме нашего любопытства надо отнести слова, однажды сказанные некой женщиной — она живёт в Германии. С пылкой настырностью она умоляла чиновников, ведающих визами, ускорить проезд её любимого, который задержался временно в России. И сердца у всех так были тронуты её нетерпеливой страстью, что они ей, как сумели, помогли. А спустя месяца три одна из чиновниц встретила эту молодую женщину и спросила, как её дела. И женщина ответила сло-

вами, составляющими, я уверен, самый лаконичный в мире любовный роман:

— Он прилетел, я залетела, он улетел.

Сегодня уже странно было бы и глупо обсуждать любострастие в давнем списке смертных грехов. Сексуальная революция ведь и вправду произошла в двадцатом веке — только не благодаря всяким шумным молодёжным эскападам или расширению всяческих свобод: она лишь следствие того, что тихо и естественно явились в середине века противозачаточные таблетки. Вместе с ними почему-то начисто исчез и Божий страх. Насколько в этом смысле мы продвинулись, легко продемонстрировать на простейшем умозрительном эксперименте: представьте себе пожилого английского пуританина каких-нибудь сороковых годов уже двадцатого века, соединившегося вдруг по телефону с платной сексуальной линией «Со мной ты кончишь дважды». Человечество стремительно покатило по пути сексуального раскрепощения. Его пределы невозбранно расширяются, хотя Творец и сделал робкую (похоже, что напрасную) попытку испугать нас жуткой новоявленной болезнью. Чуть напугал, но от испуга наша удаль только возросла. Куда ж мы, интересно, катимся? Предсказывать я не возьмусь, уже мне это не увидеть, но мне кажется, что наше светлое будущее — в нашем дико удалённом прошлом. И уже не человечество имею я в виду, а наших предков — обезьян. Отнюдь не всех подряд, а не-

кое загадочное и прекрасное племя, близких родственников шимпанзе.

Обезьян банобо обнаружили в Африке сравнительно недавно, лет семьдесят тому назад, и жизнь их с той поры описывают неустанно. Все свои конфликты эти обезьяны разрешают исключительно соитием. Секс у них — тот социальный клей, который прочно всех объединяет. Ни ссор, ни драк, ни гневных схваток у банобо просто не бывает — ими сыскан способ очень быстрого и наилучшего вида примирения. Любые виды секса им известны — как обычный типовой, так и оральный с анальным. Самки так же просто ладят с самками, как и самцы — с самцами. А различные почёсывания и поглаживания — это будничная норма отношений. Даже ежели капризничают дети. Я увлёкся, может быть, и преступил научные границы подлинного описания их жизни, только общество, где все размолвки прекращаются мгновенно и легко, мне очень симпатично. И, разумеется, ни о каком труде они не помышляют (очевидно, опасаясь, что это может превратить их в человека), а живут и наслаждаются по мере сил. И в этом смысле человечество — это банобо в стадии деградации. Тем более — доподлинно научный факт: девяносто восемь процентов их генов — те же, что у человека. Нет, я отнюдь не утверждаю, что грядущее у человечества — такое же, я сладким грёзам предаваться не намерен, но всегда приятно хоть бы мельком и о светлых намекнуть перспек-

тивах, ибо уж очень надоели чёрные правдоподобные пророчества.

А главу эту закончить я хочу одним сном моего друга Володи Файвишевского. Он заявился в гости к Льву Толстому, и ему там очень интересно. Очевидно, Софья Андреевна в отъезде или нездорова, потому что престарелый граф хлопочет сам, усердно накрывая стол для гостя. А ещё сидят в той комнате человек двенадцать других приглашённых — у них донельзя серьёзные, даже насупленные лица, твёрдый неподвижный взгляд у каждого, они полны глубокой значимости своего существования. Володя замечает с ужасом, что у многих чуть окровавлены штаны, а из ширинок торчат куски бинтов. И, как это сплошь и рядом постигает нас во снах, он ясно понимает, что всех этих людей недавно оскопили. Улучив момент, он тихо спрашивает у Льва Николаевича, кто эти люди. О, говорит ему Толстой, это известные борцы за истину и справедливость, неуклонные ревнители высоких всяческих идей, фанатики нравственного улучшения человечества.

— А почему же и зачем их оскопили? — удивляется Володя Файвишевский.

— Чтоб не отвлекались, — жизнерадостно ответил Лев Толстой.

ЛЮБОВЬ — СПЕКТАКЛЬ, ГДЕ АНТРАКТЫ НЕМАЛОВАЖНЕЕ, ЧЕМ АКТЫ

Один поэт имел предмет,
которым злоупотребляя,
устройство это свёл на нет;
прощай, любовь в начале мая!

✱

Ни в мире нет несовершенства,
ни в мироздании — секрета,
когда, распластанных в блаженстве,
нас освещает сигарета.

✱

Красоток я любил не очень,
и не по скудости денегат:
красоток даже среди ночи
волнует, как они лежат.

*

Что значат слёзы и слова,
когда приходит искушение?
Чем безутешнее вдова,
тем сладострастней утешение.

*

Когда врагов утешат слухом,
что я закопан в тесном склепе,
то кто поверит ста старухам,
что я бывал великолепен?

*

В любые века и эпохи,
покой на земле или битва,
любви раскалённые вздохи —
нужнейшая Богу молитва.

*

Миллионер и голодранец
равны становятся, как братья,
танцуя лучший в мире танец
без света, музыки и платья.

✱

От одиночества философ,
я стать мыслителем хотел,
но охладел, нашедши способ
сношенья душ посредством тел.

✱

Грешнейший грех — боязнь греха,
пока здоров и жив;
а как посыплется труха,
запишемся в ханжи.

✱

Лучше нет на свете дела,
чем плодить живую плоть;
наше дело — сделать тело,
а душой снабдит Господь.

✱

Учение Эйнштейна несомненно;
особенно по вкусу мне пришлось,
что с кучей баб я сплю одновременно,
и только лишь пространственно — поврозь.

*

Я — лишь искатель приключений,
а вы — распутная мадам;
я узел завяжу на члене,
чтоб не забыть отдаться вам.

*

Летят столетья, дымят пожары,
но неизменно под лунным светом
упругий Карл у гибкой Клары
крадёт кораллы своим кларнетом.

*

Не нажив ни славы, ни пиастров,
промотал я лучшие из лет,
выводя девиц-энтузиасток
из полуподвала в полусвет.

*

Мы были тощие повесы,
ходили в свитерах заношенных,
и самолучшие принцессы
валялись с нами на горошинах.

*

Сегодня ценят мужики
уют, покой и нужники;
и бабы возжигают сами
на этом студне хладный пламень.

*

Теперь другие, кто помоложе,
тревожат ночи кобельим лаем,
а мы настолько уже не можем,
что даже просто и не желаем.

*

В лета, когда упруг и крепок,
исполнен силы и кудрей,
грешнейший грех — не дёргать репок
из грядок и оранжерей.

*

По весне распустились сады,
и ещё лепестки не опали,
как уже завязались плоды
у девиц, что в саду побывали.

*

Многие запреты — атрибут
зла, в мораль веков переодетого:
благо, а не грех, когда ебут
милую, счастливую от этого.

*

Природа торжествует, что права,
и люди, несомненно, удались,
когда тела сошлись, как жернова,
и души до корней переплелись.

*

Рад, что я интеллигент,
что живу светло и внятно,
жаль, что лучший инструмент
годы тупят невозвратно.

*

Давай, Господь, решим согласно,
определив друг другу роль:
ты любишь грешников? Прекрасно.
А грешниц мне любить позволь.

*

Молодость враждебна постоянству,
в марте мы бродяги и коты;
ветер наших странствий по пространству
девкам надувает животы.

*

Не почитая за разврат,
всегда готов наш непоседа,
возделав собственный свой сад,
слегка помочь в саду соседа.

*

Мы в ранней младости усердны
от сказок, веющих с подушек,
и в смутном чаянье царевны
перебираем тьму лягушек.

*

Назад оглянешься — досада
берёт за прошлые года,
что не со всех деревьев сада
поел запретного плода.

✱

От акта близости захватывает дух
сильнее, чем от шиллеровских двух.

✱

Готов я без утайки и кокетства
признаться даже Страшному суду,
что баб любил с мальчишества до детства
в которое по старости впаду.

✱

Я в молодости книгам посвящал
интимные досуги жизни личной
и часто с упоением посещал
одной библиотеки дом публичный.

✱

Когда тепло, и тьма, и море,
и под рукой крутая талия,
то с неизбежностью и вскоре
должно случиться и так далее.

О выпивке, о Боге, о любви

*

Как давит стариковская перина
и душит стариковская фуфайка
в часы, когда танцует балерина
и ножку бьет о ножку, негодяйка.

*

Случайно встретившись в аду
с отпетой шлюхой, мной воспетой,
вернусь я на сковороду
уже, возможно, с сигаретой.

ПЫЛКОЕ ЛЮБОВНОЕ СОИТИЕ — ВАЖНОЕ ЖИТЕЙСКОЕ СОБЫТИЕ

Едва-едва покой устроим —
опять в нас целится Амур,
и к недосыпу с перепоем
приходит сизый перекур.

*

И здесь, и там возни до чёрта,
и здесь, и там о годах стон,
зато в отличие от спорта
любви не нужен стадион.

*

Спутница, любовница и мать,
слушатель, болельщик, оппонент —
бабе очень важно понимать,
кто она в мелькающий момент.

*

Свистят ветра, свивая вьюгу,
на звёздах — вечность и покой,
а мы елозим друг по другу,
томясь надеждой и тоской.

*

Повадка женщины изменчива,
поскольку разнится игра
подруги дня, подруги вечера,
подруги ночи и утра.

*

Мне часто снится чудный сон,
кидая в дрожь и мистику:
что женских юбочек фасон
опять вернулся к листику.

*

Нас как бы время ни коверкало
своим наждачным грубым кругом,
не будь безжалостен, как зеркало,
и льсти стареющим подругам.

✱

В связи с успехами науки
и от космических причин
сегодня бабы влезли в брюки,
а завтра — выебут мужчин.

✱

Он к умным бабам с дружбой лез,
духовной жаждою взыскуем,
но дружбу вмиг поганил бес,
оборотясь его же хуем.

✱

Не страшно мне адских заслуженных мук -
я кинусь в котёл безмятежно,
страшнее звонки от вчерашних подруг,
упрёки лепечущих нежно.

✱

Девицы созревают раньше сроков,
заложенных природой в них самих,
и опыт преждевременных уроков
 пленительно просвечивает в них.

✱

Из вина и дыма соткан
мой тенистый уголок,
а внутри лежит красotka,
залетев на кайф-о-клок.

✱

Пренебрегая слишком долго
игрой супружеского долга,
не удивляйся, что жена
с утра слегка раздражена.

✱

Поскольку мир — сплошной бардак,
в нём бабы ценятся везде;
искусство бабы — это как,
а ум — кому, когда и где.

✱

Ещё природа властна надо мной,
и сладко мне прельстительное рабство,
когда вдруг оживляешься весной
и дикое в душе клоочет блядство.

*

Люблю замужних, разведённых,
отпетых, падших, роковых,
пропавших, шалых, забубённых
и просто баб как таковых.

*

Спеши, подруга! Ветер лет
несёт нам осень вместо лета,
уже и лес полураздет,
а ты, дружок, ещё одета.

*

А помнишь, как, из губ напившись яда
подруга от любви изнемогала
и, слепо бормоча: «Оставь, не надо»,
расстёгивать застёжки помогала?

*

Бери меня, мотив, томи, зови,
тянись неодолимо и протяжно;
все песни мы поём лишь о любви,
а к Богу или дьяволу — неважно.

*

Судьба отнюдь не полностью и строго
во всём руководится небесами:
супруга нам даруется от Бога,
подруг должны разыскивать мы сами.

*

Ах, любовь, хладнокровным ты — примус,
и становится мужествен трус,
даже минус, возлѣгши на минус,
от любви превращается в плюс.

*

Подумав к вечеру о вечности,
где будет холодно и склизко,
нельзя не чувствовать сердечности
к девице, свежей, как редиска.

*

Поэты любят бабьи ласки
помимо ласк ещё за стих,
в котором, их предав огласке,
переживут вторично их.

*

Отчизны верные сыны,
горячим рвением полны,
отчизны верных дочерей
мы превращаем в матерей.

*

Я не распутник по природе,
но и невинность не храню,
в безгрешной плоти дух бесплоден
и разум сохнет на корню.

*

Вполне собою лишь в постели
мы можем быть, от века прячась,
и потому на самом деле
постель — критерий наших качеств.

*

Знать важно — с кем, важны последствия,
а также степень соответствия;
когда учтён весь этот ряд,
то ебля — вовсе не разврат.

О выпивке, о Боге, о любви

*

Если в бабе много чувства
и манерная манера,
в голове её — капуста
с кочерыжкой в виде хера.

*

Порой нисходит Божья милость,
и правда сказке подражает:
недавно мне соседка снилась,
и вот на днях она рождает.

*

Не пузырись ума отравой,
когда выходишь замуж, дева:
от бабы, слишком часто правой,
мужик быстрее идёт налево.

*

Дни бегут, как волны реки,
жизненным фарватером,
то ебёшься возле печки,
то — под вентилятором.

*

Учил великий Аристотель,
а не какой-нибудь балбес,
что похотливость нашей плоти —
совсем не грех, а дар небес.

*

Заметил некогда Сенека,
явив провиденье могучее,
что лишь законченный калека
не трахнет женщину при случае.

*

Как объяснил друзьям Эсхил,
заплакав как-то ближе к ночи:
«Когда мужик позорно хил,
его супругу жалко очень».

*

Когда учёная Аспазия
плоды наук в умы внедряла,
то с мужиками безобразия
на манускриптах вытворяла.

*

Напрасно мучился Конфуций,
пытаясь к разуму воззвать:
«Не надо свой отросток куцый
куда ни попадя совать!»

*

Увы, красавица, как жалко,
что не по мне твой сладкий пряник:
ты персик, пальма и фиалка,
а я давно уж не ботаник.

*

Когда любви нахлынет смута
на стариковское спокойствие,
Бог только рад: мы хоть кому-то
ещё доставим удовольствие.

*

А в кино когда ебутся —
хоть и понарошке, —
на душе моей скребутся
мартовские кошки.

*

С высот палящего соблазна
спадая в сон и пустоту,
по эту сторону оргазма
душа иная, чем по ту.

*

Таким родился я, по счастью,
и внукам гены передам —
я однолюб: с единой страстью
любил я всех попутных дам.

*

Любовных поз на самом деле
намного меньше, чем иных,
но благодарно в нашем теле
спит память именно о них.

*

Любил я днём под шум трамвая
залечь в каком-нибудь углу,
дичок еврейский прививая
к великорусскому стволу.

*

Давным-давно хочу сказать я
ханжам и мнительным эстетам,
что дама, падая в объятия,
душой возносится при этом.

*

Я слишком, ласточка, устал
от нежной устной канители,
я для ухаживанья стар —
поговорим уже в постели.

*

Всего лишь семь есть нот у гаммы,
зато звучат неодинаково;
вот точно так у юной дамы
есть много разного и всякого.

*

К нам тянутся бабы сейчас
уже не на шум и веселье,
а слыша, как булькает в нас
любви приворотное зелье.

*

Весна — это любовный аромат
и страсти необузданный разлив;
мужчина в большинстве своём женат,
поэтому поспешлив и пуглив.

*

Переживёт наш мир беспечный
любой кошмар как чепуху,
пока огонь пылает вечный
у человечества в паху.

*

Это был не роман, это был поебок,
было нежно, тепло, молчаливо,
и, катясь восвояси, шептал колобок:
до свиданья, спасибо, счастливо.

*

В устоях жизни твердокамен,
семью и дом любя взхлёб,
мужик хотя и моногамен,
однако жуткий полиёб.

*

Подумав, я бываю поражён,
какие фраера мы и пижоны:
ведь как бы мы любили наших жён,
когда б они чужие были жёны!

*

Не раз наблюдал я, как быстро девица,
когда уже нету одежды на ней,
от Божьего ока спеша заслониться,
свою наготу прикрывает моей.

*

Цветы на полянах обильней растут,
и сохнут от горя враги,
когда мы играем совместный этюд
в четыре руки и ноги.

*

С той поры не могу я опомниться,
как позор этот был обнаружен:
я узнал, что мерзавка-любовница
изменяла мне с собственным мужем.

*

Везде, где вслух галдят о вечном,
и я, любуясь нежной птахой,
печально мыслю: где бы лечь нам,
послав печаль и вечность на хуй?

*

Мы лето разве любим за жару?
За мух? За комаров? Намного проще:
за летнюю повсюдную игру
в кустах, на берегу и в каждой роще.

*

Судьбы случайное сплетение,
переплетенье рук и ног,
и неизбежное смятение,
что снова так же одинок.

*

Беда с романами и шашнями,
такими яркими вначале:
едва лишь делаясь вчерашними,
они тускнели и мельчали.

*

Мы все танцуем идеально,
поскольку нет особой сложности
напомнить даме вертикально
горизонтальные возможности.

*

Всюду плачется загнанный муж
на супружеский тяжкий обет,
но любовь — это свет наших душ,
а семья — это плата за свет.

*

Идея найдена не мной,
но это ценное напутствие:
чтоб жить в согласии с женой,
я спорю с ней в её отсутствие.

*

Девушка, зачем идёшь ты мимо
и меня не видишь на пути?
Так ведь и Аттила мимо Рима
мог однажды запросто пройти.

✱

У бабы во все времена —
жара на дворе или стужа —
потребность в любви так сильна,
что любит она даже мужа.

✱

Мне часто доводилось убедиться
в кудрявые года моей распутности,
что строгая одежда на девице
отнюдь не означает недоступности.

✱

Занявшись тёмной девы просветлением
и чары отпустив на произвол,
я долго остаюсь под впечатлением,
которое на деву произвёл.

✱

Я не стыжусь и не таюсь,
когда палюсь в огне:
я сразу даме признаюсь
в её любви ко мне.

*

Мужику в одиночестве кисло,
тяжело мужику одному,
а как баба на шее повисла,
так немедленно легче ему.

*

По женщине значительно видней,
как лечит нас любовная игра:
потраханная женщина умней
и к миру снисходительно добра.

*

Дух весенний полон сострадания
к тёмным и таящимся местам:
всюду, где углы у мироздания,
кто-нибудь весной ебётся там.

*

Липла муха-цокотуха
на любые пиджаки,
позолоту стёрли с брюха
мимолётные жуки.

*

Ведём ли мы беседы грустные,
ворчим ли: всюду прохиндеи,
а в нас кипят, не зная устали,
прелюбодейные идеи.

*

Привязан к мачте, дышит жарко
плут Одиссей. И жутко жалко
сирен, зазря поющих страстно
в неодолимое пространство.

*

Будь гений ты или герой,
мудрец и эрудит —
любви сердечный геморрой
тебя не пощадит.

*

У девушек пальтишки были куцые,
и — Боже, их судьбу благослови —
досадуя, что нету проституции,
они нам отдавались по любви.

*

Мужья по малейшей причине
к упрёкам должны быть готовы:
изъянов не видеть в мужчине
умеют одни только вдовы.

*

В острые периоды влюблённости
каждый убеждался в этом лично -
прочие порочные наклонности
ждут выздоровления тактично.

*

Живёт ещё во мне былой мотив,
хотя уже я дряхлый и седой:
красотку по соседству ощутив,
я с пылкостью болтаю ерундой.

*

Многим птицам вил я гнёзда
на ветвях души моей,
только рано или поздно
пташки гадили с ветвей.

✱

Профан полнейший в туфлях, бусах —
эстетской жилки я лишён,
зато сходился я во вкусах
с мужьями очень разных жён.

✱

Семья — устройство не вчерашнее,
уже Сенека замечает:
мужик — животное домашнее,
но с удовольствием дичает.

✱

Любовь — не только наслаждение:
и по весне, и в ноябре
в любви есть самоутверждение,
весьма присущее игре.

✱

Глубоким быть философом не надо,
повсюду видя связи и следы:
любовью мир удержан от распада,
а губят этот мир — её плоды.

✱

Наукой все границы стёрты,
на днях читал уже в печати я,
что девки делают аборты
от непорочного зачатия.

✱

Весной зацвёл горох толчёный,
влюбился в рыбу крокодил,
пошёл налево кот учёный
и там котят себе родил.

✱

Меняются каноны и понятия,
вид мира и событий, в нём текущих,
одни только любовные объятия —
такие же, как были в райских куцах.

✱

Не назло грядущим бедам,
не вкушая благодать,
а ебутся бабка с дедом,
чтобы внуков нагадать.

✱

Судьбе не так уж мы покорны,
и ждёт удача всех охочих;
в любви все возрасты проворны,
а пожилые — притче прочих.

✱

Любое знает поколение,
как душу старца может пучить
неутолимое стремление
девицу юную увнучить.

✱

Былое пламя — не помеха
натурам пылким и фартовым,
былых любовей смутно эхо
и не мешает песням новым.

✱

Когда мы полыхаем, воспалясь,
и катимся, ликуя, по отвесной,
душевная пленительная связь
немедленно становится телесной.

*

Пасутся девки на траве,
мечтая об узде;
что у мужчины в голове,
у женщины — везде.

*

Из массы зрительных явлений
люблю я девок на экране:
игра их нежных сочленений
бодрит меня, как соль на ране.

*

Любви жестокие флюиды
разят без жалости и скидок:
весною даже инвалиды
себе находят инвалидов.

*

Исконным занимаясь женским делом
и полные законной женской гордости,
девицы всех мастей торгуют телом,
жалея, что товар — со сроком годности

*

Я начисто лишён обыкновения
в душе хранить события и лица,
но помню я те чудные мгновения,
когда являлась разная девица.

*

Хоть неизменно розы свежи,
но мысли сгнули охальные,
и я уже намного реже
теперь пишу стихи двуспальные.

*

На склоне лет мечты уже напрасны,
уже душе и в том довольно лести,
что женщины ещё легко согласны
со мной фотографироваться вместе.

*

Как жаль, что из-за гонора, и лени,
и холода, гордыней подогретого,
мы часто не вставали на колени
и женщину теряли из-за этого.

БОЖЕСТВЕННОСТЬ
ЛЮБОВНОГО ТОМЛЕНИЯ —
ИСТОЧНИК УМНОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Приснилась мне юность отпетая,
приятели — мусор эпохи —
и юная дева, одетая
в одни лишь любовные вздохи.

*

Не всеу жизнь моя текла —
мне стало вовремя известно,
что для душевного тепла
должны два тела спать совместно.

*

Любым любовным совмещениям
даны и дух, и содержание,
и к сексуальным извращениям
я отношу лишь воздержание.

✱

В те благословенные года
жили неразборчиво и шало,
с пылкостью любили мы тогда
всё, что шевелилось и дышало.

✱

Даже тех я любить был не прочь,
на кого посмотреть без смущения
можно только в безлунную ночь
при отсутствии освещения.

✱

Она была задумчива, бледна,
и волосы текли, как тёмный шёлк;
со мной она была так холодна,
что я оттуда с насморком ушёл.

✱

Красотки в жизни лишь одно
всегда считали унижением:
когда мужчины к ним давно
не лезли с гнусным предложением.

*

С таинственной женской натурой
не справиться мысли сухой,
но дама с хорошей фигурой —
понятней, чем дама с плохой.

*

Теряешь разум, девку встретив,
и увлекаешься познанием;
что от любви бывают дети,
соображаешь с опозданием.

*

В моей судьбе мелькнула ты,
как воспалённое видение,
как тень обманутой мечты,
как мимолётное введение.

*

Чтобы мерцал души кристалл
огнём и драмой,
беседы я предпочитал
с одетой дамой.
Поскольку женщина нагая —
уже другая.

*

Волнуя разум, льёт луна
свет мироздания таинственный,
и лишь философа жена
спокойно спит в обнимку с истиной.

*

Если дама в гневе и обиде
на коварных пакостниц и сучек
плачет, на холодном камне сидя, —
у неё не будет даже внучек.

*

Вселяются души умерших людей
в родившихся, к ним непричастных,
и души монахинь, попавши в блядей,
замужеством сушат несчастных.

*

Вон дама вся дымится от затей —
она не ищет выгод или власти,
а просто изливает на людей
запасы не востребованной страсти.

*

Я знание собрал из ветхих книг
(поэтому чуть пыльное оно),
а в женскую натуру я проник
в часы, когда читать уже темно.

*

Обманчив женский внешний вид,
поскольку в нежной плоти хрупкой
натура женская таит
единство арфы с мясорубкой.

*

Во сне пришла ко мне намедни
соседка юная нагая;
ты наяву приди, не медли,
не то приснится мне другая.

*

Дуэт любви — два слитных соло,
и в этой песне интересной
девица пряного посола
вокально выше девы пресной.

*

Как женской прелести пример,
в её глазах такой интим,
как будто где-то вставлен хер
и ей отратно ощутим.

*

Всё, что женщине делать негоже,
можно выразить кратко и просто:
не ложись на прохвостово ложе,
бабу портит объятье прохвоста.

*

Когда года, как ловкий вор,
уносят пыл из наших чресел,
в постели с дамой разговор
нам делается интересен.

*

Всегда готов я в новый путь,
на лёгкий свет надежды шалой
найти отзывчивую грудь
и к ней прильнуть душой усталой.

*

Есть явное птичье в супружеской речи
звучание чувств обнажённых:
воркуют, курлычут, кукуют, щебечут,
кудахчут и крякают жены.

*

Про то, как друг на друга поглядели,
пока забудь —
мир тесен, повстречаемся в постели
когда-нибудь.

*

У той — глаза, у этой — дивный стан,
а та была гурман любовной позы,
и тихо прошептал старик Натан:
«Как хороши, как свежи были Розы!»

ХОТЯ МЫ ОЧЕНЬ ПОХОТЛИВЫ,
ЗАТО ВЕСЬМА НЕПРИХОТЛИВЫ

А жаль, что жизнь без репетиций
течёт единожды сквозь факт:
сегодня я с одной певицей
сыграл бы лучше первый акт.

*

Когда к нам дама на кровать
сама сигает в чём придётся,
нам не дано предугадать,
во что нам это обойдётся.

*

Когда я не спешу залечь с девицей,
себя я ощущаю с умилением
хранителем возвышенных традиций,
забытых торопливым поколением.

*

Забав имел я в молодости массу,
в несчётных интерьерах и пейзажах
на девок я смотрел, как вор — на кассу,
и кассы соучаствовали в кражах.

*

Когда ещё я мог и успевал
иметь биографические факты,
я с дамами охотно затевал
поверхностно-интимные контакты.

*

В разъездах, путешествиях, кочевьях
я часто предавался сладкой неге;
на генеалогических деревьях
на многих могут быть мои побеги.

*

Меж волнами любовного прилива
в наплыве нежных чувств изнемогая,
вдруг делается женщина болтлива,
как будто проглотила попугая.

*

Наука описала мир как данность,
на всём теперь названия прибиты,
и прячется за словом «полигамность»
тот факт, что мы ужасно блядовиты.

*

Спектаклей на веку моём не густо,
зато, насколько в жизни было сил,
я жрицам театрального искусства
себя охотно в жертву приносил.

*

Молит Бога, потупясь немного,
о любви молодая вдовица;
зря, бедняжка, тревожишь ты Бога,
с этим лучше ко мне обратись.

*

Не знаю выше интереса,
чем вечных слов исполнить гамму
и вывести на путь прогресса
замшело нравственную даму.

*

В дела интимные, двуспальные
партийный дух закрался тоже;
есть дамы столь принципиальные,
что со врага берут дороже.

*

Петух ведёт себя павлином,
от индюка в нём дух и спесь,
он как орёл с умом куриным,
но куры любят эту смесь.

*

Подушку мнёт во мраке ночи,
вертясь, как зяблик на суку,
и замуж выплеснуться хочет
девица в собственном соку.

*

Какие дамы нам не раз
шептали: «Дорогой!
Конечно, да! Но не сейчас,
не здесь и не с тобой!»

*

Затем из рая нас изгнали,
чтоб на земле, а не в утопии
плодили мы в оригинале
свои божественные копии.

*

Семья, являясь жизни главной школой
изучена сама довольно слабо;
семья бывает даже однополой,
когда себя мужик ведёт как баба.

*

Увы, но верная жена,
избегнув низменной пучины,
всегда слегка раздражена
или уныла без причины.

*

Чтобы души своей безбрежность
художник выразил сполна,
нужны две мелочи: прилежность
и работающая жена.

О выпивке, о Боге, о любви

*

Логикой жену не победить,
будет лишь кипеть она и злиться;
чтобы бабу переубедить,
надо с ней немедля согласиться.

*

А та, с кем спала вся округа,
не успевая вынимать,
была прилежная супруга
и добродетельная мать.

*

В семье мужик обычно первый
бывает хворостью сражён;
у бедных вдов сохранней нервы,
ибо у женщин нету жён.

*

Глаза ещё скользят по женской талии,
а мысли очень странные плывут:
что я уже вот-вот куплю сандалии,
которые меня переживут.

ВОТ ЖЕНЩИНА — ОНА ГРУСТИТ,
ЧТО ЗЕРКАЛО ЕЁ ТОЛСТИТ

Природа женская лиха
и много мужеской сильней,
но что у бабы вне греха,
то от лукавого у ней.

*

Смотрит с гвоздика портрет
на кручину вдовию.
А милёнка больше нет —
скинулся в Жидовию.

*

Добро со злом природой смешаны,
как тьма ночей — со светом дней;
чем больше ангельского в женщине,
тем гуще дьявольское в ней.

*

Была и я любима,
теперь тоскую дома,
текут мужчины мимо,
никем я не ебома.

*

Душа болит, свербит, и мается,
и глухо в теле канителится,
если никто не покушается
на целомудрие владелицы.

*

Старушка — воплощённое приличие,
но в память, что была она лиха,
похоже её сморщенное личико
на спёкшееся яблоко греха.

*

Всё переменилось бы кругом,
если бы везде вокруг и рядом
женщины раскинули умом,
как сейчас раскидывают задом.

*

Мечты питая и надежды,
девицы скачут из одежды;
а погода — опять в одежде,
но умудрённое, чем прежде.

*

Носишь радостную морду
и не знаешь, что позор —
при таких широких бёдрах
такой узкий кругозор.

*

Улетел мой ясный сокол
басурмана воевать,
а на мне ночует свёкор,
чтоб не стала блядовать.

*

Родясь из коконов на свет,
мы совершаем круг в природе,
и бабочки преклонных лет
опять на гусениц походят.

✱

Ребро Адаму вырезать пришлось,
и женщину Господь из кости создал;
ребро была единственная кость,
лишённая какого-либо мозга.

✱

Есть бабы-храмы: строг фасад,
чиста невинность красок свежих;
а позади — дремучий сад,
притон прохожих и проезжих.

✱

Послабленье народу вредит,
ухудшаются нравы столичные:
одеваются девки в кредит,
раздеваются за наличные.

✱

Она была собой прекрасна,
и ей владел любой подлец;
она была на всё согласна
и даже — на худой конец.

*

Ключ к женщине — восторг и фимиам,
ей больше ничего от нас не надо,
и стоит нам упасть к её ногам,
как женщина, вздохнув, ложится рядом.

*

У женщин юбки всё короче;
коленных чашечек стриптиз
напоминает ближе к ночи,
что существует весь сервиз.

*

Мой миленький дружок
не дует в свой рожок,
и будут у дружка
за это два рожка.

*

Я евреям не даю,
я в ладу с эпохой.
Я их сразу узнаю —
по носу и по хую.

*

Ты, подружка дорогая,
зря такая робкая;
лично я, хотя худая,
но ужасно ёбкая.

*

Трепещет юной девы сердце
над платьев красочными кучами:
во что одеться, чтоб раздеться
как можно счастливей при случае?

*

Вот женщину я обнимаю,
она ко мне льнёт, пламенея,
а Ева, я вдруг понимаю,
и яблоко съела, и змея.

*

Мы дарим женщине цветы,
звезду с небес, круженье бала
и переходим с ней на «ты»,
а после дарим очень мало.

✱

В мужчине ум — решающая ценность,
и сила — чтоб играла и кипела,
а в женщине пленяют нас душевность
и многие другие части тела.

✱

Мои позавчерашние подруги
имеют уже взрослых дочерей
и славятся в безнравственной округе
воинственной моральностью своей.

✱

Быть бабой — трудная задача,
держись графией и не хнычь;
чужой мужик — что пух цыплячий,
а свой привычный — что кирпич.

✱

Будь опаслив! Извечно готово
люто сплетничать женское племя,
ибо в женщине всякое слово
прорастает не хуже, чем семя.

*

Есть бабы, очень строгие в девицах,
умевшие дерзить и отвечать,
и при совокуплении на лицах
лежит у них свирепости печать.

*

Чем сладкозвучнее напевы
и чем банальнее они,
тем легче трепетные девы
скидают платица на пни.

*

Есть дамы: каменны, как мрамор,
и холодны, как зеркала, —
но чуть смягчившись, эти дамы
в дальнейшем липнут, как смола.

*

У целомудренных особ
путем таинственных течений
прокисший зря любовный сок
идёт в кефир нравоучений.

✱

У женщин дух и тело слитны,
они способны к чудесам,
когда, как руки для молитвы,
подъемят ноги к небесам.

✱

Всё нежней и сладостней мужчины,
женщины всё твёрже и железней;
скоро в мужиках не без причины
женские объявятся болезни.

✱

Над мужским смеётся простодушьем
трепетная живость нежных линий,
от романа делаясь воздушной,
от новеллы делаясь невинней.

✱

Всегда мне было интересно,
как поразительно греховно
духовность женщины — телесна,
а тело — дьявольски духовно.

*

Блестя глазами сокровенно,
стыдясь вульгарности подруг,
девица ждёт любви смиренно,
как муху робко ждёт паук.

*

Бабы одеваются сейчас,
помня, что слышали от подружек:
цель наряда женщины — показ,
что и без него она не хуже.

*

Процесс эмансипации не сложен
и мною наблюдался много раз:
везде, где быть мужчиной мы не можем,
подруги ускользают из-под нас.

*

На женщин сквозь покровы их нарядов
мы смотрим, как на свет из темноты;
увяли бы цветы от наших взглядов,
а бабы расцветают, как цветы.

*

Бросьте, девки, приставать —
дескать, хватит всем давать:
как я буду не давать,
если всюду есть кровать?

*

Умерь обильные корма,
возделывай свой сад,
и будет стройная корма
и собранный фасад.

*

Не тоскуй, старушка Песя,
о капризах непогоды,
лучше лейся, словно песня,
сквозь оставшиеся годы.

*

Боже, Боже, до чего же
стал милёнок инвалид:
сам топтать меня не может,
а соседу — не велит.

О выпивке, о Боге, о любви

*

О чём ты, божия раба,
бормочешь стопами своими?
Душа строга, а плоть слаба —
верчусь и маюсь между ними.

ЛЮБВИ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ,
ЕЁ ПОРЫВЫ РУКОТВОРНЫ

Мы всякой власти бесполезны
и не сильны в карьерных трюках,
поскольку маршальские жезлы
не в рюкзаках у нас, а в брюках.

*

Не раз и я, в объятых дев
легко входя во вдохновение,
от наслажденья обалдев,
остановить хотел мгновение.

*

А возгораясь по ошибке,
я погасал быстрее спички:
то были постные те рыбки,
то слишком шустрые те птички.

*

Я никак не пойму, отчего
так я к женщинам пагубно слаб:
может быть, из ребра моего
было сделано несколько баб?

*

Душа смиряет в теле смуты,
бродя подобно пастуху,
а в наши лучшие минуты
душа находится в паху.

*

Мы когда крутили шуры-муры
с девками такого же запала,
в ужасе шарахались амурь,
луки оставляя где попало.

*

Пока я сплю, не спит мой друг,
уходит он к одной пастушке,
чтоб навестить пастушкин луг,
покуда спят её подружки.

✱

Всегда ланиты, перси и уста
описывали страстные поэты,
но столь же восхитительны места,
которые доселе не воспеты.

✱

Из наук, несомненно благих
для юнцов и для старцев согбенных,
безусловно полезней других
география зон эрогенных.

✱

Достану чистые трусы,
надену свежую рубашку,
приглажу щёткой усы
и навещу свою милашку.

✱

Погрязши в низких наслаждениях,
их аналитик и рапсод,
я достигал в моих падениях
весьма заоблачных высот.

О выпивке, о Боге, о любви

*

Вот идеал моей идиллии:
вкусивши хмеля благодать
и лёжа возле нежной лилии,
шмелей лениво обсуждать.

*

Я женских слов люблю родник
и женских мыслей хороводы,
поскольку мы умны от книг,
а бабы — прямо от природы.

*

Без вакханалий, безобразий
и не в урон друзьям-товарищам
мои цветы не сохли в вазе,
а раздавались всем желающим.

*

Всем дамам нужен макияж
для торжества над мужиками:
мужчина, впавший в охуаж,
берётся голыми руками.

*

Я близок был с одной вдовой,
в любви достигшей совершенства,
и будь супруг её живой,
он дал бы дуба от блаженства.

*

Не знаю слаще я мороки
среди морок житейских прочих,
чем брать любовные уроки
у дам, к учительству охочих.

*

Являют умственную прыть
пускай мужчины-балагуры,
а бабе ум полезней скрыть —
он отвлекает от фигуры.

*

Даму обольстить не мудрено:
даме очень лестно обольщение,
даму опьяняет, как вино,
дамой этой наше восхищение.

*

Соблазнам не умея возражать,
я всё же твёрдой линии держусь:
греха мне всё равно не избежать,
так я им заодно и наслажусь.

*

Хоть не был я возвышенной натурой,
но духа своего не укрощал
и девушек, ушибленных культурой,
к живой и свежей жизни обращал.

*

Одна воздержанная дама
весьма сухого поведения
детей хотела так упрямо,
что родила от сновидения.

*

Любой альков и будуар,
имея тайны и секреты,
приносит в наш репертуар
иные па и пируэты.

*

Те дамы не просто сидят —
умыты, завиты, наряжены, —
а внутренним взором глядят
в чужие замочные скважины.

*

Когда земля однажды треснула,
сошлись в тот вечер Оля с Витей;
бывает польза интересная
от незначительных событий.

*

Бросает лампа нежный свет
на женских блуз узор,
и фантики чужих конфет
ласкают чуткий взор.

*

Увидев девку, малой толики
не ощущаю я стыда,
что много прежде мысли — стоит ли
я твёрдо чувствую, что да.

*

Важна любовь, а так ли, сяк ли —
хорош любой любовный танец;
покуда силы не иссякли,
я сам изрядный лесбиянец.

*

Любил я сесть в чужие сани,
когда гулякой был отпетым;
они всегда следили сами,
чтобы ямщик не знал об этом.

*

Легко мужчинами владея,
их так умела привечать,
что элина от иудея
не попевала отличать.

*

Хватает на бутыль и на еду,
но нету на оплату нежных дам,
и если я какую в долг найду,
то честно с первой пенсии отдам.

*

Хвала и слава лилиям и розам,
я век мой пережил под их наркозом.

*

К любви не надо торопиться,
она сама придёт к вам, детки,
любовь нечаянна, как птица,
на папу капнувшая с ветки.

*

Милый спать со мной не хочет,
а в тетрадку ночь и день
самодетельно строчит
поебень и хуетень.

*

Весьма заботясь о контрасте
и относясь к нему с почтением,
перемежал я пламя страсти
раздумьем, выпивкой и чтением.

*

В тихой смиреннице каждой,
в робкой застенчивой лапушке
могут проснуться однажды
блядские гены прабабушки.

*

Бес любит юных дам подзуживать
упасть во грех, и те во мраке
вдруг начинают обнаруживать
везде фаллические знаки.

*

Когда Господь, весы колебля,
куда что класть, негромко скажет,
уверен я, что наша ебля
на чашу праведности ляжет.

*

С возрастом острее мужицкий глаз,
жарче и сочнее души котлета,
ибо ранней осенью у нас,
как у всей природы, бабье лето.

*

Ромашки, незабудки и гортензии
различного строения и окраски
усиливают с возрастом претензии
на наши садоводческие ласки.

*

Это грешно звучит и печально,
но решил я давно для себя:
лучше трахнуть кого-то случайно,
чем не мочь это делать, любя.

*

За повадку не сдаваться
и держать лицо при этом
дамы любят покрываться
королём, а не валетом.

*

Я красоту в житейской хляби
ловлю глазами почитателя:
беременность в хорошей бабе
видна задолго до зачатия.

О выпивке, о Боге, о любви

*

Мне жалко, что незыблема граница,
положенная силам и годам,
а то бы я помог осуществиться
мечте довольно многих юных дам.

*

Мы судим о деве снаружи —
по стану, лицу и сноровке,
но в самой из них неуклюжей
не дремлет капкан мужеловки.

ДА, В НЕБЕСАХ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ БРАК,
ТАМ ЕСТЬ У МНОГИХ
ТАИНСТВЕННЫЙ ВРАГ

Бог чувствует, наверно, боль и грусть,
когда мы в суете настолько тонем,
что женщину ласкаем наизусть,
о чём-то размышляя постороннем.

*

Мне кажется, были потаскушки,
знававшие катанье на гнедых,
в года, когда они уже старушки,
с надменностью глядят на молодых.

*

Творца, живущего вдали,
хотел бы я предупредить:
мы стольких дам не доебли,
что смерти стоит погодить.

*

Я в разных почвах семя сеял:
духовной, плотской, днём и ночью,
но, став по старости рассеян,
я начал часто путать почву.

*

Я прежний сохранил в себе задор,
хотя уже в нём нет бывшего смысла,
поэтому я с некоторых пор
подмигиваю девкам бескорыстно.

*

С годами стали круче лестницы
и резко слепнет женский глаз:
когда-то зоркие прелестницы
теперь в упор не видят нас.

*

А бывает, что в сумрак осенний
в тучах луч означает хрупкий,
и живительный ветер весенний
задувает в сердца и под юбки.

*

Что к живописи слеп, а к музыке я глух -
уже невосполнимая утрата,
зато я знаю несколько старух
с отменными фигурами когда-то.

*

Логической мысли забавная нить
столетия вьётся повсюду:
поскольку мужчина не может родить,
то женщина моет посуду.

*

Зря вы мнётесь, девушки,
грех меня беречь,
есть ещё у дедушки
чем кого развлечь.

*

Зря жёны квохчут оголтело,
что мы у девок спим в истоме:
у нас блаженствует лишь тело,
а разум — думает о доме.

✱

Ты жуткий зануда, дружок,
но я на тебя не в обиде,
кушая тайком пирожок,
какого ты сроду не видел.

✱

Внутри семейного узла
в период ссор и междометий
всегда легко найти козла,
который в этой паре третий.

✱

Настолько в детях мало толка,
что я, признаться, даже рад,
что больше копий не нащёлкал
мой множительный аппарат.

✱

Куда ни дёрнешься — повсюду,
в туман забот погружена,
лаская взорами посуду,
вокруг тебя сидит жена.

Игорь Губерман

*

Глаз людской куда ни глянет,
сохнут бабы от тоски,
что любовь мужская вянет
и теряет лепестки.

*

Послушно соглашаюсь я с женой,
хотя я совершенно не уверен,
что конь, пускай изрядно пожилой,
уже обязан тихим быть, как мерин.

*

Когда у нас рассудок, дух и честь
находятся в согласии и мире,
ещё у двоеженца радость есть
от мысли, что не три и не четыре.

*

Да, я бывал и груб, и зол,
однако помяну,
что я за целый век извёл
всего одну жену.

СЕМЬЯ ОТ БОГА НАМ ДАНА,
ЗАМЕНА СЧАСТИЮ ОНА

Женщиной славно от века
всё, чем прекрасна семья;
женщина — друг человека,
даже когда он свинья.

*

Мужчина — хам, зануда, деспот,
мучитель, скряга и тупица;
чтоб это стало нам известно,
нам просто следует жениться.

*

Творец дал женскому лицу
способность перевоплотиться:
сперва мы вводим в дом овцу,
а после терпим от волчицы.

✱

Съев пуды совместной каши
и года отдав борьбе,
всем хорошим в бабах наших
мы обязаны себе.

✱

Не судьбы грядущей тучи,
не трясина будней низких —
нас всего сильнее мучит
недалёкость наших близких.

✱

Брожу ли я по уличному шуму,
ем кашу или моюсь по субботам,
я вдумчиво обдумываю думу:
за что меня считают идиотом?

✱

Семья — надёжнейшее благо,
ладья в житейское ненастье,
и с ней сравнима только влага,
с которой легче это счастье.

*

Не брани меня, подруга,
отвлекись от суеты;
все и так едят друг друга,
а меня — ещё и ты.

*

Чтобы не дать угаснуть роду,
нам Богом послана жена,
а в баб чужих по ложке меду
вливает хитрый сатана.

*

Детьми к семье пригвождены,
мы бережём покой супруги;
ничто не стоит слёз жены,
кроме объятия подруги.

*

Мое счастливое лицо
не разболтает ничего;
на пальце я ношу кольцо,
а шейей — чувствую его.

*

Тому, что в семействе трещина,
всюду одна причина:
в жене пробудилась женщина,
в муже уснул мужчина.

*

Если днём осенним и ветреным
муж уходит, шаркая бодро,
треугольник зовут равнобедренным,
невзирая на разные бёдра.

*

Был холост — снились одалиски,
вакханки, шлюхи, гейши, киски;
теперь со мной живёт жена,
а ночью снится тишина.

*

Цепям семьи во искупление
Бог даровал совокупление;
а холостые, скинув блузки,
имеют льготу без нагрузки.

*

Господь жесток. Зелёных неучей,
нас обращает в жёлтых он,
а стайку нежных тонких девочек —
в толпу сварливых грузных жён.

*

Когда в семейных шумных сварах
жена бывает не права,
об этом позже в мемуарах
скорбит прозревшая вдова.

*

Если б не был Создатель наш связан
милосердием, словно верёвкой,
Вечный Жид мог быть жутко наказан
сочетанием с Вечной Жидовкой.

*

Хвалите, бабы, мужиков:
мужик за похвалу
достанет месяц с облаков
и пыль сметёт в углу.

Игорь Губерман

*

Где стройность наших женщин? Годы тают,
и стать у них совсем уже не та;
зато при каждом шаге исполняют
они роскошный танец живота.

*

Семья — театр, где не случайно
у всех народов и времён
вход облегчённый чрезвычайно,
а выход сильно затруднён.

БОЙСЯ ДРУГА, А НЕ ВРАГА —
НЕ ВРАГИ НАМ СТАВЯТ РОГА

Наших женщин зря пугает слух
про мужских измен неотвратимость:
очень отвращает нас от шлюх
с ними говорить необходимость.

*

Век за веком слепые промашки
совершает мужчина, не думая,
что внутри обаятельной пташки
может жить крокодильша угрюмая.

*

Разбуженный светом, ожившим в окне,
я вновь натянул одеяло:
я прерванный сон об измене жене
хотел досмотреть до финала.

Игорь Губерман

✱

Вполне владеть своей женой
и управлять своим семейством
куда труднее, чем страной,
хотя и мельче по злодействам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Очень маленькое предисловие</i>	5
Сколько дивно, что от алкоголя нисходят к нам покой и воля!	6
Духовную жажду легко утолить: достаточно сесть и немного налить	16
О Боге я думаю часто и много, поскольку не верю в наличие Бога	58
У Бога нету малой малости: нет сострадания и жалости	99
Дорога в Рай	
Краткое уведомление	
о шести последующих главах	143
Хвала неоспоримому греху	150
Прощение зависти	170
О высокой пользе низкой страсти	191
Остудись во гневе	208
О лени, матери пороков	225
Иного я не мыслю разговора (Этюды любострастия)	235

ЛЮБОВЬ — СПЕКТАКЛЬ, ГДЕ АНТРАКТЫ НЕМАЛОВАЖНЕЕ, ЧЕМ АКТЫ	265
ПЫЛКОЕ ЛЮБОВНОЕ СОИТИЕ — ВАЖНОЕ ЖИТЕЙСКОЕ СОБЫТИЕ	274
БОЖЕСТВЕННОСТЬ ЛЮБОВНОГО ТОМЛЕНИЯ — ИСТОЧНИК УМНОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ	299
ХОТЯ МЫ ОЧЕНЬ ПОХОТЛИВЫ, ЗАТО ВЕСЬМА НЕПРИХОТЛИВЫ	306
ВОТ ЖЕНЩИНА — ОНА ГРУСТИТ, ЧТО ЗЕРКАЛО ЕЁ ТОЛСТИТ	312
ЛЮБВИ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ, ЕЁ ПОРЫВЫ РУКОТВОРНЫ	324
ДА, В НЕБЕСАХ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ БРАК, ТАМ ЕСТЬ У МНОГИХ ТАИНСТВЕННЫЙ ВРАГ	336
СЕМЬЯ ОТ БОГА НАМ ДАНА, ЗАМЕНА СЧАСТИЮ ОНА	341
БОЙСЯ ДРУГА, А НЕ ВРАГА — НЕ ВРАГИ НАМ СТАВЯТ РОГА	347

Литературно-художественное издание

Губерман Игорь Миронович
О ВЫПИВКЕ, О БОГЕ, О ЛЮБВИ

18+

Содержит нецензурную брань

Главный редактор *Елена Шубина*
Ответственный редактор *Дана Хасанова*
Технический редактор *Татьяна Тимошина*
Корректоры *Надежда Власенко, Ирина Волохова*
Компьютерная верстка *Юлии Анищенко*

Подписано в печать 09.11.17. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 2000 экз. Заказ № 7133.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры



<http://facebook.com/shubinabooks>



<http://vk.com/shubinabooks>

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92
Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

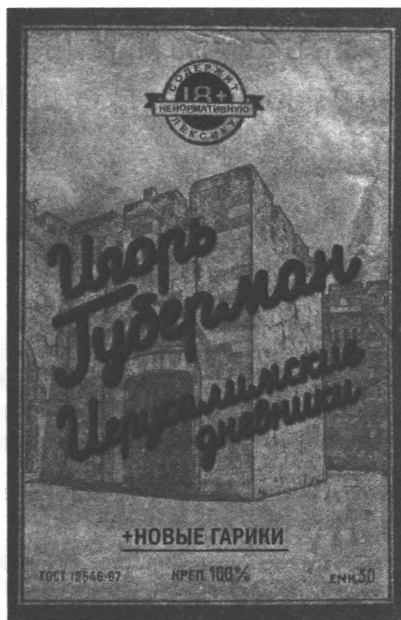
Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған



Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

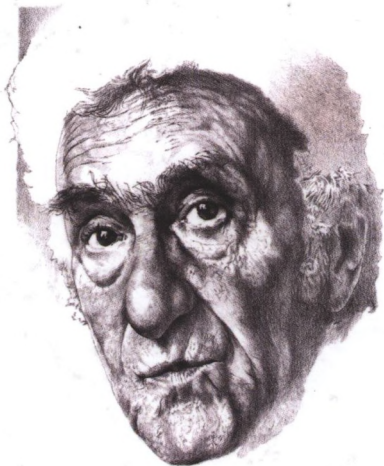
Издательство АСТ представляет



Перед вами, читатель, «Иерусалимские дневники» Игоря Губермана — шестой и седьмой — и еще немного стихов из будущей новой книги — девятого дневника.

Писатель рассказывает о главных событиях недавних лет — о своих концертах («у меня не шоу-бизнес, а Бернад Шоу-бизнес»), ушедших друзьях, о том, как чуть не стал богатым человеком, о любимой «тещиньке» Лидии Либединой и внезапно напавшей болезни... И ничто не может отучить писателя от шуток.

Вовлекаясь во множество дел,
не мечись, как по джунглям, — ботаник,
не горюй, что не всюду успел —
может, ты опоздал на «Титаник».



В новом сборнике гариков и прозы Игорь Губерман пишет «о трех феноменах, сопровождающих нашу жизнь», – «О выпивке, о Боге, о любви».

«Ну, разумеется, в устах такого циника, скептика и охальника, каким я, кажется, являюсь, три этих дивных феномена обрастают всякими деталями».

Я не мыслитель, а простак,
однако зоркий наблюдатель:
порой грехи прекрасны так,
что их одобрил бы Создатель.

*

Профан полнейший в туфлях, бусах –
эстетской жилки я лишён,
зато сходился я во вкусах
с мужьями очень разных жён.

*

Людей давно уже делю –
по слову, тону, жесту, взгляду –
на тех, кому я сам налью,
и тех, с кем рядом пить не сяду.

ISBN 978-5-17-080625-6



**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ**